

охота

и охотничье хозяйство

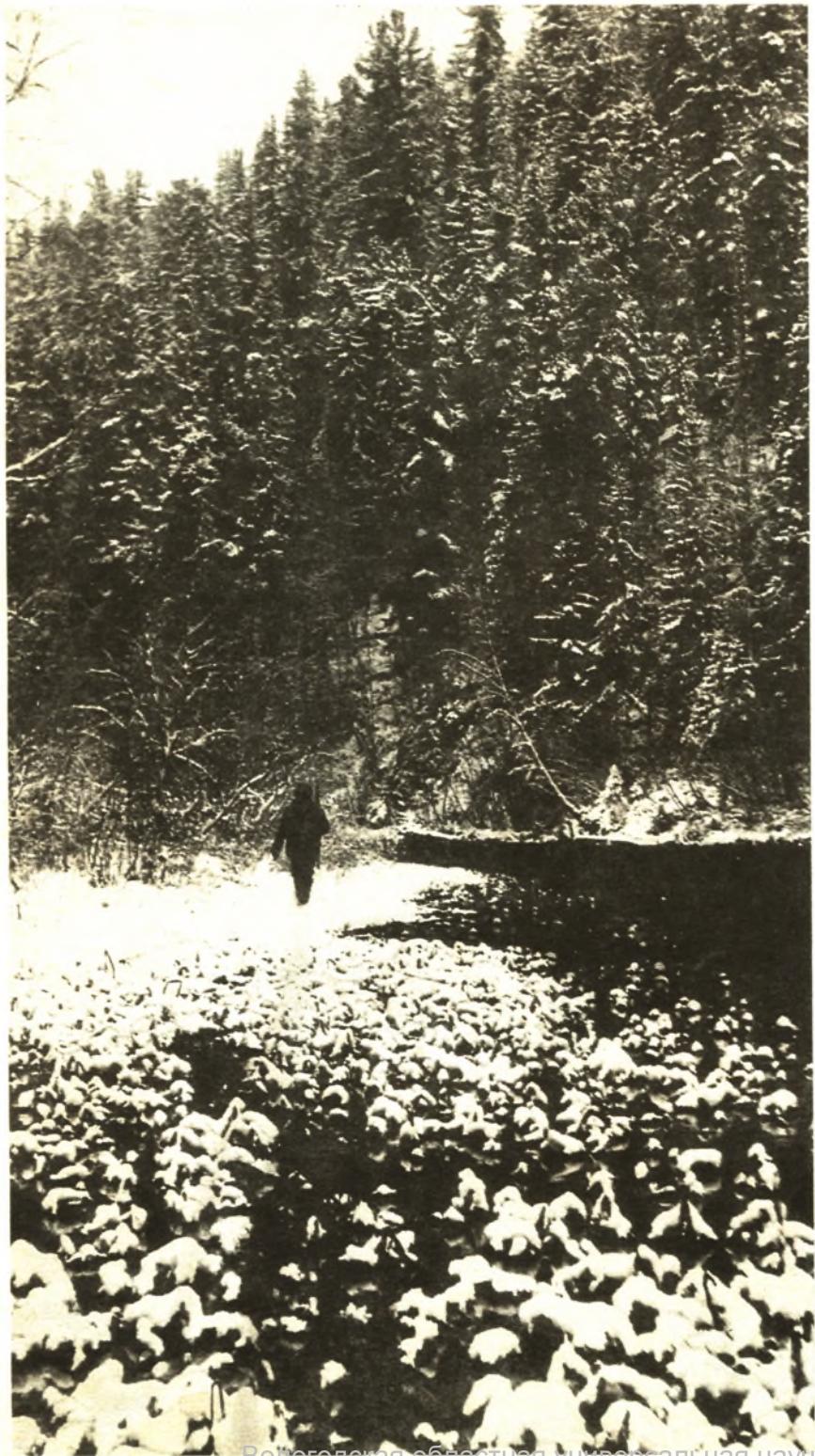
11

1990

В. КОВАЛЕВ,
почетный член общества охотников
и рыболовов Коми АССР,
член общества с 1954 г.

ПРЕКРАТИТЬ

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

При разумном использовании и надлежащем уровне воспроизводства охотничьей фауны в Коми АССР, республика могла бы сохранить на долго перспективу поставщика пушнины, мяса диких животных народному хозяйству. Обеспечить именно такой подход — цель и смысл работы нашего общества, созданного постановлением СНК РСФСР 45 лет назад. В распоряжении сорока шести тысяч охотников и рыболовов находятся десятки миллионов гектаров охотничьих угодий.

Громадная протяженность республики с юга на север и с запада на восток обуславливает наличие разнообразнейших охотничьих угодий. В Коми АССР около 4 тысяч рек протяженностью свыше 84 тысяч километров; Печора, Вычегда, Мезень с многочисленными притоками образовали целевые системы проточных и закрытых озер, полоев и островов. Не тронутые рубкой девственные лесные массивы являются своего рода резерватами для воспроизведения аборигенов темнохвойной тайги — глухаря, куницы, белки, медведя. Республика, превышающая по территории Францию, насчитывает немногим более 1,2 млн. жителей — это самая низкая плотность населения на территории европейской части страны.

В последние годы принят ряд правительственный постановлений, направленных на сохранение природы. Созданы заповедники на площади свыше 200 тыс. гектаров в Удорском районе, в зоне действий советско-болгарских лесозаготовительных предприятий. Согласованы Советом Министров Коми АССР границы национального парка, куда вошли все правые притоки реки Печоры с изумительно чистой горной водой, а также лесные массивы горного и приполярного Урала, общей площадью 1,8 млн. гектаров.

За этот период сам охотник стал рачительным хозяином. Все реже случаи браконьерства с целью наживы. Все больше времени мы отдаем работе в лесах, на озерах, выполняя различные биотехнические мероприятия.

Замечательные традиции в деле охраны природы наших лучших коми-охотников способствуют рациональному использованию охотничьих ресурсов. Добрых слов заслуживают Константин Иванович Крюков и Николай Сафонович Морохин, пенсионеры, практически всю жизнь отдавшие обществу и воспитавшие не одно поколение замечательных охотников.

На таежной речке. Первый снег.

Фото С. Яковлева

ПРИТЕСНЯТЬ ОХОТНИКОВ

Большим, государственной важности делом заняты Юрий Николаевич Ганов — охотовед-кинолог и Евгений Николаевич Филиппов — член правления нашего общества, бессменно поставляющие любителям и промысловикам чистокровных лаек и гончих. Рабочие качества наших охотничьих собак оценены далеко за пределами Коми АССР. Спрос на них постоянно растет. Это понятно: лайки свободно держат лося и медведя, ищут белок и куниц, облавляют глухаря. Неоценимую помощь в любительской охоте оказывают Зинаида Михайловна Чупрова, более двадцати лет работающая заведующей магазином «Охотник-рыболов», и егерь, почетный член общества Павел Афанасьевич Сердитов, проживающий в самом южном селе республики Летке.

К сожалению, ушли в прошлое рассказы о бесчисленных оленьих стадах и глухаринных токах с десятками поющих петухов, не обращающих внимания на человека и выстрелы. Только в воспоминаниях остались рыбалки, при которых сеть тонула от рыбы, а за два часа спиннингом ловили столько рыбы, что трудно было унести.

Сейчас другие времена. Один Сыктывкарский лесопромышленный комплекс сбрасывает целую реку ядовитых вод. Причем постоянно, на протяжении многих лет. Полукилометровой ширин-

ны р. Вычегда уже не разбавляет эти сбросы, и рыба пропахла «химией».

По уникальной Печоре, куда заходит на перест ценнейшая семга, курсируют катера, выбрасывая на берег молодь рыбы и водоросли. Идет молевской сплав, забивая топляком зимовальные ямы. Река Колва, вторичный приток Печоры, превращена нефтяниками в сточную канаву. На требования депутата Верховного Совета СССР от Коми АССР В. А. Носова принять меры народный контроль СССР ответил отпиской на семи листах. Ни одно предложение по улучшению природоохраных дел, вынесенное учеными, производственниками и общественностью республики, не нашло отражения в документах комиссии народного контроля.

Вместо выборочных рубок леса, наиболее полно отвечающих природе наших таежных лесов, Минлеспром СССР и другие ведомства проводят с разрешения Госкомлеса СССР сплошные концентрированные рубки с площадью лесосек 1×2 км, которые являются бедствием для охотничьей фауны северных районов.

Лесоруб рубит сук, на котором держится экономика крупного региона.

Тундра медленно, но неуклонно продвигается к югу.

Ведомства работают так, словно не существует местных жителей с их занятиями, заботами и проблемами.

Сложилось впечатление, что значительная часть природных ресурсов (лес, уголь, нефть, газ) авансом продана по долгосрочным кредитам. При этом совершенно не учтено, что лес на корню в десятки раз ценнее срубленной древесины. Чем больше мы рубим леса, добываем в тундре и лесотундре газ и нефти, тем беднее приставки наших магазинов.

Выход из создавшегося положения есть. Его подсказывают сами охотники и рыболовы нашего общества. Я благодарен местным жителям таежной реки Пижмы Усть-Цилемского района, активно вставшим на защиту своих охотничьих и рыболовных угодий. Доводы и аргументы пижемских охотников были настолько убедительны, что представители Минлеспрома СССР и объединения «Комилеспром» отказались от эксплуатации собственной сырьевой базы до тех пор, пока не научатся рубить, соблюдая интересы коренных жителей.

Комитет по спасению реки Печоры добился исключения из сырьевых баз лесозаготовительных предприятий целого ряда объектов. Общество охраны природы, неформальные объединения, «зеленые» так дружно встали на защиту природы, что правительство

Коми АССР в экстренном порядке приняло в 1989 году ряд дополнительных постановлений.

Однако крупнейшее объединение «Комипромохот» Главохоты РСФСР продолжает пассивно наблюдать, как под варварскими лесоповалочными машинами исчезают высокобонитетные охотничьи угодья, кормовые участки для дичи, воспроизводственные места для бобра, глухаринные тока и т. д.

В Усинском районе, на полярном круге и за ним — черный снег и черная земля от выбросов нефти и газовых факелов. Здесь вообще трудно выжить диким животным, а при подобном подходе им остается только вымирать. Профессиональные охотоведы молчат.

Трудно объяснить позиции местных властей. В Корткеросском районе до настоящего времени продолжается сплав по речке Лымве, которая заселена выдрой и бобрами, в ней мечут икру семга, сиг и харус. Леспромхозы везут гнилую осину за двести и более километров, а ценнейшая хвойная древесина тонет в реках и разбрасывается по лугам. Исчезает рыба, а вместе с ней и ценнейший зверь — выдра. И райисполкомы, и Совет Министров Коми АССР идут на поводу у ведомств, сдерживая исполнение собственных решений.

Колоссальный ущерб охотничьему хозяйству наносят газо- и нефтепроводы, под ними находятся десятки тысяч гектаров охотничьих угодий. Практически преграждаются миграционные пути оленям, лосям. Изолируется значительная часть кормовых угодий для зверей и птиц. Природа десятками лет залечивает раны от буровых вышек, карьеров, брошенных поселков. Для решения этих проблем необходимо установить твердую плату за землю, леса, воду, животный и растительный мир. А землю передать местным Соятам.

Последние годы мы только и делаем, что исправляем ранее допущенные ошибки. Неблагодарная работа. Активно боролись против предоставления позорных справок из психиатрической больницы для регистрации ружей. Доказываем не совсем компетентным лицам из МВД СССР, что из гладкоствольных ружей неэффективно стрелять лося, оленя, медведя — нужно нарезное оружие. Причем в таежных условиях севера обязательно надо иметь два-три ружья, чтобы стрелять и белку, и глухаря, и лося. Постоянные ограничения и запреты сдерживают желание охотиться даже у профессиональных охотников.

С глубоким возмущением узнаю, что в отдаленных поселках республики Вожаель и Белобарск Княж-

На первой странице обложки:

Известный охотовед Михаил Павлович Павлов и его верные помощники у своей избушки в пойме реки Чепцы. Весна 1990 г.

Фото О. Гусева

охота

и охотничье хозяйство

11 1990

Ежемесячный массово-производственный, спортивно-методический, иллюстрированный журнал Государственного комитета СССР по охране природы и Союза обществ охотников и рыболовов РСФСР

Основан в октябре 1955 г

Москва. ВО «Агропромиздат»

Вологодская областная универсальная научная библиотека

погостского и Усть-Куломского районов охотинспекция совместно с милицией отбирает ружья и рыболовные снасти у охотников, которые за счет промысла кормят свои семьи. Делают это грубо и бес tactно. В Усть-Куломском районе милиция устраивает целые облавы по изъятию оружия, вместо создания нормальных условий для его регистрации. Между тем в таких районах нужно поощрять и поддерживать стремление жителей, особенно молодых людей, к охоте и рыбалке. Это же дополнительный источник замечательных продуктов и чудесное решение проблемы свободного времени на селе.

Запретить приобретение ружей гораздо легче, чем контролировать их использование. Идет бессовестный побор денег и за регистрацию ружей, и за перерегистрацию. О каком авторитете милиции можно вести речь, если она стоит на формальных узковедомственных позициях? Давно пора понять, что преступность в стране расстет не потому, что у населения отдаленных районов есть охотничьи ружья, а потому, что это своего рода реакция на ущемление наших прав. Нельзя же бесконечно заставлять человека преодолевать искусственно созданные проблемы.

Нашему охотничьему обществу здесь тоже надо поработать. Отдельные путевки на утку, зайца, глухаря в условиях отдаленности населенных пунктов создают охотникам непреодолимые трудности в их приобретении и толкают на нарушение правил. В то же время для улучшения условий охоты и рыбалки правлением общества сделано еще очень мало. Кому нужна прибыль, если она направлена против самих охотников? Правление должно активнее работать для реализации поставленных членами общества целей.

Поле деятельности в нашей республике достаточно большое. Необходимо расширить охотничьи угодья для любительской охоты за счет изъятия их у «Комипромохоты». Добиваясь монополии на право пользования угодьями, промысловые хозяйства сдерживают под разными предлогами любительскую охоту, не обеспечивая при этом продуктами питания жителей даже в местах дислокации своих бригад.

Нужно восстановить разрушенные плотины по речкам Тыбы-ю и Нювчим. Построить охотничьи и рыболовные базы, обеспечить ими в первую очередь наших, а не только иностранных и приезжих охотников. Объем биотехнических мероприятий необходимо увеличить в десятки раз. Создать полигоны для натаски охотничьих собак. Предстоит масса других необходимых дел.

Б. КОВАЛЕВ,

почетный член общества охотников и рыболовов Коми АССР,
член общества с 1954 г.

ПРОБЛЕМЫ ПРИГОРОДНОГО РАЙОНА

А. АКСЕНОВ,
охотовед Приволжского района
Астраханской области

завод. Садово-огородными участками занято 709 га.

С середины 70-х годов развернулось строительство широкой сети ирригационных систем, это наложило отпечаток на ландшафт. Были осушены и спланированы имеющиеся ильмени и мелкие протоки, в результате резко сократилась площадь естественных водно-болотных угодий. В то же время в результате прокладки открытых дренажно-коллекторных систем и зарастания их тростником, а также структуры севооборота сложилась высокая мозаичность угодий и значительно повысились кормовые и защитные условия практически для всех видов животных. Одновременно возрос фактор беспокойства в период сельхозработ.

В недалеком прошлом, когда экологические проблемы замалчивались, посевы риса в районе преобладали над всеми культурами. Для водоплавающих и околоводных видов птиц были отличные кормовые условия, если не брать во внимание обработку этих полей гербицидами. Сейчас плоскади под рисом резко сокращаются. При создании ирригационных систем исчезает прибрежная растительность, сокращаются гнездопригодные площади для водоплавающих птиц. Большинство уток, гнездящихся по берегам дренажных каналов, становятся добывчей лисиц и енотовидных собак. Утки, загнездившиеся на люцерновых полях, часто попадают под уборочные комбайны. Эффективные отпугивающие устройства до сих пор не разработаны.

Основными видами водоплавающих птиц, прилетающих на кормежку на рисовые чеки, являются кряква, серый гусь, чирки, красноносый нырок. В последнее время на пролете все реже встречаются шилохвость, серая ут-

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ?

М. СУЧКОВ
г. Воронеж

Уважаемая редакция!

Обращаюсь к вам от своего имени, но «с санкции» друзей-охотников. Многое «накипело». Впрочем, лучше по порядку.

Дело в том, что у нас в Воронеже своеобразный порядок получения права на охоту. Не отработал 4 дня — даже разовой путевки не дают. А взносы и госпошлина, между прочим, заплачены.

Хотел бы быть понятым правильно — я не против отработок как таковых. Но, во-первых, они должны быть строго добровольными. Во-вторых, работать надо только в своих хозяйствах, на себя.

Начинал я охотиться, учась в Воронежском лесотехническом институте. У института было приспособленное охотхозяйство в районе села Чертовицкое. В те годы, на мой взгляд, работа не была формальной: и в рейды по

ка. Обилие в дренажах земноводных и подросших за лето мальков рыб, попавших сюда при заборе воды из рек, привлекает цапель, квакв. Хорошо приспособились к жизни в рисовых системах лысухи, но этот вид, как и многие другие, испытывает жесточайший пресс со стороны серой вороны.

Проблему серой вороны в нашем районе пытаются решать с 1985 г. Одни считают, что эффективнее стрелять ворон в период их гнездования. Но шуму при этом много, а результат очень мал. Чтобы получить за уничтоженных ворон боеприпасы, охотники нередко берегут гнезда почти до подъема птенцов на крыло, а потом собирают «дань». Мы отказались от стрельбы ворон в весенний период. В конце апреля — начале мая на закрепленных за охотниками участках прокалываем яйца серой вороны, а там, где появлялись птенцы, разоряем гнездо. Участки обследуются до двух раз с интервалом в 1—2 недели. Практика показала, что охотники проводят эту работу добросовестно.

В связи с малым количеством водно-болотных угодий охота на водоплавающую дичь в районе ведется не продолжительное время, в основном на рисовых плантациях (чеках). Основной объект охоты в зимний сезон — заяц-русак. Выдача разрешений и охота в последние два года ведется по охранным участкам. Границы участков, достаточно крупных, хорошо выражены на местности (чаще всего это русла рек). Весь резервный фонд разделен на пять участков. Это обеспечило равномерную нагрузку на угодья, хотя значительно увеличило забот охотоведа в период выдачи разрешений. Пресс охоты на угодья района велик из-за близости города. От 30 до 40 % всех выданных управлением охотничьего хозяйства облисполкома разрешений на зайца-русака приходится на Приволжский район (300—350 городских охотников и 100—120 местных). Но при таком прессе средняя добыча на одно разрешение за 5 лет не падает, а возрастает. При ежегодном сокращении угодий возни-

кает вопрос о сокращении количества выдаваемых разрешений не менее чем на треть.

Разрешение на право добывчи лисицы и енотовидной собаки ежегодно получают 50—60 охотников района, которые сдают в заготовительные организации от 50 до 100 лисиц и 10—40 енотов. Оправдала себя многолетняя практика организации охот бригадами. Бригады существуют по несколько лет, качество сдаваемой ими пушнины довольно высоко, сдается практически все, что добывается. У городских охотников процент добычи и сдачи пушнины крайне низок. Так, в сезон охоты 1987/88 г. в городе было выдано 30 таких разрешений, вернулось 20, добыто 5 лисиц. За то же время 45 местных охотников добыли 52 лисицы и 10 енотовидных собак. Поэтому целесообразно независимо от принадлежности охотничьих угодий, организацией заготовок пушнины заниматься районному охотоведу, поручая ему весь цикл, от учетов численности и определения величины заготовок до контроля за ними. При этом следует определить долю начислений к его заработку в случае выполнения взятых обязательств, а при невыполнении — удержания неустойки.

До 1986 г. в районе не было закрепленных охотничьих угодий, пока не организовалось приписное охотничье хозяйство «Приволжское» площадью 24 тыс. га. В его работе отразилось как в зеркале общее положение дел в областном обществе охотников и рыболовов. По положению охотничье хозяйство не может существовать без воспроизводственного участка. Отвели участок, со всех сторон окруженный непреодолимыми препятствиями, для планируемых к воспроизведству фазанов и зайцев: крупная река Болда с одной стороны, большое село Началово с другой. Здесь же находится студенческий лагерь, ведется интенсивное сельское хозяйство. В итоге участок существует сам по себе, не неся никакой воспроизводственной функции в охотничьем хозяйстве. Вопрос о переводе участка в другое место общест-

вом не решается. Очередная формальность — исправное планирование биотехнических мероприятий. Два года в хозяйстве выставляется по 100 искусственных гнезд каркасного типа для уток. При проверке выясняется: висят «гнезда», сваренные из прутка сечением около 10 мм в виде корзин, а в каждом «гнезде» по клочку рисовой соломы. Долгие беседы с егерями о нецелесообразности такого мероприятия, отметки в акте проверки ничего не меняют. В отчете о работе общества за полугодие 100 гнезд остаются как достижение. На следующий год — опять в плане 100 таких же гнезд, из них 40 устанавливаются в 100 метрах от студенческого лагеря. Опять план выполнен, а эффективность близка к нулю. Планируются ежегодно и другие мероприятия: устройство коромышек для куропаток, соловцов (для кого и зачем?) и т. д. В отчетах исправно указывается выполнение, а нужно ли это, эффективно ли — не интересует ни руководство общества охотников, ни егерей охотхозяйства. Необходимость коренного пересмотра деятельности общества охотников на зрела давно.

В целом охотниче хозяйство пригородного Приволжского района может успешно развиваться даже при условии дальнейшего сокращения посевов риса. Возникают новые перспективы, особенно для разведения фазана. Охота на фазана в Астраханской области запрещена около 30 лет, но значительного прироста численности не произошло. Необходимо искать другие пути повышения численности фазана в условиях интенсивной хозяйственной деятельности основного землепользователя — сельского хозяйства. Например, целесообразно отказаться от выкапывания тростниковых зарослей на дренажных системах, дать возможность создания многолетних ремизных полос на землях, не пригодных для сельскохозяйственного производства. Это приведет к концентрации фазана у полей, что будет способствовать биологической защите растений.

охране ходили, и сами хозяйство обустроили, и даже дичеразведением занимались. Посадить топинамбур, накосить сено, связать веники — никаких проблем не возникало. И тем, кто больше труда вкладывал, весомые льготы были — и лучшая зона для охоты, и путевки подешевели. Даже устраивали показательные охоты для новичков.

Окончил я институт, перешел в другой коллектив. И попал после «свежей воды» в «ээтхлое болото», точнее

сказать не могу. Хозяйства у коллектива нет, поэтому возник вопрос, где отрабатывать. И выяснилось, что Воронежское городское общество, не умея и не желая заниматься организаторской работой, не нашло ничего лучшего, как направлять охотников на овощные базы.

Пришел я на отработку и попал... вместе с людьми, отбывающими 15 суток. Когда они узнали, откуда я, очень веселились: «Мы,— говорят,— сюда за

преступления, а вы за что?» Заставило меня это крепко задуматься. А ведь действительно, за что мы, стоя по щиколотку в грязи, голыми руками (рукавицы нам выдать забыли) перебирали в холода гнилье? Какая польза охотничьему хозяйству от этого?

Обращался за разъяснениями к работникам общества, но вразумительного ответа не получил. Надеюсь увидеть его на страницах журнала.

М. П. Павлову в ноябре этого года исполнится 70 лет. Мы поздравляем Вас, дорогой Михаил Павлович, со славным юбилеем, желаем счастья и новых выдающихся достижений.

Фото В. Пескова

В жизни редко бывает, что то, к чему тянется душа с детства, становится профессией на всю жизнь. Так произошло в счастливой судьбе Михаила Павловича Павлова — русского охотоведа, кандидата биологических наук, одного из старейших сотрудников ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства имени профессора Б. М. Житкова.

Детские годы его прошли в подмосковной деревне Верее. Живописная пойма Москвы-реки с правобережным знаменитым Боровским курганом, Мачниковскими каменоломнями, остатками боровых мещерских лесов за небезызвестной дачной Малаховкой формировала отношение к природе, поклонение ее красоте. Детство было заполнено посильным крестьянским трудом, на покосных лугах, в поле. Отец занимался извозом, потому постоянным спутником жизни была лошадь. В немногие свободные от крестьянской работы дни Миша, если не нянчил младших братьев, сидел на Пехорке с удочкой либо ходил за грибами и ягодами, а то и просто в неизведанные места окрестностей Вереи. К крестьянскому труду, труду на земле Михаил Павлович сохранил удивительно уважительное отношение по сей день. Он убежден, что чем бы ни занимались люди других профессий, по существу они лишь помощники пахарю, пастуху и охотнику.

Малая родина изобиловала в ту пору дичью, в реках было полно рыбы, многие деревенские жители занимались охотой, а некоторые семьи и промысловый рыбакой, поставляя уловы на базар. Пристрастившись к рыбальке, Миша затем увлекся ловлей в западни певчих птиц, а в последние школьные годы стал страстным голубятником. Эти увлечения поселяли в душе любовь ко всему, что живет в природе, развили наблюдательность, заложили задатки натуралиста, исследователя и неподдельный интерес к общению с домашними и дикими животными (у него и сейчас в кабинете порхает нарядный щегол).

Школьные годы Павлова приились на трудное и судьбоопределяющее для России время. В то время к грамоте, знаниям потянулись все, особенно к знаниям техническим. Ведь в тридцатые годы даже многие подмосковные мальчишки только впервые увидели автомобиль, трактор, самолет. Шофер и летчик были главными героями. Лишь Михаила по-прежнему тянула к себе природа, тем более, что в девятом классе продажей лесных ягод ему удалось заработать на бесценную покупку — однотульскую ижевку, правда, без цевья.

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

50 ЛЕТ В ОХОТОВЕДЕНИИ

В. ШИРЯЕВ

Бедность крестьянского быта, усиленная коллективизацией, постоянные призывы учителей Быковской железнодорожной школы к бдительности, к пресечению происков врагов народа и их пособников, к защите революционных преобразований привели Павлова, как и многих других его сверстников, к мысли, что его долг — стать военным. Немалая роль в этом популярного тогда ежемесячника «Боец-охотник», прославившего военных охотников и само охоту и всегда прочитываемого Мишой от корки до корки.

Но совершенно случайно он услышал из никогда не выключавшегося в доме репродуктора объявление, что возле Балашихи, под Москвой, зоотехнический институт (позднее реорганизованный в пушно-меховой, ныне ВСХИЗО) производит набор студентов. На другой день он уже был в этом институте, размещавшемся в бывшем Голицынском особняке с большим запущенным парком, неподалеку от которого находился исток речки детства, Пехорки. Наудачу день этот в институте оказался «днем открытых дверей». Потоптавшись в нерешительности, Миша вошел в боковой корпус особняка, робко зашел в первый кабинет. За столом сидел, что-то читая, бородатый ученый. О чём был первый разговор с профессором, М. Павлов не помнит, так как был окончательно сокрушен богатыми экспонатами кафедры, чучелами птиц и зверей. В тот день все было решено: только охотоведческий факультет, любой ценой и в любом случае. Так, в 1938 г. М. П. Павлов пришел в охотоведение.

В ту пору Зоотехнический институт под Балашихой был единственным учреждением в стране, готовившим специалистов высшей квалификации в области охотничьего и пушно-мехового хозяйства и кадры для зародившейся в недрах охотоведения звероводческой отрасли. Это был особенный институт, привлекший много талантливых ученых и преподавателей. Всеми уважаемым научным лидером, кумиром охотоведов был Петр Александрович Мантайфель — основоположник биотехники, науки о разведении диких охотничьих животных в естественных условиях, создатель биотехнической кафедры со специализированным курсом биологии и систематики промысловых зверей и птиц.

Это его первым встретил Миша Павлов в институте, и кафедра «яди Пети» вскоре стала для него как родной дом. Сподвижником Петра Александровича являлся известный ученый, профессор, доктор наук Б. А. Кузнецов — основатель кафедры товароведения пушно-мехового сырья и общего курса отечественной зоогеографии. Кафедру пушного звероводства возглавляли профессора Л. В. Бойцов и М. К. Павлов. Техника охотничьего промысла была заботой специалиста этого дела доцента В. В. Каменского, а впоследствии — С. А. Ларина.

Руководители профилирующих кафедр понимали, что охотоведение и звероводство — сложнейшее занятие и, чтобы стать специалистами высшей квалификации, необходимы разносторонние знания. Поэтому в институте успешно функционировали специальные кафедры, призванные рас-

ширять у студентов общий профессиональный и особенно природоведческий кругозор. Знания зоологии, анатомии и физиологии животных, эволюционного учения прививались студентам известными учеными-теоретиками: академиком АН Казахской ССР С. Н. Боголюбским, профессором Г. И. Азимовым, доцентами русской академической школы А. З. Черновым, Е. Г. Андреевой, Р. В. Клером. Курс микробиологии талантливо и увлекательно читал профессор А. И. Метелкин. Крупной, основательной была в институте и кафедра ботаники и геоботаники с ее необыкновенно добрыми учителями академиком Е. К. Алексеевым, доцентами П. В. Сергеевой и И. М. Краевским, в совершенстве владевшими знанием растительного мира. Химию и биохимию вели солидный профессор Культюгин и искренне увлеченый, хрупкий на вид, но сильный энциклопедическим знанием своего предмета доцент Д. И. Лисицин. Почвоведение и метеорологию преподавал необыкновенно высокого роста и очень сухого телосложения доцент А. В. Казанский. Он имел у студентов кличку «Хвощ» и репутацию фанатично увлеченного своим предметом преподавателя.

Студенты звероводно-охотоведческого факультета по полной программе изучали и зоотехнические дисциплины: содержание, кормление, разведение животных; то есть дисциплины, которые развивались в рабочем содружестве с учеными кафедры генетики. Эта кафедра возглавлялась крупным специалистом своего дела профессором Петром Фомичем Рокицким, в годы нашествия «лысенковщины» изгнанным из института, но ставшим затем академиком. Кстати, именно у этого ученого и у большинства работников зоотехнических кафедр (в том числе у профессоров Е. А. Соколова и В. К. Милованова) находили наиболее активную поддержку идеи и устремления сотрудников кафедры биотехники.

Надо сказать, что в конце 30-х годов постоянными лекторами в студенческих аудиториях звероводно-охотоведческого факультета были известные ученые Московского университета и столичных академических институтов биологического и географического профиля Н. А. Бобринский, С. А. Северцов, Н. П. и С. П. Наумовы, А. Н. Формозов, Г. П. Дементьев, А. П. Кузякин, С. С. Фолитарек, а при проведении практических занятий — выдающийся орнитолог, душа юных натуралистов многих поколений П. П. Смолин, охотовед В. Г. Стакровский, выпускник биофака МГУ, будущий профессор А. М. Колсов. Работа этих ученых дополнялась талантливым аспирантским составом кафедры биотехники, воспитавшей известных ныне ученых-биологов, среди которых надо назвать увлеченных экспериментаторов Н. В. Некипелова, А. В. Рюмина, Т. Н. Дунаева.

П. А. Мантелейфель объяснял будущим охотоведам, что группировки животных и их ареалы сложились не по воле человека, что значительный экономический эффект можно получить при рациональном изменении границ зоологических сообществ, а поэтому колоссальные территории таят в себе большие потенциальные возможности в смысле использования кормовых ресурсов, сезонных стаций и т. д. Но следом пояснял, что это не простое дело, так как зоологи в ту пору мало занимались изучением биологии промысловых животных, а поверхностные описания их жизни были настолько схематичны, что оставляли без ответа самые элементарные вопросы биологии (параметры размножения, потребности в основных кормах, стациях и т. п.), без которых невозможна рационализация производства. Естественно, что студенты института были подключены к выяснению этих вопросов, так как на кафедру биотехники П. А. Мантелейфелем был привнесен дух небезызвестного КЮБЗа Московского зоопарка.

Многие студенты с первого курса подключались к научной работе. Активно работал при кафедре кружок биологов-охотоведов, в котором проходили жаркие студенческие дискуссии по выяснению биологических явлений и особенностей жизни охотничьих животных и поиску разумных решений для практической работы.

Одно из первых студенческих научных исследований, проведенных по подсказке П. А. Мантелейфеля М. Павловым, заключалось в выяснении, каким образом прогревает свою «многотажную» кладку перепелка. Работы проводились в родных лугах Подмосковья и были просто и быстро завершены догадкой — пронумеровать яйца в найденных кладках. Об этом по настоянию Петра Александровича была написана заметка в стенгазету кружка.

Рассказывая мне о педагогических приемах своего учителя, М. П. Павлов вспомнил, что однажды, заметив, как его ученик безразлично проходит мимо лужи с лягушачьей икрой, П. А. Мантелейфель как бы между прочим спросил: «А зачем зародыш в икринке окружен толстой, прозрачной как хрусталь, слизистой оболочкой?» От ученика последовал незамедлительный ответ: «Она, конечно, ядовита и предохраняет зародыш от пожирания». После такого ответа Петр Александрович добродушно улыбнулся, а затем попросил обратить внимание, что зародыши на затененной и освещенной солнцем стороне лужи разные по размерам. Последовало задание установить, как меняются размеры лягушачьих зародышей в солнечный и пасмурный день в разных по освещенности частях водоема. После наблюдений родился ответ, что «хрустальная оболочка икринки практически служит линзой, концентрирующей

солнечное тепло на черную точку зародыша.

Но увлекательная и полностью захватывающая учеба в институте вскоре была прервана. Наступила тяжкая война.

С первых дней войны М. П. Павлов — в студенческих отрядах на строительстве оборонительных сооружений на Днепре у ст. Издешково, что на железнодорожном перегоне Смоленск — Вязьма. Затем — выход из окружения, возвращение в институт и направление по специальному предписанию в составе группы однокурсников в Уральск, зоологом на Кожехаровскую противочумную станцию.

Из противочумной системы в марте 1942 г. вся их группа отозвана в Самарканд, куда был эвакуирован институт. В июле М. П. Павлов по сокращенной программе закончил институт, получив диплом с отличием, и сразу был призван на действительную военную службу в Ташкентское пулеметное училище. В мае 1943 г. в звании младшего лейтенанта его направляют на Южный фронт командиром пулеметного взвода. А в августе этого же года 22-летний фронтовой командир участвует в кровавых боях на Миусских оборонительных позициях. Вскоре в очередном штурме ближних подступов к горько известной солдатам Саур-Могиле, он получает три тяжелых ранения, одно из которых на всю жизнь покалечило руку.

Но судьба была благосклонна: он выжил, попав в те 2—3 % горькой статистики, относящейся к судьбам солдат рождения начала 20-х годов. В госпитале искалеченного Павлова навестил П. А. Мантелейфель, ставший в годы войны участливым отцом для многих учеников. В марте 1944 г. он устраивает этого демобилизованного офицера, еще небросившего костили, лаборантом к себе на кафедру биотехники, а еще через год Михаил Павлов успешно сдает экзамены в аспирантуру при этой кафедре.

Подключившись к научно-исследовательской работе кафедры, М. П. Павлов проводит полевую практику в Лосинке с послевоенными студентами охотоведческого факультета. С 1945 г. аспирант Павлов уже на полевых работах в Крымском заповеднике, где по заданию Госкомитета по заповедникам занимается исследованием хищничества горнокрымской лисицы и результатов интродукции белки-телеутки. Работа по лисице становится докторской темой, и в 1948 г. он защищает кандидатскую диссертацию. В характеристике тех лет П. А. Мантелейфель пишет: «Только большая выносливость Павлова и навыки охотника дали ему возможность провести работу в исключительно тяжелых условиях послевоенного Крыма».

Одновременно с изучением лисицы М. П. Павлов изучает стации и участвует в осуществлении первых пробных выпусков козерога и кеклика на

Чатырдаге. После защиты диссертации молодой ученый по рекомендации профессора А. М. Колосова принимается на должность старшего научного сотрудника во Всесоюзный научно-исследовательский институт охотничьего промысла (ВНИО, ныне ВНИИОЗ). В этом институте он трудится уже более 40 лет. И все эти годы — в лаборатории, где главным делом была акклиматизация охотниче-промышленных животных.

В лаборатории активный сотрудник пришелся ко двору. Ему было поручено руководство работами по акклиматизации и промышленному разведению нутрии в южных районах страны. В результате под его руководством на Черноморском побережье в Колхиде в водно-болотных системах Азербайджана и Таджикистана, в Приазовских плавнях Кубани сложилось интенсивное промысловое нутриеводство, к сожалению, почти заглохшее после преобразования мелиораторами этих систем. Первой опубликованной работой М. П. Павлова стала книга о нутрии, вышедшая в 1951 г.

После перевода института из Москвы в г. Киров в 1959 г. М. П. Павлову поручают возглавить лабораторию акклиматизации. На посту заведующего он прослужил более 25 лет. За эти годы лаборатории удалось расширить исследования и по другим проблемам воспроизводства ресурсов, вследствие чего она была переименована в лабораторию биотехники. Сотрудники лаборатории активизировали экспериментальные работы по ондатре, в частности по созданию очагов черной ондатры в Ставрополье и Туркмении. Расширили они работы и по речному бобру, особенно в части разумного использования восстановленных ресурсов этого зверя. Возобновились работы с экзотическими видами: при лаборатории появилась шиншиловодческая ферма, обеспечивающая поголовье для пробных выпусков зверьков на Памире и в горах Малого Кавказа. Внимание сотрудников лаборатории было направлено также на снижение ущерба в охотничьих угодьях от серой вороны и волка. Сам М. П. Павлов со студенческих лет питает к волку особый охотничий интерес. В этом году вышло второе издание его книги «Волк».

Круг вопросов, исследуемых лабораторией, предопределяет необходимость знания ее руководителем жизни обстановки разных регионов. С этой целью М. П. Павлов посещает Камчатку, пересекая ее от моря до океана, путешествует по таежным рекам Хабаровского и Приморского краев, по Васюганской тайге на Оби, по берегам Байкала, обезжаждает многие якутские озера в пойме р. Лены, ездит по степям Казахстана, по Прикаспийской пустыне, проникает и на заповедный Барса-Кельмес, ходит по горам Алтая в районе Телецкого озера, руководит экспедициями на Балаше, в дельте р. Амударьи, на Ку-

бани, в горах Северного Кавказа, Памира и Тянь-Шаня, немало ездит по Украине, по приволжским степям, посещает угодья охотничьих хозяйств Белоруссии и Прибалтийских республик и, уже больше как охотник, много колесит по подмосковным областям и северо-востоку России.

Вместе с другом, замечательным охотоведом В. Ф. Гавриным, в 60-е годы занимавшим пост директора ВНИИОЗа, М. П. Павлов участвует в организации охотоведческого отделения при Кировском сельхозинституте. Шесть первых лет существования факультета он читает студентам-охотоведам курс лекций по биотехнике, во многом сохранив стиль своего учителя П. А. Мантифеля.

Список публикаций М. П. Павлова включает более 200 самых разнообразных статей — от популярного изложения заметок в периодической печати до крупных статей в зарубежных изданиях. Его первая книга «Нутрия» переведена на китайский язык, а основные главы из книги «Волк» — на шведский. Только в нашем журнале опубликовано более 30 его статей по различным вопросам деятельности охотничьего хозяйства. Однако основными научными интересами были и остаются вопросы интродукции охотничьих животных, изучение результатов их акклиматизации. Этим проблемам он посвятил более 50 публикаций. Сейчас он завершает третий (заключительный) том сводки «Акклиматизация охотниче-промышленных зверей и птиц».

Работы М. П. Павлова известны не только ученым-охотоведам. Он, как говорится, «свой человек» и среди охотников-собаководов, и среди кинологов. Он сам — эксперт республиканской категории, член Всероссийского кинологического совета. Поэтому М. П. Павлова нередко можно видеть в экспертных комиссиях на выставочных рингах и в составе судей на полевых испытаниях и состязаниях охотничьих собак. По собаководству М. П. Павловым опубликовано 10 статей, под его редакцией составлены две сводки «Охотниче собаководство в СССР».

М. П. Павлов — со студенческих лет увлеченный заводчик английских сеттеров, а после переезда из Москвы в г. Киров — немецких жесткошерстных легавых. Он первым завел эту породу в Кировскую область и привил интерес к ней среди вятских охотников.

Для коллег и товарищей по охоте М. П. Павлов — умелый, добычливый охотник, неутомимый поборник сохранения и развития всего разнообразия русских видов охоты. В последние годы досуг он проводит больше в вятских лесах, где в сосновом бору поймы р. Чепцы стоит охотничья избушка, известная уже охотникам разных регионов страны. Здесь я и услышал его излюбленный шуточный девиз: «Если работе мешает охота, бросай работу!»

ЧЕМ ПРИМАНИТЬ БОБРА?

Г. ЩЕННИКОВ,
научный сотрудник Всесоюзного
научно-исследовательского института
охотничьего хозяйства
и звероводства
им. профессора Б. М. Житкова

Территориальный консерватизм бобра известен давно. Эта особенность вида послужила развитию и совершенствованию системы мечения территории, занятой семьей. Маркировка бобрами занятого участка осуществляется пахучими метками. Наличие их обеспечивает закрепление района деятельности семьи и его опознавание (Wilsson, 1971; Лавров, 1981).

Существование химической коммуникации у бобра общеизвестно. Однако до недавнего времени источником химических сигналов считались только препуциальные органы (бобровая струя). По-видимому, это связано с тем, что метки издают стойкий и сильный запах бобровой струи. Этим можно объяснить и большее внимание исследователей к бобровой струе. Гистологические исследования показали, что препуциальные органы не являются железистыми, а представляют собой кожный мешок, содержимое которого образуется в результате взаимодействия ороговевающего эпителия и солей, приносимых мочой

ЮБИЛЕЙ ИНСТИТУТА

Б. ЗЛОБИН,
доцент

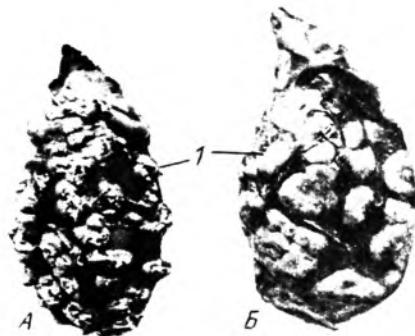
Три дня проходила научно-производственная конференция, посвященная 60-летию Кировского сельскохозяйственного института и 25-летию подготовки в нем биологов-охотоведов. Во встрече приняли участие 164 выпускника. В первый день встречались с преподавателями, рассказывали о своей работе, семье, волнующих проблемах. Во второй день прошли пленарные заседания. Об истории создания кировской школы охотоведов рассказал один из первых ее преподавателей, ныне сотрудник ВНИИОЗа, кандидат биологических наук И. П. Карпухин. Профессор А. И. Колеватова поделилась опытом творческого содружества

(Кацнельсон, Орлова, 1954, 1956). Различий в строении этих органов у самцов и самок и в образовании содержимого не выявлено.

Рядом с бобровой струей расположены анальные железы, которые хорошо известны охотникам-боброловам. Мягкие на ощупь, они заполнены секретом со специфическим запахом. Секрет желтый у самцов и самок различается по цвету, консистенции и запаху. Самцы имеют секрет желтого цвета, а самки — серого. Резкий специфический запах секрета позволяет органолептически определить пол животного. Внутренняя поверхность желез покрыта бугорками (скоплениями сальных железок). У самцов эти бугорки гладкие, а у самок неровные. Неровность создается пробками выделяющегося секрета (Соколов и другие, 1988).

Таким образом, цвет секрета анальных желез и их строение являются дополнительными признаками, по которым можно определить пол бобра. Цвет секрета может быть индикатором прижизненного установления пола, что затруднено у бобра из-за отсутствия у самцов наружных половых признаков. Для этого необходимо нащупать довольно крупные и хорошо ощущимые анальные железы. Затем слегка надавить на них и немножко сместить по направлению к анальному отверстию. Это достаточно проделать на одной железе. Проток железы выступит над поверхностью ануса, и на нем будет видна капля секрета. Если капля не сформировалась, можно еще раз надавить на железу. Секрет, появившийся на протоке железы, подскажет пол животного.

В литературе утверждилось мнение, что секрет анальных желез служит

Внутреннее строение анальных желез европейского бобра: А — самки, Б — самца. [Железы вывернуты внутренней стороной наружу, секрет удален.]

1. Скопления сальных железок (буторки).

бобру для смазки волосяного покрова и предохраняет его от намокания. Изучение морфологии желез выявило наличие четкого полового диморфизма не только в цвете и запахе секрета, но и в анатомическом и гистологическом строении желез, их расположении, что свидетельствует об информативности секрета о поле. Половой диморфизм в морфологии желез, их расположение, сезонные и возрастные особенности функционирования дают основание отнести анальные железы европейского бобра согласно системе номенклатуры (Соколов, Чернова, 1981) к коммуникативным железам. Все это подтверждает участие анальных желез в химической коммуникации. Этот вывод согласуется и с нашими наблюдениями за маркировочным поведением бобра в естественных условиях, в результате которых

на пахучих метках, оставляемых бобрами, выявлено, помимо бобровой струи, наличие секрета анальных желез и его запаха. Полученные знания мы попытались использовать на практике.

Проведенные нами опыты в полевых условиях показали на возможность использования секрета анальных желез при промысле бобра. Применение бобровой струи для этих целей общезвестно у боброловов и дает неплохие результаты.

В наших опытах мы использовали несколько способов для привлечения бобров методом этологических индикаторов (Корытин, 1972). В пределах поселений на берегу водоема изготавливались искусственные холмики из почвы высотой 5—8 см у кромки воды. На такие возвышения наносился экстракт из бобровой струи либо секрет анальных желез или то и другое вместе. Использование одного секрета анальных желез дало худшие результаты. Однако комплексное применение бобровой струи и секрета желез оказалось наиболее результативным. К таким холмикам, обработанным сначала экстрактом бобровой струи, а затем секретом желез, бобр подходил в наших опытах более чем в 80 % случаев от числа наблюдений. Положительный результат достигался за счет меньшей подверженности высыханию жировой основы секрета и наличия его дополнительной информативности.

Проведенными опытами установлена возможность более эффективного привлечения бобров к определенному месту. Результаты работы и пробных отловов показывают, что использование данного метода при отлове этих зверей увеличивает эффективность их промысла.

работников кафедры зоологии и выпускников-руководителей охотхозяйственного производства. Автор данной публикации проинформировал о совершенствовании учебного процесса по специальности за истекшие 25 лет.

В дискуссии приняли участие 27 человек. Заместитель директора ВНИИОЗа, доктор биологических наук Н. Н. Граков подчеркнул, что она отразила борьбу сложившейся системы руководства и хозяйствования с поднявшимся демократическим движением.

Большое внимание на конференции было уделено проблемам современной подготовки биологов-охотоведов. Конференция приняла специальную резолюцию, в которой отмечена ведущая роль КСХИ в подготовке охотоведческих кадров для европейской части СССР. В Кировской, Архангельской, Пермской областях, Коми, Татарской, Удмуртской, Чувашской АССР выпускники составляют основу руководящего звена охотхозяйственной отрасли. Разнообразен перечень учреждений и ведомств, где находят применение био-

логи-охотоведы, обширна география мест их работы.

Участники конференции обратили внимание на негативные явления, тормозящие подготовку специалистов. Из-за сложившейся неопределенности в разделении функций Главохоты РСФСР и Государственного комитета РСФСР по охране природы высшие учебные заведения, занимающиеся подготовкой биологов-охотоведов, не имеют четких представлений о потребности в специалистах не только на пятилетку, но и на ближайшее будущее. Материальное обеспечение факультета не соответствует современным требованиям. Нет учебных пособий по специальным дисциплинам, студенты по-прежнему изучают экономику и организацию охотничьего хозяйства, биотехнику, технологию добычи животных по разобщенным публикациям. При сохранении подобной ситуации не исключено, что в ближайшем будущем уровень обучения отстанет от потребностей охотничьего хозяйства.

Среди рекомендаций, выработанных

на конференции, есть такие, как создание льготных условий для начинающих трудовую деятельность выпускников, предоставление им первоначальной безвозмездной ссуды и последующего долгосрочного кредита. Для повышения престижности обучения специальности биолога-охотоведа в Кировском сельскохозяйственном институте предложено установить персональную именную стипендию имени профессора Б. М. Житкова. Участники конференции считают, что настало время обучать охотоведов коммерческому и банковскому делу, этике и психологии руководителя, работе на компьютерах. Выпускники обязательно должны получать права на вождение автомобиля, мотоцикла, маломерных судов, снегоходов, работы с бензопилой; звания экспертов-кинологов и экспертов по охотничьим трофеям.

Те выпускники, которые не смогли приехать на юбилейную конференцию в Вятку, прислали письма и телеграммы с добрыми пожеланиями и словами благодарности родному институту.

АЛТАЙСКИЙ СПОСОБ ПРОМЫСЛА БЕЛКИ

Г. СОБАНСКИЙ,
кандидат биологических наук

Горный Алтай в недавнем прошлом славился обилием белки. В последние годы этого зверька становится меньше из-за интенсивной вырубки наиболее ценных горных кедровых и лиственнических лесов. Тем не менее сейчас на территории Горно-Алтайской автономной области заготовка шкурок белки в отдельные годы доходит почти до 200 тыс. штук. Так, в 1985 г. было заготовлено более 190 тыс. Рекордным был 1955 г., когда в области заготовили 562 370 шкурок (Собанский, 1981). Численность же охотников в малонаселенной области составляла в те годы немногим более трех тысяч человек; на каждого охотника в среднем пришлось почти по 200 белок.

Основной способ добычи белки в регионе — ружейный. Используются гладкоствольные ружья преимуще-

ственno малых калибров, а также винтовки Тульского завода калибра 5,6 мм.

В восточной и центральной частях Горного Алтая преобладают светлохвойные леса из лиственницы, где промышлять белку очень удобно: ее заметно издалека, помочь собаки тут часто не требуется. К тому же малоснежье в большинстве этих угодий дает возможность многим охотникам использовать во время промысла верховых лошадей. Это резко увеличивает производительность труда на охоте.

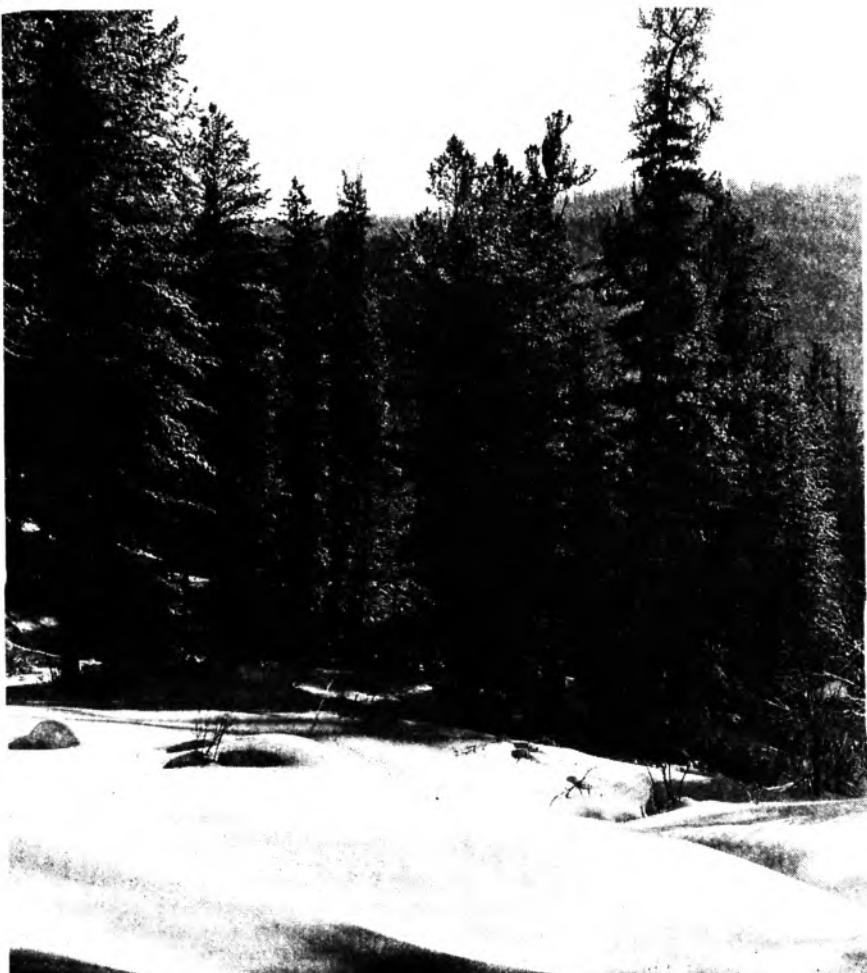
На северо-востоке, а также на юго-западе региона условия промысла не столь благоприятны. Там преобладает (где еще не вырублена) высокополнотная черневая и темнохвойная тайга. Поиск белки в таких угодьях без собаки крайне затруднен, поэтому абсолютное большинство охотников

используют на охоте лаек. Есть в этих местах и еще одна неудобная для охоты особенность — ранние снегопады и, как правило, высокий сугробный покров. Этот фактор существенно ограничивает продолжительность охоты с лайкой. В результате с помощью одного способа не всегда удается освоить запасы белки в необходимых размерах, что при высокой численности зверьков нежелательно — они все равно погибнут от бескорыши или других причин.

Плашка — основной самолов на белку, широко распространенный в Восточной Сибири, по каким-то причинам так до сих пор и не проник на Алтай, несмотря на все усилия отдельных охотоведов-энтузиастов. Не прижился здесь и древесный капкан. Это достаточно уловистый и надежный самолов. Однако он довольно тяжел, громоздок, к тому же давно не поставляется в Горно-Алтайскую автономную область. Возможно, эти самоловы еще и потому не прижились в регионе, что здесь издавна существует свой, алтайский способ добычи белок проволочными петельками. И правилами охоты он разрешен именно как местный, традиционный.

Охотники знают, что ближе к середине зимы, примерно со второй половины декабря, белки «тролят» — натаптывают тропки и бегают по ним. Прокладывают тропки через небольшие полянки, ложки, лесовозные дороги, другие открытые участки. Обычно они проложены между краинами с той и с другой стороны «чистины» деревьев. Особенно активно зверьки пользуются тропками перед гоном и во время него, причем всегда наиболее активны самцы. Когда белок много, на одной тропе можно отловить до нескольких десятков зверьков. Как правило, абсолютное большинство среди них — самцы.

Вот на этих тропках и ведется петельный промысел. Для этого по краям тропы (а белки бегают по ним в обоих направлениях) у деревьев, от которых она идет, устанавливают небольшие палки-шестики. Лучше использовать небольшие сухостойные прямые деревца пихты, ели, рябины, других пород, очищенные от сучьев. Их всегда можно найти поблизости. Диаметр их от 3 до 5—7 см, длина — 2,5—3,5 м. Подготовленный шестик вытипают комлевой частью в снег на величину тропы, слегка притаптывают лыжей. Вер-

шину прислоняют к дереву на высоте 1—1,5 м от поверхности снега. Затем к шесту привязывают и устанавливают на нем вертикально от 2—3 до 7—8, иногда даже 10 петельки из тонкой упругой проволоки. Диаметр петельки 4—4,5 см. От шестика ее нижний край должен отстоять на 2—3 см. Диаметр петли может быть и немного больше указанного, но тогда белки нередко попадают в нее животом, долго бьются, иногда отрывают проволоку (перекручивают) и уходят, портят шкурку. Петлю меньшего диаметра они несколько чаще сбивают, но тут есть шанс, что зверек попадет в следующую — если охотник не поленится навязать их побольше. К тому же, если проволока достаточно упругая, сбитая петелька возвращается в исходное положение, и в нее может попасть другой зверек.

Для изготовления петель охотники используют разную проволоку диаметром 0,25—0,3 мм. Наилучшие результаты получаются, когда применяют никромовую проволоку или из других подобных сплавов. Она достаточно упруга и очень прочна на перекручивание. Чаще приходится довольствоваться стальной проволокой,

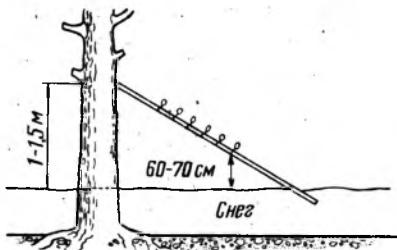

Схема установки петель на белку.

для чего надо расплетать тонкие троны, или мягкой, которую используют пчеловоды для натягивания на рамки. Последняя плохо выдерживает перекручивание, и петли из нее лучше делать в две проволоки, иначе белки часто ее отрывают.

Петельки на шесте располагаются на расстоянии в 10—15 см одна от другой; нижнюю желательно расположить сантиметрах в 60—70 от снега. Верхняя должна располагаться так, чтобы попавшая в нее белка не достала дерево. На одном шестике в петельки иногда попадает по 3—4 зверька. Попавшихся белок изредка повреждают птицы — кедровки, сойки, утаскивают соболя. Бывает такое редко, поэтому самоловы осматривают нечасто — обычно один раз в 5—7 дней.

Петельный промысел белки, не требующий больших материальных и трудовых затрат, в годы высокой ее численности может быть весьма добывливым. Например, зимой 1987/88 г. опытные охотники Горно-Алтайского зоокомбината В. А. Малышев и В. Н. Клешевич добыли этим способом по 600—700 зверьков каждый.

ПО СТАРОЙ КОЛЕЕ

В постановлении Верховного Совета СССР от 4 августа 1989 г. «О решительном усилении борьбы с преступностью» особо подчеркнута обязанность следственных органов и судов с максимальной строгостью рассматривать случаи браконьерства. Верховный Совет поставил браконьерство в один ряд с такими опасными преступлениями, как разбойные нападения, грабежи, хищения и кражи, изнасилования и др. Для претворения постановления в жизнь, безусловно, требуется изменить в лучшую сторону отношение этих органов, и в первую очередь милиции, к борьбе с браконьерством. Если же этого не произойдет, пользы от постановления будет мало.

23 декабря 1989 г. москвич Л. Г. Усенок находился на даче в деревне Бяконтово Мытищинского района Московской области. Около 12 ч дня недалеко от деревни он услышал выстрелы, а потом увидел охотников. В зеленой зоне Москвы охотиться нельзя, поэтому Усенок выстрелил насторожился. На месте стрельбы он обнаружил две шкуры, голову кабана и внутренности. По количеству селезенок и других органов определил, что отстреляны четыре маленьких и один большой кабан. Усенок заснял все на кинопленку, а две шкуры и голову свиньи перенес на дачу и сообщил об этом в Марфинское отделение милиции. Надо отметить, что этот сигнал в милицию имеет большое значение как свидетельство, что простые люди не хотят мириться с фактами браконьерства, требуют их расследования.

Милицией были быстро установлены все участники охоты: отец и сын Каличкины, Гнездилов и Панов. По словам Каличкина Г. Ф.-старшего, являясь председателем Протасовского первичного охотколлектива, он получил спортивную лицензию на кабана в Дмитровском межрайонном обществе охотников и рыболовов, как поощрение по итогам соцсоревнования. 23 декабря они вчетвером пошли на охоту в Дмитровском районе недалеко от деревни Бяконтово. Стреляли по кабану, ранили его. Подранок перешел в Мытищинский район, где был добит.

Не проводя больше никакой проверки, старший участковый инспектор капитан милиции Стрелкин В. А. вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием в действиях участников охоты лиц состава преступления. Может быть, на его решение повлияло участие в охоте бывшего председателя исполнкома Протасовского сельсовета народных депутатов Гнездилова Н. В.? Участкового инспектора

не заинтересовало, почему в охоте участвовали только четыре человека, хотя в коллективе, которому выдали лицензию, 11 человек? Можно ли вообще с таким количеством охотников проводить охоту на копытных? На какого кабана была выдана лицензия — на взрослого или на сеголетка? Если кабан был ранен в Дмитровском районе, а добили его в Мытищинском, сделана ли в лицензии отметка о ранении, как того требуют Типовые правила охоты в РСФСР и Правила охоты в Московской области? Лицензию Стрелкин не истребовал.

Еще вопрос, на который нет ответа: почему в решении говорится об обнаружении Усенком останков одного кабана, в то время, как в письменном объяснении того же Усенка, данном 27 декабря 1989 г. дежурному Марфинского отделения милиции старшему лейтенанту милиции Соболеву Ю. Б., речь идет о четырех маленьких кабанах и одном большом? И последний вопрос: почему не осмотрены голова и шкуры кабанов, принесенные Усенком домой от места их отстрела? При отсутствии ответов на эти вопросы проверку, проведенную Стрелкиным, нельзя считать законченной. Поэтому Мытищинский городской прокурор В. Г. Суворов отменил принятое Стрелкиным решение и потребовал от органов милиции проведения проверки в полном объеме. Но это обоснованное требование прокурора милицией так и осталось не выполненным. 18 февраля 1990 г. Стрелкин повторно отказал в возбуждении уголовного дела по тем же основаниям.

Согласились с этим необоснованным решением начальник Марфинского отделения милиции майор Черносищев В. В. и начальник Мытищинского УВД полковник милиции Волков Н. А. Только не могут согласиться Усенок и его знакомый москвич С. А. Потапов, которому известны все перипетии этой истории. От него поступило заявление в прокуратуру Московской области с просьбой разобраться, наконец, с этим фактом.

Прокурор следственного управления прокуратуры Московской области И. Е. Ляхов изучил имеющиеся материалы и пришел к однозначному выводу, что в данном случае для выяснения всех обстоятельств требуется возбуждение уголовного дела. Верное, но запоздалое решение, которое должна была принять милиция сразу после получения сигнала.

Каковы будут результаты расследования по возбужденному уголовному делу, предсказать трудно. Милиция своими необоснованными решениями сделала все возможное, чтобы затянуть и тем самым осложнить установление истины. Фактор времени в таких делах играет отрицательную роль.

**Н. АСТАФЬЕВ,
старший советник юстиции**

Изучающий взгляд — одна из особенностей поведения тигра.

бегущую жертву позицию. Поэтому непосредственно перед контактом с жертвой тигр делает серию коротких расчетливых прыжков (Юдаков, Николаев, 1987). Иной прием используется тигр при нападении на животное, принявшее оборонительную позу. Опираясь на ступни, он поднимается перед жертвой, загребая передними лапами, подминает ее и делает мгновенную хватку зубами. В момент нападения тигр громко рычит, что, возможно, и оказывает на жертву, находящуюся в безвыходном положении, гипнотизирующее действие и парализует ее волю.

Поймав жертву, тигр не выпускает ее из пасти до тех пор, пока она не прекратит последние конвульсивные движения. После этого долго вылизывает кровь, выступившую из ран жертвы, и перетаскивает добычу

ЭКОЛОГИЯ ПИТАНИЯ ТИГРА

Тигр стоит на высших ступенях «пирамиды жизни», а его отношения с видами, стоящими ниже, многообразны, как многообразна его роль в таежных биоценозах. Чем выше положение хищника в «пирамиде жизни», тем жестче его зависимость от жертв, тем уже его трофическая ниша, тем уязвимее его популяции при неблагоприятных условиях. Сейчас, когда обычны прямые контакты тигра и человека, когда хищник и человек используют одни и те же природные ресурсы, когда хищник наносит прямой ущерб домашним животным и непосредственно человеку, отношения тигра и человека по сути стали конкурентными. Возникающие конфликтные ситуации, как правило, имеют в практике одностороннее решение — тигра отстреливают, чем восстанавливают относительное спокойствие. Это решение никак не согласуется с законодательными актами по охране вида и не может обеспечить его сохранность в природе. Для реальной оценки перспективы сохранения тигра в фауне Дальнего Востока в первую очередь необходимо углубленное изучение экологии его питания и на этой основе создание для хищника необходимых трофических условий в биоценозах.

Видовой состав потенциальных жертв тигра относительно мал. Поэтому неширок набор его приемов напа-

дения на жертву и последующего ее расчленения. Тем не менее отношение хищника к различным жертвам имеет свои особенности не только из-за различных размеров и физических способностей особей, но и из-за пищевой привлекательности, которая, несомненно, многое определяет.

Наиболее распространенный, самый типичный для тигра прием нападения — стремительный, накоротко бросок на жертву сбоку или сзади, мощный рывок передней лапой обычно за холку или за спину, опрокидывание жертвы на бок, хватка зубами за шею с последующим заломом головы вбок. В результате этого шейные связки разрываются и жертва практически мгновенно погибает. Имеющиеся в литературе сообщения о том, что тигр перед нападением издает громоподобный рев и в огромном прыжке мощным ударом лапы ломает хребет жертве (Кучеренко, 1985), совершенно не отвечают поведению и хищника, и жертвы и повторяются без должного критического анализа. Неверно также, что самыми длинными прыжками являются первый (Животченко, 1979) и последний (Кучеренко, 1985). Первый прыжок не может быть самым большим потому, что без инерции его сделать невозможно, а последний потому, что в большом прыжке хищнику сложнее выбрать удобную для нападения на

в другое место. Перетаскивание добычи происходит два-три раза, является непременным атрибутом перед началом утилизации жертвы и может возобновиться после частичного насыщения или повторного подхода хищника к остаткам жертвы. По наблюдениям А. Г. Юдакова и И. Г. Николаева (1987), максимальное расстояние, на которое тигр перенес жертву от места ее добычи до места поедания, равнялось 650 м. Как установлено этими авторами, «самая тяжелая носка», переносимая тигром в пасти, была косуля. Обычно перетаскивает жертву волоком, а длительность перетаскивания не зависит от размера и расчлененности жертвы. Приводимые в литературе сообщения о том, что тигр может нести, прыгать через заборы, преодолевать завалы, держа в пасти жертву весом 100 и более килограммов, перепрыгивать через полутора-двухметровый забор с животным в 150 кг весом (Кучеренко, 1985), мягко говоря, преувеличены. Такие описания не только не содействуют познанию экологии питания тигра, но и требуют усилий на их опровержение.

Доказательством несостоятельности таких утверждений может служить недавний пример. В январе 1986 г. на свиноферме Александровского совхоза (Спасский район Приморского края) тигры — взрослая самка и два

В. ЮДИН
Биологический институт
ДВО АН СССР, Владивосток

Фото автора

полутрагодовых тигренка — постоянно нападали на свиней. Задавив свинью 90—100 кг весом, самка тащила ее волоком через проем в заборе, дополнительно оторвав еще одну доску, за которую зацепилась свинья. Волоком они утащили свинью в кустарник на расстояние более 160 м. Однажды тигрица в том же загоне задавила поросенка весом 42 кг. Она перепрыгнула с ним через забор высотой 120 см со второй попытки (заметим, что высота забора по всему периметру не превышала названной). К забору и за ним тигрица тащила поросенка волоком, пропуская его между передними ногами.

Приемы утилизации жертвы тигром в целом также однообразны. Исследователи обычно констатируют, что сначала он выедает мягкие ткани задних ног (Кучеренко, 1985; Юдаков, Николаев, 1987). Однако по нашим наблюдениям все зависит от индивидуальности тигра и вида жертвы.

Чего не сделашь ради лакомой пищи.

Задавленных собак тигры в двух случаях начинали есть, обгрызая шкуру на плече, в трех случаях разгрызали шею в месте нанесенных клыками прокусов, в одном случае — с последних грудных ребер и в двух случаях начинали есть с бедра. Теленка тигры начали есть в области шеи, плеча и бедра одновременно. Овец — в двух случаях с шеи и с бока. Во всех случаях у собак с пышным опушением, у овец и енотовидных собак предварительно выщипывали шерсть в месте последующего разгрызания. Края разрывов шкуры постепенно выворачивали, а мягкие ткани и кости выедали. Частично съедают шкуру. Во всех случаях утилизации собак в наших опытах тигры оставляли голову без шкуры с разгрызенной мозговой камерой. Редко оставляли лапы.

Тигрята в нашем опыте, а им было около 10 месяцев (зубы еще молоч-

ные), впервые встречались с предложенными им жертвами. Поэтому отношение к жертвам разных видов, степень утилизации, а также процесс формирования хищнического инстинкта и приемов нападения были важнейшим предметом нашего эксперимента, ибо восполняли один из существенных проблем в биологии вида — становление хищника.

До отлова тигрят в возрасте 4,5 месяца они уже были знакомы со вкусовыми особенностями изюбра (последнее, что добывала для них мать) и, очевидно, других обычных жертв, в том числе и кабана. Домашних животных ни по запаху, ни по вкусу до начала опыта тигры не знали. К моменту отлова они не могли приобрести каких-либо навыков в добывании пищи, а обучение их матерью еще не могло вступить в стадию участия в совместных охотах. Подтверждением тому является их крайне бедственное состояние — тигрята находились на грани гибели от истощения (один уже погиб), так как погибла их мать. Такое стечание обстоятельств создавало благоприятную обстановку для изучения процесса пробуждения хищнических инстинктов без участия самки. Провести подобные наблюдения в естественных условиях невозможно.

Тигрята быстро приобретали навыки хватки «по месту» — вначале на трупах, а позднее на живых животных. Впервые напасть на живую собаку самец осмелился в возрасте 11,5 месяца, самка — в 14 месяцев. Состояние жертвы — живая или мертвая — не оказывало никакого влияния на степень ее утилизации и приемы расчленения. Впервые получив овцу, тигренок-самец без малейших промедлений ухватил ее за шею и долго давил, пытаясь заломить голову, что ему никак не удавалось, очевидно, из-за недостатка физических сил. Затем, тщательно вылизав шею и плечо овцы, он вырвал в этом месте шерсть и разгрыз шкуру. Ел медленно, выворачивая шкуру наизнанку. Другую овцу он начал есть, разорвав шкуру на боку. Поросят и подсвинков во всех случаях тигры съедали вместе со шкурой начиная практически с любого органа. У дикого кабана высокую плотную шерсть сначала выдергивали в месте разгрызания шкуры. Собак, кроликов и зайцев начинали есть с любого места, разорвав шкуру. Крупных птиц ощипывали, но чаще выдергивали только крупные перья.

Домашних животных по пищевой привлекательности для тигров можно разделить на две группы: предпочитаемые (все копытные и курица) и мало привлекательные (собаки, кошки, кролики и утки). В группе предпочитаемых животных не было различий в отношении к тому или иному виду, хотя животные хранили запахи навоза различного свойства и интенсивности, пересливавшие специфические запахи. Во второй группе среди собак отдавалось предпочтение щенкам и самкам, кошки

внушали отвращение, уток и кроликов поедали неохотно.

Из диких животных тиграм предлагали косулю, барсука и енотовидную собаку, зайца-беляка, сорок, ворон, уток, горлиц. Отношение к ним было самое различное. Косуля была съедена полностью, кроме желудка с содержимым, и костей ног. Очевидно, у диких и домашних копытных есть нечто общее во вкусовых качествах и особенно в запахах. Из диких птиц тигры охотно ели уток (крыжва обыкновенная) и горлиц. Не трогали или совершенно не усваивали енотовидных собак, барсуков, ворон. Такое отношение проявлялось у голодных и у сытых тигров.

Из изложенного следует, что независимо от вида животного приемы утилизации, отношение к жертвам разных видов и даже внутри вида различные. В опытах мы имели дело с тиграми, для которых понятие «голодный — сытый» весьма относительны, поскольку они были средней упитанности и регулярно получали корм. По существу, настоящего голода они не испытывали. Очевидно, только этим можно объяснить презрительное отношение к барсуку, так как на воле тигр полностью съедает этого зверя. Нет сомнений, что голодный хищник съел бы и енотовидную собаку, и кошку, и ворону, но непривлекательность этого рода жертв в опыте проявилась в полной мере. Из опыта также следует и то, что в природе состав жертв мы определяем по их остаткам, то есть фиксируем факт свершившейся трагедии, но не можем знать физического состояния тигра. Больные или истощенные звери вынуждены питаться различной викарной (замещающей) пищей, которую, применяя существующие методы изучения питания, мы оцениваем как излюбленную, даже не пытаясь разгадать, почему тигр съел именно это животное. Экспериментальное кормление приоткрывает еще одну сторону взаимоотношений тигра с потенциальными жертвами.

Анализируя питание тигра и степень утилизации им диких копытных, нетрудно проследить разницу в отношении к самцам, самкам и молодым жертвам. Совершенно четко эта разница видна в отношениях к кабану. Так, согласно данным Д. Г. Пикикова (1981), из 27 найденных им остатков жертв тигра 12 принадлежали кабанам, 9 — изюбрам, 6 — косулям. Среди кабанов было 4 взрослых свиньи (33,3%), три самца в возрасте 3—4 года (25%) и пять сеголеток (41,7%). Самки и сеголетки съедены на 60—100%, а самцы на 5—30%. Из пяти сеголеток три остались нетронутыми, потому что были сильно истощенными (добыты 3 марта). Изюбры утилизируются полнее: самки до 80% (в среднем на 35%), сеголетки — на 35—40, а самцы в возрасте 1,5—3 лет — на 20%, и только со второго подхода один из них утилизирован на 90%. Среди изюбров было 5 взрослых самок, 2 сеголетки, один полуторагодовалый и один 2—3-летний бык.

Интересен факт отсутствия среди жертв крупных быков изюбра и преобладание самок (55,6%). Количество обследованных остатков косуль невелико (22,2% всех жертв), но среди них нет ни одного самца. Степень утилизации косуль 20—100% (средняя 85,5%) выше, чем по всем другим видам жертв.

Из результатов эксперимента и изучения питания тигра в природе следуют такие выводы.

Из популяций основных видов жертв тигр извлекает преимущественно сеголеток и самок, активно влияя на половую и возрастную структуру популяций, репродуктивные свойства и годичный прирост.

Тигрица с потомством полнее утилизирует добычу.

Степень утилизации находится в прямой связи с пищевой привлекательностью жертвы — полнее утилизируются сеголетки и самки. Истощенных и павших животных тигр, как правило, не трогает.

Обсуждая избирательность тигра при выборе объекта нападения, уместно привести высказывание А. Г. Юдакова и И. Г. Николаева (1987): «Встречи хищников с потенциальными жертвами гораздо более часты, чем попытки охоты». Они же убедительно показали, что тигры во время охоты и, очевидно, выбора объекта нападения пользуются обонянием. Выбор объекта нападения и использование обоняния во время охоты — два важнейших фактора в поведении тигра, показывающих, что для хищника важны не только наличие жертвы, но и ее определенные качественные свойства (вид, возраст, пол). Отношения в системе «хищник — жертва» более сложные, чем простое количественное соотношение хищников и жертв.

При нападении тигра на взрослых животных выше расход энергии, снижается вероятность удачи, но увеличивается риск промаха, получения отпора и травм. Нападение на крупную жертву должно происходить из наиболее выгодной позиции при минимальном расстоянии и полной неожиданности. Это обеспечивает максимальный успех. Видовые и возрастные особенности поведения жертв определяют продолжительность погони и расстояние начала броска. Протяженность погони за взрослым изюбром в четыре раза короче, чем за кабаном (соответственно 47 и 194 м). Нападения чаще заканчиваются удачно, если хищнику удалось незаметно приблизиться к кабану не далее 30 м, к изюбу — не далее 20 м.

За 12—20 часов тигр способен съесть невероятно много. Вот некоторые результаты экспериментов по кормлению тигров. За 14 часов вдвое они съели 12,2 кг овцы (вес самки 55 кг, самца — 68 кг), а два дня спустя еще 11,1 кг другой овцы. Возраст тигров был около 11 месяцев. Через 2,5 месяца за 22,5 часа они вдвое съели 29 кг теленка (вес самки 75 кг, самца — 105 кг). Из этого количества самка съела 10—11 кг,

самец 18—19. Самец отличался особой жадностью и поглощал на единицу веса пищи больше самки. После насыщения самка много времени (до двух часов) уделяла туалету и на пищу не обращала внимания. Самец занятия туалетом чередовал с ленивым поглощением пищи. В опытах он явно переедал. Лапы, морда и грудь были вымазаны кровью. Переставал он есть только тогда, когда все лакомое было съедено. Туалетом занимался не более 30 мин и засыпал крепким сном. Через час-полтора со спиной поднимался, пил воду и буквально падал, засыпая на другом боку. Самка никогда не переедала, сон ее постоянно оставался чутким.

После такого кормления тигры около суток не реагировали на пищу. К концу вторых суток они взволнованно ходили по клетке при виде корма, а к концу третьих суток высказывали признаки голода, но быстро успокаивались, не получив пищи. На четвертые сутки тигры были голодными и требовали корма, причем самец проявлял большую активность. Следовательно, после обильного кормления тигры не нуждались в пище трое-четверо суток, а в среднем за сутки они вдвое съедали 10 кг — до 6 кг самец и 3—4 кг самка. Уточним, что возраст их был к тому времени около 14 месяцев, вес самки 84, самца — 123 кг.

Несомненно, у взрослых зверей потребность в пище выше, но не настолько, чтобы априорно удваивать и утрамбовать ее количество в зависимости от размеров особи. Согласно нашим опытам с другими видами хищников (в частности, с волками, рысями, лисицами, дальневосточными котами и другими), потребность полузаострых зверей в пище превышает ее у взрослых как по абсолютному, так и по относительному объему. Расчет потребности в пище по нормам кормления в зоопарках (Кучеренко, 1977) неприемлем по нескольким причинам.

Во-первых, потому, что живущие в зоопарках звери превосходят диких по размерам и весу. Здесь они регулярно получают пищу в таком количестве, которое стимулирует их интенсивный рост, значительно опережающий рост в естественных условиях. Машинственный перенос веса (более 300 кг), которого достигают зажиревшие и более крупные зоопарковые особи на диких (Гептнер, Слудский, 1972; и другие) не имеет под собой никакой почвы.

Во-вторых. Показывая величину суточной и годовой потребности тигра в пище в естественных условиях, авторы исходят из необходимости расчета суточного рациона, а из суточного — годового. Такие расчеты опять же построены на примерно-визуальной основе. Условия жизни хищников в различные сезоны года невольно выравниваются, но при этом зоопарковские нормы кормления подспудно д влеют над исследователями, и все они, не проводя

точных измерений, в итоге констатируют суточную потребность взрослого тигра в пределах зоопарковских норм.

В ходе наших экспериментов выявлено, что потребность в пище у всех видов хищников сопряжена с сезоном года и биологическими циклами в их жизни. Автоматический перенос полученных данных на другие сезоны неправомерен, создает иллюзию изученности экологии питания тигра и комфорта его условий обитания. Случаи находок погибших по разным естественным причинам зверей заставляют думать, что дискомфорт — обычное явление и в жизни тигра. Это главная причина, почему тигры в природе меньше тигров из зоопарков.

Изучая экологию питания тигра, нельзя обойти стороной его связь с популяциями основных видов жертв. Необходимо знать возрастную и половую структуру популяций жертв, динамику их численности, общую и доступную биомассу жертв, вес и структуру тела особей различного возраста и пола во все сезоны и основные биологические циклы жизни и тому подобное. Недооценка значения изменений в составе популяций кабана в Приморье, предшествующих массовому выходу тигров в обжитые районы края в 1984—1986 гг., создала иллюзию резкого увеличения численности хищников, привела к бесцельной гибели десятков тигров. Несмотря на полный запрет охоты на копытных животных, сеголетки в популяциях кабана зимой 1987/88 г. составляли в среднем около 35 %. Этот показатель колебался от 10 до 55 % в разных районах и был ниже оптимального (60—70 %). Численность кабана была почти в два раза ниже, чем в начале 80-х годов. Хотя общая биомасса копытных в таежных биоценозах Приморья в те годы была достаточно высокой (Юдин, 1987), резкое сокращение числа сеголеток в популяциях кабана вызвало дискомфорт и нежелательные последствия для тигра.

Нетрудно убедиться, что, съев 50 % сеголетка, или взрослой самки, или самца кабана, хищник получит различное количество пищи. Еще большие различия в биомассе жертв обнаружатся, если сравнить различные виды жертв. Следовательно, цифры годовой потребности тигров в количестве жертв абстрактны, если не принимать во внимание размерно-весовые свойства добывших животных. Расчетные цифры потребного тигру количества жертв на год (по разным источникам) — от 30 до 120 особей. Такой размах отражает высокую степень расхождений результатов исследований, проведенных в разные годы, в разных биотопах. Пока нет достаточных оснований для полного отрицания этих данных, но то, что они несостоятельны на всей территории, занятой тигром, сомнений нет. Очевидно, пока более приемлем метод расчета числа изъятых особей в процентах к общей численности популяций (Юдаков, 1973).

Сбалансированное состояние численности хищников и состава популяций их основных жертв — залог сохранения тигра в природе. Только на основе изучения емкости биотопов можно гарантировать существование определенного количества тигров. Чтобы подойти к определению роли тигра в таежных биоценозах, вспомним, что фауна млекопитающих в пределах ареала тигра на Дальнем Востоке включает семь видов крупных хищников, оказывающих влияние на популяции шести видов копытных, также обитающих на этой территории. Сам факт такого видового разнообразия хищников и их основных жертв свидетельствует о высокой емкости биотопов и о сложных отношениях между хищниками и хищниками и жертвами. По насыщенности хищниками и их потенциальными жертвами сообщества юга Дальнего Востока близки сообществам тропиков (Дэла Фузэнтз, 1972; Сингх, 1972), а взаимоотношения между членами сообществ не менее сложны (Громов, Матюшкин, 1974).

Сейчас в деле охраны крупных хищников мы не в состоянии предсказать возможные сукцессии в популяциях копытных, способные вызвать обострение трофоценотических связей и нежелательные последствия в популяциях охраняемого вида. Необходимо активное вмешательство в процесс формирования количественного и качественного состава популяций копытных животных, и в первую очередь кабана и изюбра. В этом залог успеха охраны тигра на юге Дальнего Востока в условиях обострившихся антагонистических взаимоотношений человека с тигром.

Вопросы охраны тигра и даже его планомерного использования давно обсуждаются в печати (Кучеренко, 1974, 1983; Горохов, 1977; Животченко, 1977; Дунишенко, 1985; Пикинов и другие, 1985; и другие). Однако, на наш взгляд, предлагаемые меры не учитывают главного — как бы ни охранялся вид, без создания приемлемых для его обитания условий (защитных и кормовых) он существовать не сможет. О таком подходе к охране редких видов с полным основанием писал Ж. Дорст (1968).

Тигр — один из самых прожорливых хищников Сихотэ-Алиня. Его существование тесно связано с двумя видами копытных животных — кабаном и изюбром, и во многом определяется половым и возрастным составом их популяций. Чтобы сохранить тигра в природе Дальнего Востока, необходимо тщательное изучение биологии хищника и жертвы и особенно экологии питания тигра — основы основ биологии вида.

СОВЕЩАНИЯ...

В мае в Центральном Доме охотника и рыболова (г. Москва) прошло второе заседание Всесоюзного совета обществ охотников и рыболовов. В работе приняли участие представители союзных республик, Центрального совета военно-охотничьего общества и общества «Динамо», представители учреждений, ведомств, организаций. Рассмотрены и обсуждены вопросы перспективы развития охотничьего хозяйства, расширения сферы услуг, предоставляемых гражданам на охоте и рыбной ловле, обеспечения товарами охотничьего-рыболовного назначения. Приняты решения о создании Всесоюзной Федерации по рыболовному спорту, Всесоюзного совета по охотничьим трофеям, Всесоюзной ассоциации по внешнеэкономической деятельности. Утверждена единая концепция развития спортивного (любительского) охотничьего-рыболовного хозяйства в СССР в новых экономических условиях.

В августе в Москве проведено всесоюзное совещание по проблемам разработки и обеспечения охотников оружием и патронами с участием заводов-изготовителей оружия и патронов, Государственной испытательной станции и основных потребителей охотничьего оружия и патронов.

...ВЫСТАВКИ...

В октябре-декабре на ВДНХ СССР состоится выставка-ярмарка «Природа и производство». Организаторы: Минэлектротехприбор и павильон «Электротехника».

В декабре на ВДНХ СССР состоится тематическая выставка «Биологическое разнообразие — условие сохранения биосфера». Организаторы: АН СССР и павильон «Биология».

...СОСТАЗАНИЯ...

В мае в Калужской области проведены межобластные полевые состязания гончих по зайцу-беляку. Участвовали команды Брянской, Калужской, Орловской, Смоленской, Тульской областей. Первое место заняла команда Брянской области, второе — Орловской, третье — Смоленской. В индивидуальной борьбе первенство завоевала Рада ВРКОС 3514/рпг (владелец В. Н. Тарасенко). На втором месте Настя ВРКОС 3453/рпг (владелец Б. С. Ежков), на третьем — Анчар ВРКОС 3005/рпг (владелец Н. И. Жигарев). Владельцам победителей вручены наручные часы. Решено в 1991 году провести такие состязания в Брянской области.

В июле в Чудовском охотничьем-рыболовном хозяйстве Новгородской области состоялись Всероссийские состязания легавых по болотной дичи.

Председателем главной экспертной комиссии являлась Л. А. Гибет, эксперт всесоюзной категории. Участвовали Московское, Ленинградское, Рязанское, Ярославское, Омское, Тверское, Брянское, Новгородское областные, Удмуртская Республика, общество охотников и рыболовов, ВОО МО. В командном зачете первое место заняла команда Московского общества, второе — ВОО МО, третье — Ленинградского общества. В личном зачете на первом месте пойнтер Фрам (владелец В. А. Селиванов, г. Рязань), 91 балл, диплом I ст., на втором — ирландский сеттер Осень (владелец А. И. Числов, Москва), 78 баллов, диплом II ст., на третьем — дратхаар Берта (владелец Н. А. Каргапольцев, Удмуртия), 75 баллов, диплом II ст.

После Всероссийских в том же охотничьем-рыболовном хозяйстве проведены Всесоюзные состязания легавых собак по болотной дичи. Председательствовал в главной экспертной комиссии эксперт всесоюзной категории А. А. Майдман. Приняли участие команды РСФСР, Украины, Белоруссии, Казахстана, ВОО МО, Москвы, Ленинграда, Киева и Польши; 22 пойнтера, 9 дратхааров, 7 курцхааров, 7 английских сеттеров, 6 ирландских сеттеров, один шотландский сеттер. В командном зачете первое место заняла команда Украины, второе — Белоруссии, третье — Ленинграда. В личном зачете на первом месте английский сеттер Грейс (владелец А. А. Носов, РСФСР), диплом I ст., 85 баллов, звание чемпиона состязаний. На втором — пойнтер Чиф (владелец В. А. Морозов, Украина), 86 баллов, диплом II ст.; на третьем — пойнтер ч. Фрам (владелец В. А. Селиванов, РСФСР), 86 баллов, диплом II ст. Проведено также личное первенство лучших пойнтеров Всесоюзных состязаний. I место и звание «Лучший полевой пойнтер сезона 1990 г.» занял ч. Тот А. Р. Иоанесян (Москва), 84 балла, диплом II ст. Второе — Блэки В. А. Цивеса (БССР), 83 балла, третье — Дар В. Г. Чикина (УССР), 74 балла.

Не первый год занимаюсь я охотой, причем больше всего прельщает меня охота на зайцев. Она своеобразна и интересна, доставляет немало приятных хлопот и впечатлений.

В своей статье я хотел бы рассказать о наблюдениях и поделиться опытом охоты на зайца-русака в северной части Краснодарского края. Тут преобладают холмистые равнины с многочисленными лесополосами (охотники кратко называют их посадками), низинами и балками, поросшими камышом.

Материал собирался и обобщался мной на протяжении нескольких лет. Думаю, что результаты моих наблюдений и практические советы помогут охотникам лучше познать отдельные, конкретные стороны охоты на зайца.

Первое время я вслепую (и подчас напрасно) прочесывал охотугодья с целью поднять зайца под выстрел. Теперь, используя накопленный опыт,

ные поля. Возможность найти в этом месте зайца возрастает в том случае, если рядом имеется поле озимых культур.

По мере приближения морозов картина резко меняется. Как-то перед предстоящей охотой целые сутки, не прекращаясь, моросил дождь, ночью ударили мороз и крепко сковал землю. Идти по пахоте можно было не проваливаясь.

Сначала прочесал несколько посадок, где прежде выпугивал русаков, но ни в одной из них, протяженностью около 1000 м каждая, ни одного не видел. Решил выйти на пахоту, где раньше был подсолнечник, — и началось невообразимое. На расстоянии 40—70 м от края посадки, в 100—120 м от меня, один за другим при моем приближении поднялось пять зайцев. Я решил выяснить причину их столь странного поведения и направился к месту предполагаемой лежки. Но к моему удивлению оказалось, что ни-

пушистый снег. Накануне стояла безветренная, морозная ночь. Толщина снежного покрова достигала 10—15 см и более, когда я вышел на охоту. Погода стояла ясная, тихая, дул легкий ветерок. Много пришлось исходить в этот день, чтобы понять, какие места привлекали русакчу. Снег был рыхлым. Заячий следы далеко 100—120 м от края поля не встречались, за исключением тех, которые пересекали поле из одного конца в другой. Понятно, что гулять по пахоте зайцу было трудновато, и я пришел к мысли, что он использовал, по-видимому, проселочные дороги. Тогда где же он затаился? Оказалось, что больше всего следов по углам пахоты, а шли они в диагональном направлении. Заяц ложился по краям, а точнее сказать, по углам поля, на расстоянии 30—40 м (рис. 2), либо в 20—40 м от края дороги, глубоко зарываясь в снег. Как только я подходил к краю пахоты, сразу же брал входной след и шел по нему. Уже

ЗА РУСАКОМ НА КУБАНИ

меньше приходится убивать ноги в поисках зайца.

Как обычно, охота на пушного зверя, в том числе и на зайца, у нас на Кубани открывается в ноябре и продолжается до 31 января следующего года. До наступления морозов и выпадения снега в конце ноября — начале декабря в большинстве случаев приходилось подымать зайца на пахоте, и лишь иногда удавалось его выгнать из посадки, встречать на полях люцерны, эспарцета. Да и не на всякой пахоте устраивает заяц лежку. Предпочитает он раннюю пахоту, произведенную в августе—сентябре на полях колосовых культур. К началу охоты она несколько разрыхляется, и зайцу легче устраиваться в углублении борозды или под комом земли. Лежка практически готова, и зверьку приходится лишь ее «благоустроить» сообразно своим размерам.

Обычно заяц ложится не далее 40—70 м от края пахоты, но иногда я подымал его и на середине поля. Направление хода выбираю против ветра, если же местные условия не позволяют это сделать, то тогда меньше внимания обращаю на ветер, а идти стараюсь поперек борозды.

Непуганный заяц подымается близко, порой даже из-под ног. И главное в это время — не растеряться, отпустить его на нужное расстояние, сопровождая стволами, с тем, чтобы не превратить в решето или не откупаться в землю.

Предпочитаю зайцы бывшие подсолнечные, свекловичные или кукурузные.

В. ИВАНОВ

какой лежки-то нет. Не сумев сделать в мерзлом грунте лежку, заяц вынужден был лечь прямо на землю, используя естественное укрытие-кочку. Такие перепады температуры и погодных условий повторялись многократно, и всякий раз прочесывание посадок не давало положительных результатов: с зайцами я встречался только на пахоте. В такую погоду лучше всего идти на охоту бригадой из пяти человек, возможность взять зайца одним из охотников возрастает. На озимых охота при подобных погодных условиях успеха не приносит, потому что заяц лежит на голой пахоте; не будучи ничем защищен, он довольно далеко видит приближающегося охотника и быстро уходит.

Часто на убранном поле можно наблюдать следующую картину: вспахана лишь половина поля либо часть его (а то и всего сделано 7—14 борозд). Здесь-то и надо обязательно попытать счастья. В этом случае заяц всегда ложится на такую пахоту, но ближе всего к той части, которая примыкает к непаханому полю. На рис. 1 точками показаны места, где наиболее часто были подняты зайцы. Причем на такой пахоте удавалось подымать их неоднократно два-три дня подряд.

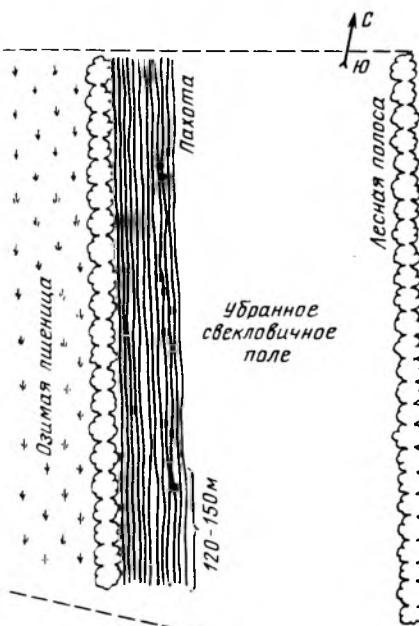
Но вот выпал снег, покрыл ковром все поля. Приятно по первому снегу, по утренней пороше в легкий мороз скрывать зайца по первоследу. Но я предпочитаю несколько иной способ.

Приметил я, что как-то за два-три дня перед выходом на охоту шел дождь, затем он перешел в крупный,

через 15—20 м заяц делает несколько петель, одну-две сдвоики и ложится. В таких местах необходимо проявлять повышенное внимание, так как нередко, пока я разглядывал следы, заяц подымался сзади, и выстрелы звучали с опозданием.

Можно усомниться в том, что заяц так близко ложится с краю пахоты, да еще рядом с дорогой. Но я повторяю, что это не единичные случаи,

1.

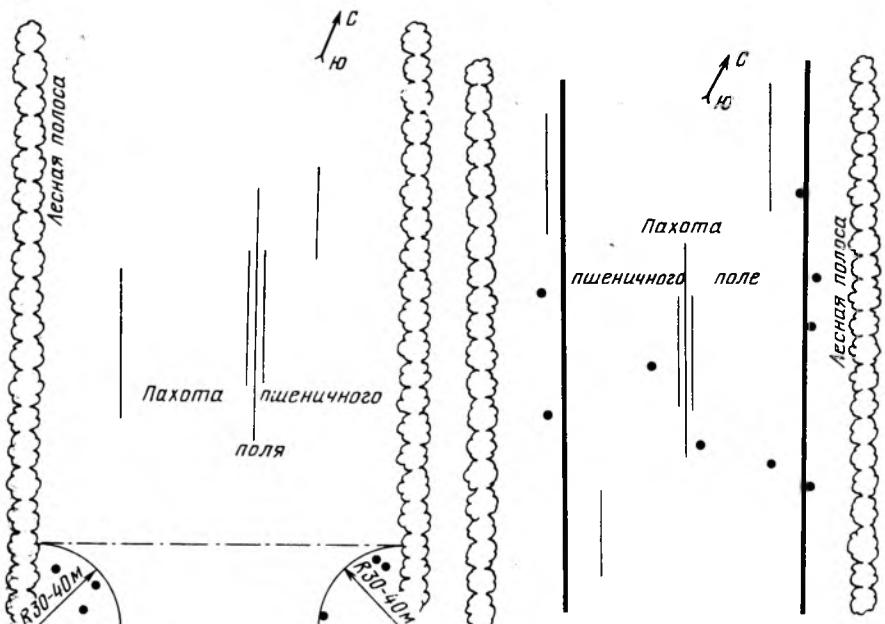

а многократно проверенные мной са-
мим. Глубина лежки в снегу достигала
30—45 см и более. Но ни с дороги,
ни вблизи — с расстояния 3—5 м —
заметить лежку часто не удается; в
такой ситуации выручают собаки. В это
время встречается заяц и по краям
озимых, на пахоте вблизи посадок и в
них самих, вырывая в снегу свою лежку.
Идти приходится независимо от на-
правления ветра, вдоль посадки, на
расстоянии 20—30 м от нее. Посадки
тянутся с севера на юг, так что идти
против ветра (а зимой преобладает
северо-восточный) не всегда представ-
ляется возможным.

Часто морозы сменяются оттепеля-
ми с дождями, и при такой перемене
погоды я усмотрел некоторую зако-
номерность в поведении зайцев. Как-то
в январе неожиданно выдалась отте-

пель с моросящими дождями. Вскоре
они прекратились, по утрам землю ско-
вывали небольшие морозы — 3—5 °С, она покрывалась тонкой мерзлой кор-
кой. Идти по пахоте было невозможно:
ноги глубоко проваливались, на сапоги
налипала вязкая грязь, затрудняла дви-
жение. Выход был один: идти вдоль
посадки. Вскоре выяснилось, что это
единственное решение было правиль-
ным: буквально из каждой посадки вы-
ходили один-два зайца. В такую погоду
они уходят на поля люцерны, эспар-
цета и прячутся под валками скошен-
ной травы, между стеблями высоко
скошенной стерни. В дождливую вет-
реную погоду заяц сидит чутко, поды-
мается далековато, часто на расстоянии
выстрела, так что медлить не нужно.
Мне в таких случаях приходилось стре-
лять почти навскидку, едва заметив

3.

зайца, и доставать его за пределами 30 м первым выстрелом.

Когда нет возможности из-за погодных условий идти по пахоте, то искать зайца надо уверенно в посадке, но желательно, чтобы с двух или хотя бы с одной стороны ее были озимые.

На пахотном поле всегда можно встретить бугры возвышающейся двойной борозды. Если пахота крупная, то нередко зайцы устраивают свои лежки у основания такой борозды или вблизи нее (рис. 3).

Охотясь я с ружьем ИЖ-58МА (калибр 16-й), обладающим резким и кучным боем. В самом начале охоты применяю обычные бумажные гильзы, пороха «Сокол» беру 1,9 г, дроби № 2,1 — 27—29 г; пыжи войлочные или древесно-волокнистые. В разгар охотничего сезона и под конец, когда заяц становится все более крепок на рану, хороший эффект дает следующее сочетание патронов: в правый закладываю обычный патрон с дробью № 1 или № 2, а в левый — патрон, снаряженный пыжом-концентратором с теми же номерами дроби. За сезон расход составляет в среднем 50—60 патронов.

В период выпадения снега соблюдаю правила маскировки: надеваю белый халат с длинными полами и капюшоном.

Хожу чаще всего один со спаниелем по кличке Ральф, который является хорошим помощником. Полюбил свое-го питомца и считаю, что в наших условиях эта порода собак в своем роде универсальна. Работает он на поиске легкой рыси или галопом, челноком, приучен держаться на расстоянии 15—20 м от меня, что благоприятно сказывается на своевременности выстрела. Хорошее чутье, энергичность, напористость, какая-то собачья целевустремленность неоднократно приносили удачу. Ральф надежно и плотно обшаривает посадки и довольно часто выпускает зайца на мою сторону, прямо под выстрел. Но в редкой посадке, даже в случае выхода зайца на противоположную сторону, есть шанс по-сле точного выстрела все-таки взять его.

Как и у многих кобелей, у Ральфа небольшой порок — высокозадость. Но, как оказалось, этот порок пошел ему на пользу: на неглубокой, плотной пахоте, озимых полях люцерны, эспарцета ему легко удается догонять подранков. Единственным недостатком у спаниеля является то, что на лапах между когтями налипает земля и снег, образуя комки. Правда, Ральф сам научился откусывать эти «тормоза».

В сезон мне удается брать до десятка зайцев. Многие могут похвастаться и большими успехами, но я не гонюсь за цифровыми показателями.

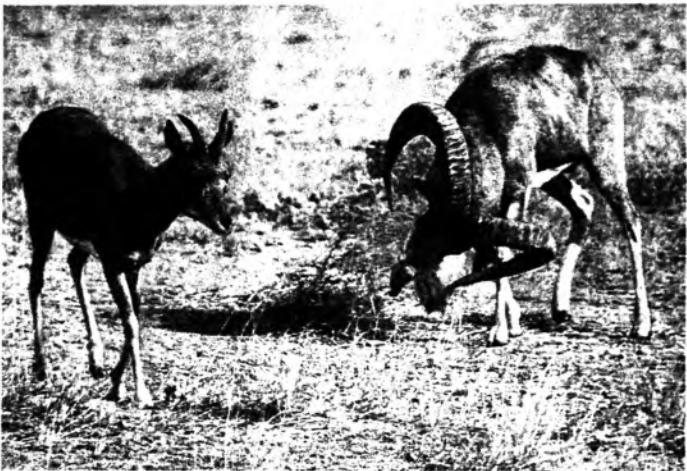

ГОН

В. КРУПКО

Короткий период гона у туркменских горных баранов насыщен страстью, погонями, драками. Отзвуки резких ударов разносятся далеко окрест, нарушая заповедную тишину. Неукоснительно соблюдается ритуал и малейшее нарушение внутривидового этикета немедленно пресекается. Самки частенько прибегают в спорных ситуациях к помощи своих небольших, но достаточно крепких рожек как к последнему вескому аргументу.

В холостяцкой компании самцы решают конфликты простой демонстрацией силы и обычно пристального взгляда достаточно, чтобы слабейший признал свое поражение.

На глазах «прекрасных дам» неторопливые кругогорные архары преображаются, демонстрируя стремительность и силу рогов.

Проигравший схватку, как правило, спасается бегством. Но это не мешает ему тут же заявить свои притязания на другую самку. Победитель редко упорствует в преследовании соперника. Зато в своих ухаживаниях самцы неутомимы. В дни гона они тратят много сил, теряют свойственную им осторожность и нередко становятся жертвой волков и леопарда. Молодые самцы, достигшие половой зрелости и способные отстоять в поединке право на продолжение рода, займут свое место в числе претендентов.

Жизнь продолжается, и турнир состоится при любой погоде.

Фото автора

Естественные ареалы благородного и пятнистого оленей в СССР перекрываются на юге Дальнего Востока. Для обогащения охотничьей фауны в ряде мест европейской части СССР проводилась интродукция обоих видов. В основном использовали благородного оленя европейского подвида, но в некоторых местах выпускали марала, изюбра и асканийского гибридного оленя. Пятнистый олень был представлен хорошо выраженным маньчжурским подвидом и оленем асканийского происхождения, систематический статус которого не ясен. Только за период

БЛАГОРОДНЫЙ И ПЯТНИСТЫЙ ОЛЕНИ: ПРОБЛЕМЫ ГИБРИДИЗАЦИИ

1918—1972 гг. в европейской части СССР было выпущено в общей сложности 3787 благородных и 2393 пятнистых оленя (Павлов и др., 1974). Отсутствие единой общесоюзной программы интродукции, ведомственная разобщенность этих мероприятий обусловили в некоторых случаях выпуск оленей обоих видов в смежные угодья. Рост численности, естественные миграции и расширение местных ареалов сформировавшихся популяций приводят к нарушению географической изоляции и их смешиванию. Явление это отмечалось в Черкасской и Воронежской областях, Литовской ССР. За рубежом оно характерно для Чехословакии, Англии, Северной Ирландии, Новой Зеландии. Его возникновение там имеет более чем вековую историю и связано с побегами пятнистых оленей из угодий частных владельцев и охотничьих заповедников.

Наиболее полно этологические аспекты взаимоотношений благородного и пятнистого оленей описаны чешскими учеными Бартешем и Зировницким (1983) на основании многочисленной информации, полученной методом анкетирования в Чехословакии и Великобритании. Вопросы анкеты касались характера сезонной и биотической встречаемости смешанных группировок оленей, типов взаимных реакций самцов в период гона, случаев прямых наблюдений межвидового спаривания.

Основные выводы по результатам анкетирования следующие.

Встречи смешанных групп оленей в кормовых биотопах и в период гона — типичное явление для большинства мест наблюдений.

Самцы благородного оленя — обладатели гаремов либо активно отгоняют

самцов пятнистого оленя, либо игнорируют их. Оба типа реакций одинаково вероятны. Драки между ними — не редкость даже вне периода гона.

Наличие смешанных или с самками другого вида гаремов более характерно для самцов пятнистого оленя. Для этого же оленя характерна высокая степень агрессивности как по отношению к благородному оленю, так и к другим видам копытных. В поединках самцы побеждают более крупных по размерам соперников — благородных оленей, а иногда даже схватка ведет к их гибели.

Длительное совместное обитание благородных и пятнистых оленей способствует стиранию межвидовых этологических барьеров.

Наиболее интересным и важным последствием межвидового контакта следует считать проблему гибридизации благородного и пятнистого оленей. Оба вида, несомненно, близки по систематическому расположению. В большом разнообразии рас благородного оленя имеются формы, близкие пятнистому оленю по строению рогов (отсутствие ледового отростка и короны), окраске волоссяного покрова (нередка пятнистость в летнем наряде), размерам (Гептнер и др., 1961). Диплоидный набор хромосом у благородного оленя $2n=68$. Для пятнистого оленя характерен полиморфизм кариотипа $2n=64-68$, объясняемый центрическим слиянием хромосом по типу Робертсона (Орлов, Булатова, 1983).

Гибридные особи в районах совместного обитания аборигенных популяций известны издавна и встречались настолько часто, что позволили Мааку и Пржевальскому считать их самостоятельным видом. У коренного китайского населения они имели свое название

«чин-да-гуйза» (Флеров, 1952; Соколов, 1959). Изредка помеси добывались еще в 30-х годах нашего столетия. Несомненно, что широкому распространению гибридизации в прошлом способствовала высокая численность обоих видов оленей в Уссурийском крае.

В неволе свободное скрещивание благородных и пятнистых оленей возможно в любых комбинациях (Миролюбов, 1949, Стекленев, 1972, Hargriffon, 1973). Первоначально такие опыты проводились с целью улучшения качества пантов. Г. Менард (1930) описал 15-летние опыты Ю. Янковского, скрещивавшего самок изюбра с самцами пятнистого оленя. И. Миролюбов проводил скрещивание в обратном направлении. Получаемые от гибридов панты отличались низким качеством. Аналогичные эксперименты проводились в зоопарке «Аскания-Нова» в нашей стране и в Северной Ирландии.

Гибридизация как следствие антропогенного изменения аборигенных фаун в результате акклиматизации пятнистого оленя в ареале благородного или отсутствия изоляции при акклиматизации обоих видов отмечена сравнительно недавно. В Англии первые случаи ее относятся к 20-м годам нашего столетия, в Чехословакии на проблему обратили внимание в 1976 г. при оценке охотничьих трофеев.

Проблема идентификации помесных особей интересовала многих исследователей. Все они, описывая гибридные экземпляры, указывали на явное преобладание признаков пятнистого оленя и выделяли из них следующие: по размерам занимают промежуточное положение между обоими видами; в летнем волосе для них характерна

Фото А. Щеголева

рыжеватая пятнистость, тогда как у чистокровных пятнистых оленей она всегда белая; околохвостое зеркало небольшое, желтоватых тонов; хвост по длине превышает длину уха, выделяется на общем фоне зеркала наличием темной продольной полосы; метатарзальная железа выделяется на фоне шерсти голени наличием светло-окрашенных волосков; строение рогов по типу пятнистого оленя, но надглазничный отросток поставлен очень низко и начинается почти сразу от розетки, как у благородного оленя.

Более наглядно фенотипический облик гибридов вырисовывается при сравнении основных диагностических

ФЕНОТИПИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ БЛАГОРОДНОГО И ПЯТНИСТОГО ОЛЕНЯ, ВЗРОСЛЫЕ ОСОБЫ

Признак	Благородный олень	Пятнистый олень
Высота в холке	Самцы: 145—155 см Самки: 120—140 см	Самцы: 105—115 см Самки: 85—100 см
Окраска шерсти: зимой	Серо-коричневая, слабая пятнистость, как исключение	Темно-серая с коричневым оттенком, пятнистость выражена
летом	Светло-коричневая	Красно-коричневая с белыми пятнами
Хвост	Короче длины уха, одного цвета с зеркалом, на конце кисточка отсутствует	Равен или длиннее уха, белый с черной полосой по середине, выделяется на фоне зеркала, на конце кисточка из темного волоса
Зеркало	Желтоватых тонов, сердцевидное по форме, заходит за основание хвоста	Белое, не заходит за основание хвоста, окаймлено черным волосом
Ухо	Длиннее хвоста, на внутренней стороне густой белый волос, конец удлиненный	Короче хвоста, на внутренней стороне редкий белый волос, конец округлый
Рога	Не менее 5 отростков на каждом, надглазничных, как правило, два. Первый надглазничный отросток отходит от ствола над самым основанием рога. Корона развита	Обычно по 4 [реже больше] отростка на каждом, надглазничный один, он отходит от ствола, несколько отступая от основания рога. Корона не развита

признаков обоих видов, как видно из таблицы.

К важным диагностическим признакам относятся особенности голоса оленей. Пятнистые олени более коммуникативны, их голоса можно услышать во все сезоны года. Рев самцов в период гона напоминает свист с хриплыми нотами в конце. С точки зрения акустики это длительные (до 5 с), обычно одиночные сигналы, имеющие гармоническую структуру с максимумом энергии около 1200 Гц (Рутовская, 1981). Для самцов благородного оленя характерен рев с основной частотой около 100 Гц. И самцы, и самки способны издавать лай — короткий громкий крик длительностью 0,15—0,40 с с основной частотой 200—400 Гц (Перепадова, 1980). Рев гибридных самцов очень близок к реву пятнистых оленей. На слух отличается более грубым окончанием, объясняемым нарушением гармонической структуры сигнала.

Маралы стали привычными животными во многих охотничьих хозяйствах.

Фото Б. Пучкова

в концевой его части.

Диагностика гибридов возможна путем анализа краниологических признаков (Zove, Gardiner, 1975). В Англии этим методом было подтверждено гибридное происхождение 19 оленей, черепа которых исследовались. Авторы работы В. Лав и А. Гардинер высказали гипотезу о возможном гибридном статусе манчжурского подвида пятнистого оленя, эволюционно сформировавшегося как результат скрещивания японского подвида *Cervus nippon* *nippon* с изюбром *C. elaphus xanthopygus*. В Чехословакии к гибридным отнесли 8,33 % из 156 обмеренных черепов самцов оленей из смешанных популяций (Barlos, Zirovicky, 1981).

В Молдавии за период 1954—1983 гг. только в леса Кодр было выпущено

188 благородных и 196 пятнистых оленей. Места выпуска были приурочены к пяти лесным массивам и располагались в условном кругу радиусом 45 км. Поставщиком исходного поголовья благородных оленей были зоопарк «Аскания-Нова» и Воронежский заповедник, а пятнистых оленей — дальневосточный оленесовхоз «Раздольное» и зоопарк «Аскания-Нова».

В настоящее время в Кодрах существует три относительно изолированные микропопуляции оленей: Лозово-Каприяновская, Реденская и Логанештская. Две первые из них имеют явно смешанный характер, третья представляет обособленный очаг обитания пятнистых оленей.

Феномен смешивания популяций существует в Молдавии уже около 20 лет.

Первые свидетельства о возможной гибридизации были получены из опросов лесников и егерей. Они рассказывали о случаях наблюдения «якобы» благородных оленей, но с пятнами и так далее, то есть зверей со смешанным фенотипическим обликом. В дальнейшем это было подтверждено нашими наблюдениями в заповеднике «Кодры» и охотничьем хозяйстве «Реденский лес». При анализе морфологического строения рогов пятнистых оленей из Молдавии мы констатировали тенденцию их увеличения по сравнению с рогами оленей изaborигенных и вторичных популяций. 5,82 % рогов несли явные черты гибридизации — низкое расположение надглазничного отростка. В Музее природы заповедника «Кодры» хранится чучело самца, ставшего жертвой браконьерства в 1983 г. По размерам тела он занимает промежуточное положение между двумя видами: длина тела — 198 см, высота в холке — 134, длина уха — 20, хвоста — 17 см. Общая окраска волосяного покрова сероватобурая с редкими беловатыми пятнами на крупах и бедрах. Зеркало грязно-белое, небольших размеров (не захо-

дит за корень хвоста), окаймлено темным волосом. Оба рога имеют по пять отростков, ледовые отсутствуют, надглазничные отходят от ствола рога, отступая от края розетки. Длина правого рога — 97,2 см, левого — 103,1 см.

Дополнительные данные, подтверждающие гибридизацию, получены в 1988 г. в процессе регуляционных мероприятий в заповеднике «Кодры». Из 29 отстрелянных пятнистых оленей к гибридным отнесено три самца. Критерием такого диагноза являлись размеры тела, форма и окраска хвоста и зеркала, характер строения рогов. Детальное описание гибрида сделано совместно с В. Е. Присяжнюком по особи, добытой 17 декабря 1988 г. Имея вес взрослого пятнистого оленя (152 кг), он нес на голове мелкие 4-концевые рога примитивного сложения, по своей конструкции типичные для перворожка пятнистого оленя. Возраст зверя был подтвержден анализом степени развития зубного ряда и кольцевых структур в цементной подушке зуба. Экстерьерные показатели значительно превышали таковые данной возрастной категории. Окраска шкуры занимала промежуточное положение в вариациях типичной окраски животных обоих видов. Темный ремень по хребту не выражен. В верхней части бедер несколько крупных, неясно очерченных сероватых пятен. Форма зеркала, как у пятнистого оленя, но темная кайма вокруг него отсутствовала. Хвост относительно короткий, но с кистью, цвет волос хвоста и зеркала одинаковый — грязно-желтовато-белый. Ряд краинологических и интерьерных промеров существенно превышал таковые у пятнистого оленя.

Существование смешанных популяций в заповедниках несовместимо с выполнением ими функции резервирования и сохранения генофонда. В охотничьих хозяйствах это явление отрицательно сказывается на трофейных качествах рогов, усложняет перспективы управления популяциями.

В создавшейся ситуации в Молдавии предложена программа управления популяциями оленей, состоящая из нескольких взаимосвязанных этапов (Чегорка, 1988). К практическому воплощению ее первого этапа — изъятию из смешанных популяций пятнистых оленей и подозреваемых гибридов приступили в республике в 1987 г. Работа эта усложняется скажностью сроков проведения отстрела (декабрь — январь), рядом организационных трудностей. Последующие этапы предусматривают регулирование количественного и качественного состава популяций, принятие мер, обеспечивающих изоляцию и раздельное разведение оленей: пятнистого в Логашенштском, благородного в Реденском и Лозово-Каприяновском лесных масивах.

Большинство нынешних охотничьих хозяйств кабан добывается в основном на коллективных загонных охотах. Поскольку методика таких охот уже обсуждалась нами («Охота и охотничье хозяйство», № 1, 1983 г.), поговорим о правильном выцеливании, поведении кабана после выстрела и действиях охотников по добору подранка.

Если лось при загонной охоте старается скрыться от преследования редколесьем, а то и поляной, полем, дающими зверю хороший обзор, то кабан, напротив, стремится уйти наиболее загущенными участками, полагаясь не на зрение, а на чутье. Не перестаешь удивляться, как, будучи окруженным в куртине ельника, атакуемый собаками, кабан все же прекрасно ориентируется в ситуации и, используя ошибку охотников, кидается по единственному непротренированному коридору — взвизгнув, отскакивая в сторону, собаки, качнувшись вершины елочек, останется

а следовательно, в самом низу корпуса зверя.

Для хорошего выстрела зверь должен стоять боком к охотнику, в крайнем случае, под косым углом сзади. Наименее надежен выстрел по кабану, стоящему к охотнику передом, когда голова закрывает корпус. От такого выстрела еще в прошлом веке предостерегал Л. П. Сабанеев в своем «Охотничьем календаре»; невыдержаные или не уверенные в себе охотники часто дуплетят по идущему на штык зверю, а когда он отворачивает в сторону и подставляет бок — стрелять уже нечем.

После выстрела охотник должен обратиться в зрение и слух, не сходя с номера все внимание уделить поведению зверя, от которого зависят дальнейшие действия участников охоты. Иногда акустические особенности места охоты позволяют услышать удар пули по корпусу; в немецкой охотничьей литературе даже содержится

В. МУРАВИЦКИЙ,
биолог-охотовед

КАБАН

густой запах кабана, а сам он уже вне опасности.

При загонных охотах стрелять приходится почти всегда навскидку, по показавшемуся на долю секунды среди зарослей зверю; результатом такого выстрела чаще всего является промах. Согласно анкетированию бригад охотников, на добычу одного зверя тратится около четырех выстрелов. Пожалуй, единственное, что облегчает выцеливание, это коротконогость зверя, из-за чего на бегу он меньше отклоняется от горизонтали, да и то это утверждение верно лишь по отношению к взрослым кабанам, схватить на мушку сеголетка намного труднее. При индивидуальных охотах — с подхода, скрадом или с засидки — эффективность выстрела бывает намного выше. Однако и здесь нелишне знать несколько правил, соблюдение которых уменьшило бы вероятность промаха или ранения зверя.

Наиболее частой ошибкой при выцеливании кабана является завышение. Стремясь поразить зверя на месте, начинающие охотники обычно целятся в центр корпуса кабана. Но следует знать, что грудная полость занимает лишь нижнюю половину видимой части силуэта. Верхнюю же половину составляют остистые отростки грудных позвонков, длина которых уже у самок-подсвинков (полуторалетних особей) достигает 11—12 см, затем идет 2—3-сантиметровый слой мышечной и жировой ткани, шкура и 16-сантиметровая щетина. У самцов холка еще более выражена. Само же сердце располагается в нижней трети грудной полости,

описание звука удара: звонкий звук свидетельствует о попадании в ребра или лопатку, глухой — о попадании в брюшную полость, резкий звук — о ранении костей конечности или головы.

Если зверь рухнул на месте и бьет ногами, значит, пуля попала в голову. Если зверь остался на месте, но пытается подняться на передние конечности, значит, поврежден позвоночник или же пуля попала в крестец. При этом сеголетки, а иногда и подсвинки визжат; для прекращения страданий зверя требуется скорейший последний выстрел. Если зверь в момент выстрела рухнул, несколько секунд бился на земле, а затем поднялся и бросился прочь, можно предположить касательное ранение черепа или же попадание по остистым отросткам, в результате чего животное находилось в кратковременном шоке из-за травмы спинного мозга при смещении позвонков. Добрать такого зверя бывает очень трудно, а при индивидуальной охоте и вовсе невозможно. Руководитель охоты должен принять решение о немедленной расстановке цепи охотников на наиболее вероятном направлении и организовать преследование. Если же зверь в момент выстрела как бы провалился, ударился о землю, пропахал борозду и скрылся, скорее всего, речь идет о ранении конечностей. Поскольку основная нагрузка у кабана приходится на передние конечности, зверю с перебитой задней ногой иногда удается выжить. При ранении в переднюю ногу, если есть мало-мальски работающие собаки, зверь не уходит дальше 200 м. Правда, известный исследова-

ПОСЛЕ ВЫСТРЕЛА

тель кабана Х. Майнхардт описывает случай, когда свинья, потеряв на седьмом году жизни переднюю конечность, дожила до преклонного возраста — 12 лет и даже являлась вожаком стада.

Очень много для уточнения характера ранения может дать тщательный осмотр места, на котором находился зверь в момент выстрела, в бесснежный период оно узнается по глубоким отпечаткам в почве копыт задних конечностей. Найдя это место, его следует основательно обследовать: сбрызгнуть все волоски, кусочки тканей, отщепленные кости, по срезанным ветвям или по борозде на снегу, на почве попытаться проследить траекторию полета пули. Наличие мелких белесых волосков свидетельствует о попадании в переднюю часть головы; светлые волосы средней длины говорят о ранении в низ живота; чем больше длина срезанной шерсти, тем выше ранение. Если имеется много волос, вырванных с луковицами, значит, пуля прошла по касательной к туловищу. Свежевыбитые блестящие и эластичные волосы следует отличать от тусклых и ломких волос, выпавших при рывке зверя. Наличие светлой крови, разбавленной слюной, кусочков зубов говорит о ранении в челюсть; здесь также сразу по окончании загона следует организовать добор сохраняющего полную подвижность зверя, в случае потери следа кабан обречен на голодную смерть, наступающую спустя месяц-два после ранения.

Таким образом, распространенные в охотничьей литературе рекоменда-

ции начинать добор подранка спустя около часа верны далеко не всегда. Но если поведение зверя после выстрела свидетельствует о попадании в область живота, на следах обнаружены кусочки внутреннего жира, а кровь загрязнена содержимым кишечника, то в этом случае при индивидуальной охоте действительно лучше некоторое время не беспокоить зверя; чувствуя преследование, он может уйти далеко.

Раненый кабан дает меньше крови в сравнении с другими копытными, что, скорее всего, объясняется затягиванием раны жировой тканью. Часто при ранении в брюшную полость крови вовсе нет либо она появляется в виде редких капель через 100—150 м.

Поэтому первой заповедью для руководителя охоты является обязанность пройти по следам стрелянного зверя не менее 250 м, даже при заверении стрелка «я промазал» и отсутствии всяких признаков ранения. Охотники со стажем могут припомнить не один случай, когда такое тропление вознаграждалось обнаружением только что скончавшегося зверя. При нутровке его обычно оказывается, что ранение было высоким, кровь, скопившись в брюшной полости, препятствовала движению диафрагмы при вздохе и зверь умер от асфиксии (удушья).

Наличие множества мелких, распыленных капелек крови, бесспорно, свидетельствует о ранении в легкие, при этом зверь не уходит далее 250 м. Если кровь обильно выливается толчками — зверь лежит мертвым в 40—50 метрах с пробитым сердцем. Предпочтительнее, когда кровь появляется спустя

несколько десятков метров, нежели сразу обильно, а затем все меньше и меньше — последнее обстоятельство говорит о ранении в мышцы. Немецкая охотничья литература подробно описывает диагностику характера ранения по цвету крови, например, кровь из грудной полости бывает светлой, при повреждении печени, селезенки, почек — темной. Однако у нас таких специалистов нет, кроме того, цвет крови меняют дождь, мокрый снег, солнечные лучи.

Труднее преследовать подранка, если он идет вместе со стадом, а крови дает немного. В этих случаях надо обращать особое внимание на особей с распущенными копытами либо отделяющихся от семейной группы; такое поведение обычно свидетельствует о тяжелом ранении.

Нельзя не сказать и еще об одной особенности кабана — его удивительной крепости на рану. В 1988 году в Россонском районе на Витебщине бригадой лесхоза (бригадир А. Н. Веригро) был добыт трехлетний нормально упитанный кабан, в легких которого был обнаружен уже заросший еловый сук длиной 24,3 см и толщиной 3,0 см. Еще более уникальный случай, очевидцем которого был автор статьи, произошел в 1984 году в Островенском лесничестве. Водителем Витебского лесхоза В. П. Пиллером одним выстрелом в голову из стада в несколько особей была добыта полуторалетняя самка кабана. При ее нутровке было обнаружено ранение, судя по степени за jakiления раны двухнедельной давности — пуля 12-го или 16-го калибра попала в основание шеи (что само по себе, казалось бы, должно повлечь гибель), проникла в грудную полость, пробила сердце и вышла между ребер с другой стороны. Вокруг отверстия в сердце диаметром 12 мм был замечен небольшой миллиметровый гноящийся поясок. Свинья осталась в живых благодаря тому, что камеры сердца (предсердия и желудочки) не были повреждены, пуля прошла через мышцы верхушки сердца — миокард.

В заключение еще раз подчеркнем, что вся работа по добору подранка должна проводиться лишь по окончании загона, организованно, с ведома руководителя охоты и в светлое время суток. По следу подранка не рекомендуется пускать сразу две собаки, в паре они теряют осторожность. Следует успеть, что на лай может подходить лишь один охотник, обычно владелец собаки.

Поведение кабана настолько своеобразно, ситуации на охоте настолько нестандартны, вплоть до неправдоподобия, что советы на все случаи дать невозможно. И все же надеемся, что высказанные обобщения могут быть полезны начинающим звероводам охотникам.

ЗИГЗАГИ НЕУМЕСТНОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. ГРИГОРЬЕВ,
кандидат экономических наук,
эксперт-кинолог

Создание собственной финансовой базы охотничьего собаководства в обществах охотников и рыболовов на основе принципов хозрасчета (о чем рассказывалось в «Охоте и охотничьем хозяйстве», № 12 за 1989 г.) является для любителей охотничьих собак не самоцелью, а одной из главных предпосылок успешного развития собаководства в условиях самоуправления. Полный хозрасчет без самоуправления немыслим, как автомобиль без водителя. Хозрасчет теряет всякий смысл, если нет возможности распорядиться собственными деньгами, выбрать наиболее рациональные формы хозяйственной деятельности. Внедряя хозрасчет, подразделения охотничьего собаководства должны наконец освободиться от мелочной, зачастую неквалифицированной опеки со стороны правлений обществ.

Действующая ныне структура управления охотничим собаководством весьма неупорядочена. Органы государственного управления охотничим хозяйством совсем устранились от этой работы. Всесоюзный кинологический совет распался, а квалификационная комиссия при Главохоте РСФСР практически бездействует. Работают с охотничьими собаками и их владельцами главным образом секции обществ охотников и рыболовов. В сегодняшних условиях секции не располагают собственными средствами и, по существу, бесправны, но, несмотря ни на что, их усилиями ведутся все отечественные и многие зарубежные породы, увеличивается число классных производителей и культивируемых охотничьих пород, подготавливаются эксперты-кинологи.

Меры, осуществляемые Росохотрыболовсоюзом по возрождению Всероссийского, а теперь и Всесоюзного кинологического совета, а также квалификационных комиссий при них, перестройка системы с переводом всех подразделений, включая и кинологические, на хозрасчет и самоуправление, развитие демократии и гласности в обществах, вселяют надежду на упорядочение кинологической деятельности в ближайшем будущем. Тогда и будем вести разговор о достижениях в охотничем собаководстве, а сейчас целесообразнее рассмотреть теневые вопросы самоуправления, которые и ранее тормозили кинологическую работу, и если упустить их из виду, то в будущем вряд ли можно рассчитывать на высокие ее результаты.

Хозрасчет и самоуправление в секциях охотничьего собаководства не будут жизненны, если их принципы не

распространить на охотников-собаководов, или, как их еще называют, « заводчиков ». Секции создаются для охотников, а уж с собаками работают непосредственно они сами. Однако при анализе работы секций охотничьего собаководства иной раз создается обратное впечатление. Тяга к администрированию зачастую преобладает в их деятельности над здравым смыслом, и в итоге принимаются абсурдные решения, которые охотникам не только выполнять нецелесообразно, но и понять трудно.

К примеру, порешил руководитель секции, именитый кинолог-общественник Калужского областного общества охотников и рыболовов, что вязать охотничьих собак (кроме гончих) можно раз в два года, и при этом двух щенков из помета продавать только указанным им лицам по цене, которую он сам определит. И никто ему не указ. А воспротивишься — лишишься родословной на щенков и очередной вязки собак.

Или еще пример. Решил руководитель племенного сектора западно-сибирских лаек Московского общества охотников и рыболовов в целях, как он полагал, выравнивания экстерьерных и рабочих качеств лаек взять лучшего с худшим, а всех зверовых собак приобщить к работе по пушнине вопреки желанию их владельцев. По его планам собак вязали не один год, и получили в итоге снижение экстерьерных и рабочих качеств, потеряли устойчивые зверовые линии. А с него и спросу нет, ведь он работал на общественных началах.

Да что говорить. Не без участия секций охотничьего собаководства в отдельных обществах вводились труднообъяснимые запреты на выбор владельцем партнера для вязки собак, на свободное распределение щенков, на выписку справок о происхождении щенков до достижения ими шестимесячного возраста, на выдачу документов о происхождении собаки, полученной от высокопородных родителей, не имеющих рабочих дипломов, на охоту с собакой, не имеющей полевых дипломов по определенному виду дичи, и многие другие.

Секции изобрели и «прянки» в виде зафиксированного в правилах охоты положения об открытии охоты для владельцев легавых собак на две недели раньше, чем для всех бессобачных членов общества. Этим пытались облегчить работу по развитию охотничьего собаководства, а посылали раздор среди охотников и увеличили число собаконенавистников. Что характерно,

все вводимые запреты направлены непосредственно против охотника-собаковода, ущемляют личные интересы и снижают его заинтересованность в выявлении и развитии рабочих и улучшающих экстерьерных качеств собак.

Нельзя не учитывать, что владельцы собак растят и воспитывают их, исходя из собственных интересов, наклонностей и возможностей. Естественно, и племенную работу они стараются вести, исходя из этих же интересов, так о правомерности каких запретов и ограничений в данном случае можно говорить? Думаю, не стоит цитировать статьи Конституции или положения законодательства об индивидуальной трудовой деятельности, которые нарушаются запретчиками. Причем среди этих запретчиков значительное число лиц, далеких от собаководства, не имеющих необходимых специальных и правовых знаний.

Руководители обществ и секций, видимо, забывают, что охотник теперь как минимум имеет среднее образование. Заводя собаку, он неизменно прочитывает все, что касается его избранницы, и зачастую обладает гораздо большими знаниями, чем руководящий товарищ из общества, но правами-то обладает именно последний. Следовательно, кадровая проблема в охотничьем собаководстве также актуальна, как и финансовая.

Недостатками в работе секций охотничьего собаководства и их трудностями финансового характера уже начинают пользоваться «деловые люди» от кинологии. Так, упоминавшиеся в моей статье положительные начинания Свердловского областного общества охотников и рыболовов по внедрению хозрасчетных отношений в охотничьем собаководстве были рождены на нездоровой основе, а соответственно в развитии своем имеют серьезные изъяны. Первый в Свердловске клуб «Дратхаар» образовался, когда один из руководителей секции, поссорившись с президиумом совета секции общества, вышел из него и организовал обособленный клуб с претензиями на монопольное ведение этой породы в области. Тем самым он изолировал членов своего клуба от большой и перспективной кинологической работы в системе Росохотрыболовсоюза.

Этому примеру последовал другой руководитель секции (опять после ссоры с президиумом), который организовал коммерческий клуб норных собак, числящийся в обществе, но функционирующий вне его. В обход правления областного общества он оформил создание нового хозрасчетного

подразделения — охотничьего собаководческого хозяйства на кооперативных началах — и провозгласил себя генеральным директором, хотя таковых в штатах хозяйства Росохотрыболовсоюза не имеется. Устроители клуба и, впоследствии, хозяйства, вводят освобожденный административно-управленческий аппарат в правлении клуба, должностные оклады, значительно превышающие действующие в системе Росохотрыболовсоюза. Позаботились они и о почетном членстве, и о соответствующих льготах.

Многие организационные и финансовые «шалости» вновь создаваемых клубов и хозяйств можно было бы, как говорят, и не замечать (в конце концов охотник сам решает, платить ему за членство и зачастую мнимые услуги клуба, или не платить), если бы глубинные корни их коммерческой деятельности не подрывали основ охотничьего собаководства. Нарождающимся клубам нужны деньги, и в погоне за ними в клубы принимают любого гражданина, достигшего 17 лет, вне зависимости от того, охотник он или нет. Иными словами, в клубы принимаются все любители собак охотничьей породы, но не обязательно охотничих собак, и таким образом клубы из охотничьих организаций превращаются в организации декоративного собаководства.

Но даже с этим можно было бы смириться, если племенную работу с охотничьими собаками и собаками охотничьей породы вести раздельно. Можно без большой ошибки утверждать, что коммерческие интересы клубов могут привести к вырождению рабочих качеств у охотничих собак. В клубе все «кухтерьеры», «диванафганы», «подстолгоны», «пустолайки» попадут в число племенных производителей (попробуйте не включить их в план вязок, владелец тут же уйдет из клуба). И получают наши охотники красавцев-щенков — лжеохотников, родители которых отроду не видели настоящей охоты, смертельно боятся выстрела, не говоря уж о диком звере.

Свои охотничьи университеты многие клубные собаки проходят лишь на искусственной норе, или на связанном перепеле. Самым памятным выстрелом для них становятся хлопки дверок холодильников, когда достают колбасу для поощрения. Но охотники-то знают: настоящую помощнице можно подготовить только на реальной охоте со всеми ее экстремальными ситуациями. Собака, не работавшая год, уже нуждается в тренинге и не покажет высоких результатов, пока не «набьет ноги». При объединении в клубах охотничьих собак с собаками охотничьей породы (то есть декоративными) речь пойдет о целых поколениях неработающих собак.

Есть все основания считать, что никогда себя не изживут секции охотничьего собаководства обществ охотников и рыболовов, объединяющие

охотников-любителей охотничьих собак и возглавляемые, я это подчеркиваю, общественным правлением. И в клубной работе секции должны занять свое ведущее место, поскольку сам клуб — лишь форма хозрасчетного подразделения, администрация которого создается для рационального ведения хозяйственной деятельности, учета ее результатов и предоставления заработанных средств на развитие собаководства.

Печальным примером пагубности самоизоляции от секций охотничьего собаководства является деятельность упомянутого мною ранее Кировского питомника охотничьих собак, где много лет амбициозные эксперты-кинологи выращивали племенной брак западно-сибирских лаек, необоснованно имбрировали в других породах. Теперь тех кинологов нет и, казалось бы, можно поставить точку (хотя на искоренение результатов их «творческой деятельности» потребуются десятилетия). Но нашлись продолжатели их дела в лице предпримчивых арендаторов, коим руководство ВНИИОЗа сдало питомник в аренду, и племенной брак по-прежнему плодится. Но денежки-то текут, и никого не заботит, что губится порода чистокровных собак. Здесь уже усматривается «избыточная самоуправление в питомниках охотничьих собак, и нужна определенная регламентация, не допускающая изоляции питомников от кинологической работы, осуществляющейся в стране.

Уместно подумать и о введении разумных форм управления для нарождающихся собаководческих кооперативов и частных питомников охотничьих собак, которые пока не зарегистрированы, но объективно существуют. Их появление надо всячески приветствовать, если деятельность этих собаководческих предприятий не идет вразрез с общей кинологической работой.

Вопросы развития самоуправления в охотничьем собаководстве нужно решать конструктивно, коренным образом перестроив работу снизу, то есть в секциях обществ охотников и рыболовов. В первую очередь следовало бы изменить функциональную направленность работы секций и от планирования «сверху» и жесткой регламентации перейти преимущественно к координации, консультированию, пропаганде, обучению собаководов, не ослабляя, естественно, работы по проведению традиционных кинологических мероприятий.

Сейчас трудовым коллективам передают в управление государственные предприятия, отдельным работникам доверяют землю и фермы, и уже никто не боится, что они загубят дело. У нас же охотнику не доверяют его собственную собаку, опасаясь, как бы не загубить породу. При этом выведена устойчивая формула: «Секции нужно, чтобы такой-то повязал свою собаку с собакой такого-то». Или: «Чтобы ты отдал своего щенка туда-то за такую-то цену». Но никто при этом

не спрашивает собаковода, нужно ли это ему самому.

Попытки секций обосновать свои притязания «высокой политикой» или оказанными услугами несостоятельны. Охотник-собаковод в секции состоит по праву члена общества, за все услуги расплачивается своей трудовой копейкой, а при выращивании и воспитании собаки — еще и своим личным временем, здоровьем, нередко испорченными отношениями в семье, недостатком внимания к собственным детям и многим, многим другим.

К слову сказать, материальные затраты на выращивание и подготовку собаки к охоте составляют значительную часть семейного бюджета. День содержания (прокорм) стоит в среднем около одного рубля, не считая затрат на уход, ветеринарное обслуживание, транспортные расходы и прочее. Получение самого распространенного и доступного рабочего диплома по утке для москвича, например, обходится в 30 рублей (проезд и проезд собаки к месту испытания, путевка, жилье, лодка, оплата испытаний и пр.). И это не считая оскорблений и проклятий, которых непременно наслушаешься от бессобачных граждан. И в итоге при достижении всех регалий твоей собаки начинает распоряжаться секция. Где логика?

Относительно вырождения породы, племенного брака, которым сейчас пугают руководители секций в случае перехода к более свободному заводскому разведению охотничьих собак, можно сказать следующее. Все мы одержимы и очень любим своих питомцев. Ни один собаковод при наличии выбора не согласится взять своего производителя (производительницу) с партнером, который не отвечает требованиям конкретного заводчика и может скомпрометировать его собаку. Никто не захочет перегружать свою собаку вязками во вред ее здоровью и в ущерб охотничьим интересам. Появление племенного брака в породах характерно именно для условий жесткой регламентации. Но руководители секций не хотят рисковать и не соглашаются на признание прав владельца на собственную собаку, хотя брак от их рекомендаций — явление нередкое. По-существу же они боятся утери своего влияния на собаководов.

Главными принципами работы секций должны стать разъяснение и убеждение, а не администрирование и регламентирование. Вот тогда, надо надеяться, охотниче собаководство действительно сможет получить, как говорят у спортсменов, «второе дыхание». Авторитет секций при этом неизменно вырастет, можно будет ожидать притока молодых охотников в собаководство.

Самоуправление в заводском разведении охотничьих собак порождает здоровую конкуренцию, так как в племенную работу пойдут лишь лучшие собаки, а владельцам середнячков при-

дется серьезно заниматься улучшением показателей их работы. Сегодня же владельцам достаточно набрать «минимальный балл» для включения их собак в план племенной работы (скажем, оценку «хорошо» и диплом III степени), и больше можно ни о чем не беспокоиться на протяжении всей жизни собаки, поскольку в дальнейшем все будет зависеть от отношения секции или кинолога общества к данному владельцу.

Почти все собаководы-лаечники страны, да и за рубежом, знают великолепных московских западно-сибирских лаек ч. Саяна В. И. Шаврова и его сына ч. Аяна И. И. Иконописцева. Многие сотни из потомков радуют охотников блестящими экстерьерными качествами и работой. В свое время секция этих собаководов поддерживала, и результат налицо.

Но в этой же секции сошла практически бесследно плеяда не менее блестящих, бесстрашных лаек-зверовников, имевших дипломы I и II степеней по медведю (Таймыр, Таежный, Кучум В. В. Глазунова, Бой и Унгур В. И. Акимова). Владельцы этих собак были не «в фаворе» у руководителей секции, и лишь усилиями отдельных энтузиастов- заводчиков удалось спасти кровь некоторых из этих собак, хотя желающих повязать своих производительниц с ними всегда было предостаточно. Но действовал установленный секцией запрет на вязку под предлогом, что у этих собак нет диплома по белке, которая их владельцев не интересовала.

И еще об одном аспекте самоуправления в собаководстве хотелось бы сказать: о свободном договорном установлении цен на щенков охотничьих собак. Когда за хорошо пошитый костюм из шерсти мы платим вдвое-втрое больше, чем за кое-как скроенный костюм из бумажной ткани, ни у кого не возникает вопроса о разнице цен. Стоимость же щенков от весьма посредственных собачек и щенков от прекрасных элитных производителей нередко пытаются уравнять. При про-даже собак должна действовать лишь рыночная договорная цена, а покупатель сам решит, брать ли собаку за названную владельцем цену. Это тоже будет стимулом к разведению высококлассных собак.

Многие из высказанных мною предложений по формированию экономической основы развития охотничьего собаководства и самоуправления в нем для руководителей обществ охотников и рыболовов, недооценивающих значения этого направления хозяйственной деятельности, а также для руководителей секций охотничьего собаководства, привыкших к администрированию, могут показаться крамольными. Мнение охотничье общественности, которое, как надеется автор, будет высказано в письмах читателей, поможет сформировать правильные подходы к решению проблемы перестройки в охотничьем собаководстве.

ПРАВИЛА ПЕРЕВОЗКИ СОБАК

Н. ШАТУРИН

Охотник В. И. Савельев из Новосибирской области пишет, что ему пришлось поехать на поезде со своей лайкой. Несмотря на разрешение ветеринарной службы и билет на собаку, проводница категорически отказалась пускать ее в вагон. Она требовала, чтобы собака была в специальной клетке. «Правильны ли требования проводницы? — спрашивается Савельев. — Ведь должны же быть какие-то правила провоза собак?»

К перевозке собак в общественном транспорте действительно предъявляются определенные, обязательные для исполнения требования, причем на каждом виде транспорта они имеют свои особенности, так как устанавливаются тем ведомством, которому принадлежит транспорт. Если транспорт союзного ведомства, например Министерства путей сообщения СССР, то и требования, установленные этим министерством, обязательны для исполнения на железнодорожном транспорте по всей территории страны. Если транспорт республиканского ведомства, например Министерства автомобильного транспорта РСФСР, то требования установлены этим министерством и действуют на автомобильном транспорте общественного пользования на территории только РСФСР. В городах, где есть метрополитены, к перевозке собак на этом виде транспорта предъявляются свои требования. В Московском метрополитене, например, провоз собак вообще запрещен.

О некоторых требованиях к провозу собак в общественном транспорте говорится в действующих в союзных республиках правилах содержания собак. В правилах содержания собак и кошек в городах и других населенных пунктах

РСФСР, например, указано, что перевозка собак в другие города, сельские районы, области (края, республики) любым видом транспорта разрешается только при наличии ветеринарного свидетельства с отметкой в нем, что собака вакцинирована против бешенства не более 12 месяцев назад и не менее чем за 30 дней до вывоза. В этих правилах отмечается, что перевозка собак производится с соблюдением установленных правил пользования соответствующими транспортными средствами.

Предъявляемые на железнодорожном транспорте требования к перевозке собак изложены в Правилах перевозки пассажиров и багажа по железным дорогам Союза ССР (Тарифное руководство № 5). В пассажирских поездах разрешается перевозка собак крупных пород в багажных вагонах в специальных контейнерах или ящиках с поддоном под наблюдением владельцев или других сопровождающих лиц, которые должны ехать в этом же поезде. Разрешается в этих поездах провозить собак и в нерабочем тамбуре первого за локомотивом жесткого пассажирского вагона (не более двух собак) под наблюдением владельцев или сопровождающих лиц, которые должны ехать не только в этом поезде, но и в этом вагоне.

В пригородных поездах собак крупных пород разрешается провозить только в тамбуре (не более двух) под наблюдением владельцев. А вот собак мелких пород разрешается провозить при себе, но при условии, что они будут находиться в таре (сумка, корзина, клетка и т. п.), во всех жестких вагонах поездов. Собаки (кроме помещенных в тару) перевозятся в намордниках и на поводке.

Для групповых перевозок собак дол-

КОЛОНКА ЮРИСТА

ПРИМЕНЯТЬ ИЛИ НЕ ПРИМЕНЯТЬ?

О том, что в стране много совершаются преступлений, знают все. Об этом говорят по радио, рассказывают по телевидению, пишут в газетах и журналах. При этом широко раскрывается не только общее положение с преступностью, но и приводятся в пример конкретные случаи, нередко совершенные с особой жестокостью и дерзостью.

В редакцию поступают письма охотников с просьбой разъяснить возможность применения охотничьего оружия для самозащиты от преступников.

Наш журнал уже публиковал разъяснение по законодательству о необходимой обороне («Охота и охотничье хозяйство», № 5, 1986 г.). В том материале изложены общие положения уголовного законодательства о необходимой обороне и его роли в защите работников природоохранных органов. Со времени опубликования материала каких-либо изменений и дополнений в законодательство о необходимости обороны не внесено. А вот количество случаев, когда работники ми-

жна быть не менее чем за пять суток до отправления поезда подана заявка на имя начальника вокзала. Перевозка производится в отдельных вагонах, используемых на условиях аренды.

Перевозка собак в межобластных вагонах запрещена. Если же весь поезд состоит из таких вагонов, то разрешается перевозка собак (не более двух) в рабочем тамбуре первого за локомотивом пассажирского вагона.

За перевозку собак взимается плата, размер которой исчисляется или за количество, или за место, как за 20 кг багажа, если собака перевозится в багажном вагоне. На перевозку собак в пригородных поездах билеты проходят в пригородных билетных кассах. Перевозка собак-проводников, сопровождающих инвалидов-слепых, не оплачивается.

К перевозке собак в багажном вагоне предъявляются некоторые специальные требования. В частности, принимаются собаки к перевозке с условием, что в пути следования они не будут перегружаться. Клетки, корзины,

ящики, в которых они перевозятся, должны гарантировать от порчи другой багаж, находящийся в багажном вагоне, и сам вагон от загрязнения. Тара должна быть соразмерной с перевозимыми собаками, их количеством и не быть вместе с тем слишком громоздкой. В спорных случаях вопрос о таре разрешает начальник станции.

Кормить собак и ухаживать за ними в дороге должен владелец или сопровождающее лицо. В случае, если собаки по вине железной дороги будут доставлены не по адресу, обязанность по уходу за ними и кормлению ложится на железную дорогу. На перевозку собак багажом выдается багажная квитанция.

Свои особенности имеются в правилах перевозки собак на общественном автомобильном транспорте (приводятся правила, действующие в РСФСР). Так, в правилах пользования автобусами городского сообщения определено право пассажиров перевозить на задних накопительных площадках охотничьих и служебных собак в намордниках.

никах и на поводке за плату согласно стоимости провоза одного места багажа.

В правилах пользования автобусами пригородных сообщений тоже упоминается о праве пассажира перевозить на задних накопительных площадках охотничьих и служебных собак в намордниках и на поводке, но при наличии справки, что собака привита против бешенства. Условия оплаты за провоз такие же, как и в автобусах городского сообщения.

В правилах пользования автобусами междугородных сообщений пассажиру предоставлено такое же право с теми же условиями, но перевозить собак можно на задних местах.

Правилами перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом в РСФСР разрешена перевозка собак в такси при условии, что собака будет в наморднике, с поводком и обеспеченена подстилкой.

Собаки-проводники слепых перевозятся в автобусах всех сообщений бесплатно. Собака должна иметь намордник, поводок и опознавательный знак, утвержденный обществом слепых. В автобусе инвалид с собакой занимает заднее место слева. Это место другие пассажиры должны освободить инвалиду с собакой-проводником. Кондуктор или шофер обязаны оповещать пассажиров о наличии в автобусе обученной собаки-проводника.

При перевозке собак воздушным транспортом тоже имеются некоторые особенности. В правилах перевозки пассажиров, багажа и грузов на воздушных линиях Союза ССР указано, что собаки принимаются к перевозке только с предварительного соглашения перевозчика и при наличии разрешения органов ветеринарного надзора на их вывоз и ввоз. Перевозимые в пассажирских салонах собаки должны находиться на привязи с надетыми намордниками. Перевозка собак оплачивается по их массе, за исключением собак-поводырей, сопровождающих слепых; эти собаки перевозятся за счет нормы бесплатной перевозки багажа.

лиции правомерно стали применять оружие в состоянии необходимой обороны при защите от преступников, в последние годы возросло, о чем неоднократно сообщало Министерство внутренних дел СССР.

Естественный вопрос, а может ли владелец охотничьего оружия применить его против преступников, в том числе при их нападении на жилище с целью завладения имуществом? Дать однозначный и исчерпывающий ответ на все случаи, которые бывают в жизни, невозможно. Да и само понятие применение оружия тоже многозначно. Оружие может быть применено на поражение, стрельба вверх — тоже при-

менение оружия, взять преступника на мушку, но не стрелять — это тоже считается как применение оружия. Поэтому можно с уверенностью сказать только об одном случае бесспорного и в соответствии с законом применения оружия на поражение — это когда для жизни и здоровья защищающегося существует реальная угроза и его применение соответствует характеру и опасности нападения. Вот пример из практики работы правоохранительных органов.

Два соседа проживали в коммунальной квартире. Однажды они поссорились. Потом один из них зашел в свою комнату, закрылся. Второй сосед не

мог успокоиться, начал угрожать соседу убийством, взял топор, стал вылавливать дверь в его комнату, сопровождая свои действия нецензурной бранью и угрозами убийством. Когда дверь была почти выломана, против нападающего было применено охотничье оружие. Его применение в данной ситуации признано законным.

Таким образом, отвечая на поставленный вопрос, следует сказать, что применение охотничьего оружия при необходимости обороны законом не запрещено.

Н. АСТАФЬЕВ,
старший советник юстиции

ВНОВЬ О ПУЛЯХ ДЛЯ ГЛАДКОСТВОЛОК

Тема «Пули для гладкоствольных ружей» продолжает волновать наших читателей. Это объясняется массовым отстрелом кошачьих, нехваткой [а то и отсутствием] пули и пулевых патронов в продаже; низким качеством многих из них; узким ассортиментом пули малых калибров. В редакцию поступают многочисленные статьи, заметки, письма охотников, предлагающих новые типы пули или какие-то изменения в конструкцию пули, давно известных; способы изготовления выпускаемых промышленностью пуль, но тех калибров, которые предприятия не производят.

Значительная часть изобретений повторяет давно созданные образцы; многие предложения, направленные на изменение конструкции выпускаемых промышленностью пуль, требуют экспериментальной проверки, провести которую редакция не имеет возможности.

В этом номере мы публикуем три из поступивших в редакцию заметок. Кроме того, рекомендуем читателям ознакомиться с материалами о пулях, публиковавшимися в последние годы в нашем журнале: 1978, № 1; 1979, № 7; 1980, № 9, 11; 1981, № 9; 1982, № 9; 1983, № 3, 11; 1984, № 9, 11; 1985, № 9; 1988, № 2; 1989, № 9, 11, 12, а также статьи и заметки об отдельных типах пуль: «Блондо» — 1983, № 3; 1986, № 3; «Вятка» — 1978, № 10; Горбантса [«Диаболо»] — 1984, № 2; 1987, № 9; «Кировчанка» — 1985, № 4; 1989, № 12; Майера — 1978, № 11; 1989, № 12; Полева — 1988, № 9; 1989, № 7; 1990, № 5; Рубейкина — 1981, № 9; 1985, № 9; 1989, № 9; Якане — 1978, № 5. Все эти — и новые, и старые — материалы помогут правильно снаряжать пулевые патроны.

ПУЛЯ «ДИАБОЛО» ВСЕХ КАЛИБРОВ

Публикация о пулелейке для «Диаболо» в журнале «Охота и охотничье хозяйство», № 9 за 1987 г. вызвала большой интерес. В своих письмах охотники (Береснев В. Г. из Тюменской обл., Алябьев А. Д. из г. Волхова Ленинградской обл., Железнов И. И. из с. Лиски Воронежской обл. и др.) положительно отзываются о рабочих свойствах

вах пули «Диаболо». Они подтверждают, что при хороших баллистических характеристиках пули, зверь (кабан, лось, медведь), как правило, бываетбит «Диаболо» на месте, что позволяет говорить о ее отличном останавливающем эффекте.

Охотники, которые хотят изготовить пулелейку для пули «Диаболо» (рис. 1), должны учитывать, что диаметр (D) пули по центрирующему пояску должен быть меньше диаметра канала ствола на 0,1 мм, а диаметр (d) тела пули должен быть меньше максимального дульного сужения стволов на 1...1,5 мм. Практикой проверено, что при соблюдении этих условий пуля «Диаболо» безопасна для стрельбы даже из ружей, стволы которых имеют сильный чох (до 1,25 мм). Разброс пули не превышает 150 мм при стрельбе с расстояния 50 м. В таблице приведены размеры пули «Диаболо» различных калибров.

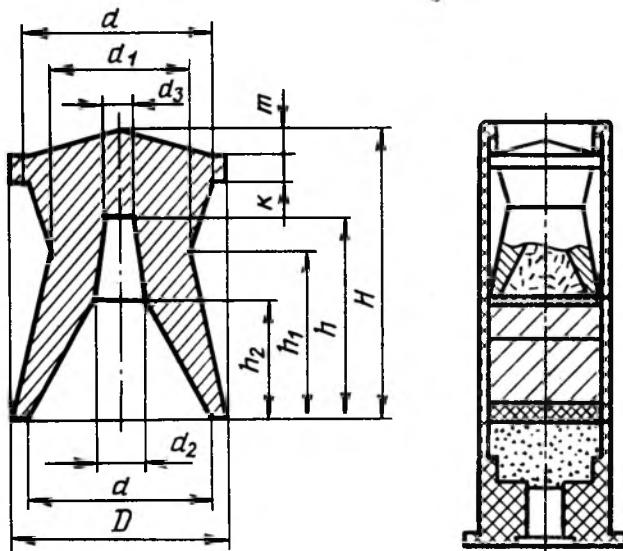
Если диаметр канала ствола вашего ружья отличается от приведенного в таблице, то нужные размеры пули

можно определить, либо взяв за основу диаметр пули по центрирующему пояску и пропорционально изменить все размеры, либо использовать приведенные в таблице размеры пули, «сыграв» только размером центрирующего пояска, как это сделано для пули 12-го калибра.

Хочу заметить, что пуля со сплошным центрирующим пояском, по сравнению с зубчатым, имеет лучший баланс, дает более резкий и точный бой, проще в изготовлении.

Качество поверхности пули и заполнение полоски пулелейки улучшается, если внутренние поверхности всех частей пулелейки закоптить над открытым пламенем свечки или спички. После затвердевания отливки пулелейка будет легче разбираться, если постучать ее основанием по металлическому массивному предмету (наковальне).

Напомню, что для изготовления пуль можно использовать расплав из бросовых свинцовых аккумуляторных пластин, либо приготовить сплав, содержащий 4 % сурьмы, 8 % олова и 88 %

1. Пуля «Диаболо». Объяснения в таблице.
2. Снаряжение патрона пулей «Диаболо».

Размеры пули «Диаболо» различных калибров

Калибр ружья	Диаметр канала ствола, мм	Размер пули [рис. 1]												Вес пули, г
		D	d	d_1	d_2	d_3	H	h	h_1	h_2	K	m		
12	18,5	18,4	16	12	4	3,5	24	17	17	10	2	2	35	
		18,2	18,1											34,5
16	17,0	16,9	14,7	11	3,7	3,2	22	15,6	12,9	9,2	1,8	1,8	29,5	
20	15,5	15,4	13,4	10	3,3	2,9	20,1	14,2	11,7	8,4	1,7	1,7	24,5	
24	14,7	14,6	12,7	9,5	3,2	2,8	19	13,5	11,1	7,9	1,6	1,6	22	
28	14,0	13,9	12,1	9,1	3	2,6	18,1	12,8	10,6	7,6	1,5	1,5	20	
32	12,5	12,4	10,8	8,1	2,7	2,4	16,2	11,5	9,4	6,7	1,3	1,3	15,9	

свинца. Перед началом работы детали пулелейки следует нагреть до температуры 100—120 °С.

Опыт эксплуатации пули «Диаболо» позволяет дать рекомендации по снаряжению пулей бумажных (пластмассовых) гильз (рис. 2): капсюль «Жевело»; массу пороха «Сокол», которая указана в инструкции или на банке и является максимальной для данной партии, следует уменьшить на 0,2 г при использовании патронов летом и на 0,1 г при использовании патронов зимой. На порох досыпается картонная (плотная) прокладка толщиной 2,5...3 мм; диаметр прокладки должен быть больше внутреннего диаметра гильзы на 0,1 мм; войлочный осаленный пыж толщиной 13...15 мм и добавочный войлочный пыж нужной толщины (можно разрезать по диаметру на четыре равные части, сложить по линиям разреза и вставить в гильзу); картонная прокладка толщиной 0,3...0,5 мм. Пулю повернуть хвостовиком вверх и заполнить полость сухими, мелкими древесными опилками, уплотнить их пальцем. Опилки служат амортизатором при выстреле и не дают «влипать» пыжу в хвостовик пули. Опилки можно заменить пробковой крошкой; заливать полость хвостовика воском или парафином не следует. Для того, чтобы опилки не высыпались, гильзу следует надевать на хвостовик пули сверху до упора пули в пыж. Затем дульце гильзы завальцовывается.

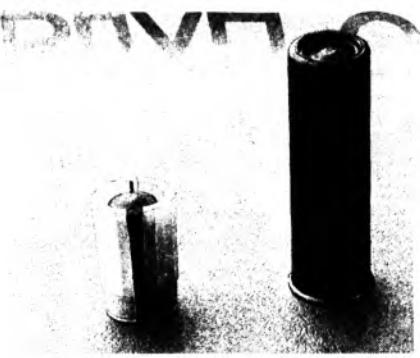
У кого возникнут дополнительные вопросы, пишите по адресу: 252194, г. Киев, ул. Зодчих, 18-б, кв. 22.

С. ЛОПАТКИН

КАК УЛУЧШИТЬ «КИРОВЧАНКУ»

В журнале «Охота и охотничье хозяйство», № 4 за 1985 г. я прочитал подборку материалов «Недоработанная «Кировчанка». Я тоже экспериментировал со способом снаряжения «Кировчанки» и, кажется, до какой-то истины дошел. В результате проведен-

1. Пуля «Кировчанка», две половинки контейнера и резиновые прокладки. Слева — пуля, деформированная после выстрела.

2. «Кировчанка» в контейнере с резиновыми прокладками. Справа — патрон, снаряженный пулей «Кировчанка».

ных опытов стало ясно, что эта пуля, в том виде, в каком она изготавливается, для использования не годится. Главная причина в технологии изготовления для нее контейнера.

Пуля вкладывается в две половинки контейнера, которые в момент выстрела и при прохождении через дульное сужение давят на нее с большой силой, деформируют и становятся единым целым с пулей. При вылете из ствола половинки контейнера не освобождают пулю, во всяком случае, одна из половинок контейнера летит вместе с пулей, а это дает ощущимое отклонение траектории пули от точки прицеливания.

В этом пришлось убедиться при стрельбе по мишени 1,5×1,5 м на расстояниях 35 и 50 м: отклонения пробоин от точки прицеливания составляли 35—60 см, а некоторых пробоин вообще не оказывалось в мишени на дистанции 50 м.

Каким же путем освободить пулю от чрезмерного воздействия контейнера?

На основании своего опыта я пришел к выводу, что необходимо сделать следующее: острым небольшим ножом каждую половинку контейнера по краям, со всех сторон, слегка обрезать, как бы заовалить; из плотной и упругой резины вырезать по длине половинок контейнера по две полоски-прокладки толщиной приблизительно до 0,8 мм (рис. 1); вложить пулю в половинки контейнера, а зазоры между ними вставить вырезанные прокладки из резины. В случае, если со вставленными прокладками контейнер с пулей не входит в гильзу, то поверхность контейнера равномерно обрезать ножом до нужного диаметра по гильзе. Эта операция необходима больше всего для ижевских ружей, так как диаметр каналов стволов у них меньше, чем у тульских.

В момент выстрела контейнер почти всю перегрузку берет на себя, а при прохождении через дульное сужение вставленные полоски не позволяют деформировать пулю и становиться единым целым с ней. При такой доработке контейнера пуля при вылете из ствола мгновенно освобождается от обеих половинок контейнера.

Для надежности испытания пулевых патронов с доработанной «Кировчанкой» производились из ружей разных моделей: ТОЗ-34, ТОЗ-54, МЦ-9, ИЖ-27, МЦ-21-12 и ИЖ-58. Все ружья дали хорошие результаты стрельбы на дистанции 50 и 75 м. Пробоины не выходили из круга диаметром 5—10 см. Отметено, что по какой-то для нас непонятной причине лучшие результаты при стрельбе были показаны из внешнекурковых ружей ТОЗ-54 и МЦ-9.

Патроны с «Кировчанкой» я снаряжаю так: полиэтиленовая или бумажная гильза 12-го калибра, капсюль «Жевело», порох «Сокол» — 2,3—2,5 г, на порох досыпается полиэтиленовый пыж-обтюратор; затем — упругий, в меру осаленный войлочный пыж высотой до 10 мм; на него — картонная прокладка толщиной до 1,5 мм (не толще).

После этого вставляется пуля «Кировчанка», подготовленная вышеописанным способом, и навойником осаживается; для завальцовки настольной закруткой оставляю 2—3 мм.

Надеюсь, что охотники испытывают на практике предлагаемый мной опыт подготовки «Кировчанки» и дадут отклики, а может, что-нибудь добавят, изменят и даже дадут совет. Ведь пуля «Кировчанка» по замыслу ее изобретателей является очень ценной, и от нее отказываться ни в коем случае нельзя, наоборот, следует искать пути повышения ее надежности и эффективности.

Мой адрес: 603035, Горький, ул. Баранова, д. 3-А, кв. 114.

В. ЩЕГЛОВ

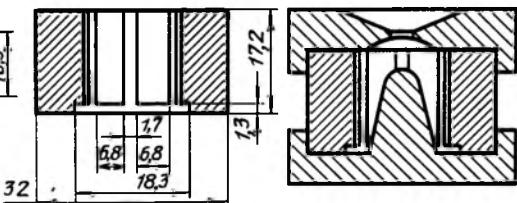
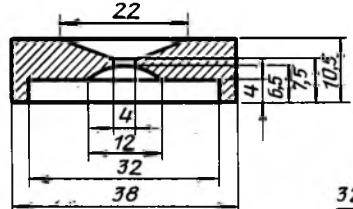
КОЛПАЧКОВАЯ ПУЛЯ

В охотничьей практике наша команда использует колпачковую пуль, которая применяется для отстрела лосей и кабана. Пуля показала хорошие настолько траектории и пробивную способность, стабильный бой, проста в изготовлении. В полете не кувыркается.

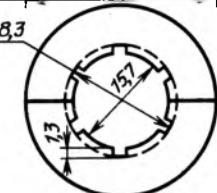
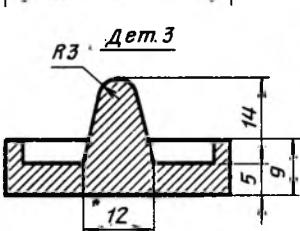
При стрельбе из ружья ИЖ-27 на дистанции 50 м с упора рассечение 10 пуль не превысило 13 см. Все пробоины были круглой формы, что свидетельствует о хорошей стабилизации пули в полете.

Этой пулей было произведено много выстрелов из ружей разных марок на разных охотах, и во всех случаях добычи зверей наблюдался хороший останавливающий момент.

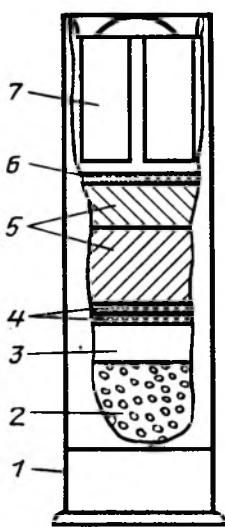
На коллективной охоте много из заузра (диаметр каналов стволов 18,2 мм, правый — цилиндр, левый — чок) в сезоне 1988/89 г. был отстрелян лось, который вышел правее меня в редком ельнике на расстоянии 65 м. Учтяв меня, лось стал уходить. Выстрел произ-

Дет. 3

Общий вид пули

1. Способ снаряжения патрона колпачковой пулей. 1 — гильза бумажная, 2 — порох «Сокол», 3 — пластмассовый обтюратор, 4 — картонные прокладки, 5 — войлочные пыжи, 6 — картонная прокладка, 7 — пуля.

водился в угон, пуля, попав в левый бок, прошла через печень, сердце и, пробив правую лопатку, застряла под кожей; лось пробежал метров 30 и упал.

За счет деформации пули (расширения «юбки» при попадании в тело зверя) рана оказалась большой, что, естественно, усилило останавливающий момент. О хороших качествах колпачковой пули свидетельствовали и другие охотники.

Пуевые патроны (только в новые бумажные гильзы!) снаряжались следующим образом (рис. 1): бездымяный порох «Сокол» — 2,3 г; полистиленовый пыж-обтюратор (отрезанный низ от пыжа-контейнера); две картонные прокладки общей толщиной 3 мм; два мягких войлочных пыжа (нижний осаленный); толщина всех пыжей должна обеспечивать высоту дульца гильзы под закрутку примерно 5 мм; картонная

2. Форма для отливки колпачковых пуль. Размеры в мм.

прокладка толщиной 0,5 мм; сама пуля; гильза завальцовывается. Перед снаряжением полость пули заполнялась пробковой крошкой, древесными (сухими) опилками или заливалась сургучом, парафином, чтобы предотвратить вдавливание пыжа в пуль.

По опросам многих охотников установлено, что уменьшение заряда пороха снижает кучность боя, а при увеличении заряда пороха увеличивается деформация пули.

Изготовление формы для отливки пуль — дело несложное. Форма состоит из 4 деталей. В первую очередь (рис. 2) изготавливают деталь 2 (2 шт.), особое внимание уделяя обработке внутренних поверхностей. Желательно, чтобы они были отшлифованы до зеркальной чистоты. Затем изготавливают детали 1 и 3. Внутренний размер этих деталей должен обеспечивать вставку деталей 2 без особых усилий, в то же время обеспечивая плотное соединение половинок детали 2.

Пуля отливается из свинца; для меньшей деформации в свинец добавляется сурьма — 8 %, или же используются свинцовые пластины от использованного автомобильного аккумулятора. Вес пули из пластины аккумулятора в среднем 35,0 г; с «юбкой», залитой парафином, 35,6 г.

Лучшие результаты отстрела колпачковой пулей показаны из ружей с вертикально расположенными стволами цилиндрической сверловки.

Указанные размеры пули дают лучшие результаты отстрела из ружей с диаметром канала ствола 18,2 мм.

При изготовлении пуль для ружей с диаметром канала ствола 18,5 мм в форме для отливки пуль необходимо увеличить ребра до 18,5 мм, то есть наибольший диаметр пули должен быть согласован с диаметром канала ружья.

За консультацией обращайтесь по адресу: 141400, г. Химки Московской обл., ул. Зеленая, д. 13, кв. 9.

В. КОРОТКОВ

Н. АКСЕНОВ,
участник учредительной
конференции ВАИО

В Ленинграде, в здании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, с 21 по 25 мая 1990 г. проходила учредительная конференция по созданию в нашей стране Всесоюзной ассоциации историков оружия (ВАИО). Ассоциация официально зарегистрирована при Ленинградском отделении Советского фонда культуры как добровольная общественная неправительственная организация. Она объединяет лиц, занимающихся исследовательской, музейной, педагогической и просветительской деятельностью в области истории оружия с древнейших времен до современности.

Президентом ассоциации избран член президиума ленинградского отделения Советского фонда культуры, доктор исторических наук А. Н. Кирпичников, вице-президентами — заслуженный работник культуры РСФСР, главный хранитель фонда стрелкового и холодного оружия Военно-исторического музея Ю. А. Нацваладзе и заведующая фондами Государственной Оружейной палаты Московского Кремля Е. В. Тихомирова.

Высший орган ассоциации — конференция, созываемая один раз в два года. В период между конференциями руководство работой ВАИО осуществляется президиумом, в котором представлены крупнейшие музеи СССР данного профиля и музеи союзных республик. Штаб-квартира президиума ассоциации — Военно-исторический музей (Ленинград, парк им. Ленина, 7).

Учредительная конференция утвердила Устав Всесоюзной ассоциации историков оружия и приняла решение о создании региональных и первичных организаций ВАИО на местах. Согласно Уставу, членство в ВАИО может быть как коллективным (музеи, институты, другие научные, конструкторские и учебные заведения, предприятия промышленности соответствующего профиля, различные заинтересованные государственные, общественные и кооперативные организации), так и индивидуальным. В этом качестве членами ассоциации могут быть ученыe, сотрудники музеев, преподаватели вузов, техникумов и других учебных заведений, сотрудники НИИ, КБ, предприятий промышленности, архивов, библиотек, коллекционеры, другие лица, специализирующиеся на истории оружия или интересующиеся ею, готовые принять участие в решении практических задач и целей ВАИО; ее членами могут быть также зарубежные специалисты и коллекционеры оружия.

Ассоциация ставит своей целью объединение и координацию усилий исследователей и общественности в области изучения и популяризации истории оружия, как весомой части истории

АССОЦИАЦИЯ ИСТОРИКОВ ОРУЖИЯ

науки, техники и производства, то есть солидного пласта истории материальной культуры. Разумеется, история оружия — это в большей своей части история его боевых образцов, но в то же время это и история охотниччьего оружия, уходящая в глубокую древность, а также история оружия для стрелкового спорта, издавна пользующегося большой популярностью во всем мире.

Одной из главных своих задач ассоциация ставит выявление, сбор, сохранение, реставрацию и создание условий для экспонирования реликвий материальной культуры в области оружия, их научное описание и публикацию исследований.

Для выполнения перечисленных задач ассоциация организует периодические конференции, семинары, совещания, выставки, консультации, научные публикации, выступления в прессе, по телевидению и радио. Указанные мероприятия включают их проведение как внутри страны, так и за рубежом.

Во время работы учредительной конференции был прочитан целый ряд научных докладов, освещающих многие, порой малоизвестные, стороны истории отечественного и иностранного оружия.

Большое впечатление у всех участников конференции оставило посещение интереснейших коллекций оружия, сосредоточенных в фондах Военно-исторического музея, в «Арсенале» Ленинградского Эрмитажа, в Гатчинском дворце-музее. Как жаль, что большинство образцов, хранящихся в этих поистине бесценных собраниях, практически недоступны широкой масse посетителей, так как для их показа отсутствуют необходимые экспозиционные площади. При осмотре коллекций восхищает мастерство тех, кто создавал эти оружейные шедевры, удивляет изумительно гармоничное сочетание функциональных и эстетических свойств, изящество отделки, оригинальность технических решений изобретателей прошлого, которым вполне могут позавидовать зачастую и нынешние оружейники.

Приходится только сожалеть, что большинство этих замечательных реликвий оружейного мастерства навсегда лишились возможности продемонстрировать не только прекрасные внешние формы, но и свои отличные боевые качества, так как все нарезные образцы из их числа подвергнуты поистине варварской операции — просверливанию казенников во имя исполнения категорических требований действующей «Инструкции».

В работе вновь созданной ассоциации самая острыя проблема в настоящее время — отсутствие материаль-

ных условий ее существования. Вся надежда на появление богатых спонсоров; очень бы хотелось, чтобы ими стали наиболее известные предприятия, институты и КБ нашего оборонного комплекса, обладающие крупными материальными и финансовыми ресурсами.

Первоочередная потребность ассоциации — создание хотя бы минимальной издательско-полиграфической базы. Для нашей охотничьей общественности в деятельности ассоциации историков оружия весьма актуальна проблема создания обобщенной истории охотниччьего оружия, прежде всего — отечественного. Конечно, в определенной степени данная тема освещалась в трудах В. Е. Маркевича «Ручное огнестрельное оружие» (Л., 1937), В. Г. Федорова «Эволюция стрелкового оружия» (М., 1938), книгах С. А. Бутурлина, но эти издания давно уже стали библиографической редкостью. Дважды за последние годы выходила книга М. М. Блюма и И. Б. Шишко «Охотниче ружье», выходили отдельные издания в городах Туле и Ижевске, но они, естественно, нехватывают целиком эту обширную тему, а их тиражи совершенно не удовлетворили потребностей в такой литературе.

Наверное, многие любители и ценители-коллекционеры оружия из числа охотничьей общественности выразят желание вступить в ассоциацию и примут активное участие в ее практической деятельности, чтобы способствовать ее быстрейшему становлению и росту авторитета в стране.

«2.18. Поступившее в музеи огнестрельное оружие должно быть перед экспонированием приведено в оружейных мастерских в состояние, непригодное для производства выстрела, путем:

— просверливания отверстия диаметром не менее 5 мм в казенной части оружия без повреждения надписей и клейм;

— изъятия или спиливания бойка».

Сколько трогательна забота об экспонатах: надписи и клейма следуют сохранять... Какой же некомпетентностью обладали люди, составившие и подписавшие эти пункты Инструкции! Они, видимо, считали, что изучение истории оружия — это прочтение надписей и расшифровка клейм. На самом деле история огнестрельного оружия — часть истории техники, народного хозяйства, прикладного искусства. Чтобы познать эволюцию оружия, надо изучить не только надписи и клейма, гравировку и резьбу на ложе, но и процессы смены материалов, порохов, механизмов. А чтобы понять принципы действия ударно-спусковых механизмов необходимо иметь действующие, а не распиленные образцы. Не случайно во всем мире, в том числе и в СССР, столь тщательно восстанавливают старые паровозы и автомобили, станки и телефонные аппараты, танки и пушки. А ружья в музеях СССР, как видите, приводят в состояние, при котором они действовать не могут.

Следовательно, наносится удар по всей материальной части истории огнестрельного оружия, а тем самым — и по истории науки: ведь эволюция ружья неразрывно связана с развитием металлургии и химии, механики и физики, баллистики и оптики.

Но есть еще один аспект рассматриваемой проблемы — материальный. Редкие образцы огнестрельного оружия, прежде всего охотничьи ружья, продаются на мировых рынках по баснословным ценам. Какой же ущерб нашей стране наносят ретивые, но неумные охранители порядка, уничтожающие ружья как целое, как механизмы? В какие суммы исчисляется сегодня убыток: в полмиллиарда, в миллиард долларов или больше?

УНИЧТОЖЕНИЕ ШЕДЕВРОВ

КОММЕНТАРИЙ РЕДАКЦИИ

Что сказал бы читатель, узнав, что картины Рафаэля и Ван-Гога, Сурикова и Серова режут на части... ради их сохранения? Думаю, возможны два ответа. Первый: этого просто не может быть. Второй: если такое действительно делается, то это неслыханное в истории варварство или акции умалишенных.

Картину резать пока, к счастью, не додумались, а вот бесценные памятники материальной культуры — образцы огнестрельного оружия — уничтожали и продолжают уничтожать, о чем и говорит в своей статье Н. Аксенов.

Но, быть может, это прошлое? Берем действующую Инструкцию МВД СССР № 246 от 01.12.1987 и читаем:

Редакция считает, что пункты Инструкции, направленные на порчу национального достояния, следует отменить немедленно.

К безопасности населения музейное оружие отношения не имеет: из какого оружия стреляют бандиты и сепаратисты в СССР, нам убедительно объясняли в газетах и показали по телевидению.

НЕ ПРЕСТУПИ ЧЕРТУ

Сергей КУЧЕРЕНКО

Еще вчера западно-сибирская лайка чистых кровей с необычной кличкой Фея работала, как и все шесть минувших таежных сезонов, умно, смело и старательно. Даже красиво. Работала по всякому зверю — большому и малому, смирному и опасному. И этим, уже дотлеваяющим ледяной зарею днем Круглов взял с ее помощью сололя, поболее двух десятков белок и подсвинка. И каждому удачному выстрелу, каждой добыче сучка радовалась точно в меру хозяйствской радости, понимая своего друга-повелителя не просто с полузалядья и полуслова, но и по шагу, по походке, по дыханию даже. По тому, как он закуривает и пускает дым, как перезаряжает ружье, как снимает и набрасывает на плечи рюзак.

Ночами Фея оберегала покой хозяина, чутко подремывая в устроенной под крыльцом конуре, давая ему знать коротким взламом лишь о подходе опасного, вроде медведя-шатуна, зверя или незнакомого человека. А теперь, казалось, ни с того ни сего заскреблась вдруг в избу, виновато, со странной настойчивостью поскуливая. Никогда такого не случалось, и потому Круглов, подняв брови, открыл дверь, выходя в уплотнившуюся темень, и еще больше удивился, когда собака без разрешения шмыгнула между хозяйственных ног в зимовье, извиняясь повинным взглядом и слабым повиливанием хвоста. От еды отказалась, тоже необычно застонав при этом.

Она была отважной собакой, хотя, как и хозяин, всегда прекрасно чувствовала меру опасности и на рожон не лезла. Осторожностью она пренебрегала, лишь когда охотнику грозила беда. Нападающего медведя не просто рвала за гачи, но, бывало, и атаковывала в лоб, отчаянно принимая на себя его ярость. Самоотверженно перехватывала стремительный бросок раненого сечака, строго облавила ненароком или намеренно приблизившегося к ним тигра, сообщая о нем хозяину и предупреждая грозного царя уссурийской тайги о том, что за последствия они не руяются. Могла переплыть взбесившуюся в паводок речку, спокойно пережидала сумасшедшую грозу и ветровал, даже прокакивала полосу низового пожара.

А теперь запросилась в избушку. И когда хозяин, походив вокруг зимовья, прослушал замороженную, смерзшуюся воедино тишину тайги и

неба и, ничего подозрительного не уловив, вернулся и спросил, в чем дело, ушла под нары и улеглась в дальнем, самом темном и недоступном углу. «Замерзла, — решил Круглов. — Переутомилась или прихворнула». Но и в этом усомнился: холода бывали полютее, и болеть ей случалось погибельно, но и тогда в дом не просыпалась... Или у собак года берут свое? Года, года... Только в легкомысленной песенке они будто бы становятся богатством.

А через полчаса, когда тишину пошевеливало лишь еле слышное посыпывание керосиновой лампы да потрескивание печки, Фея вдруг вылезла из-под нар, подошла к двери и чутко навострила уши, нервно подергивая мочкой носа. Круглов положил только что снятую беличью шкурку на колени и возвился на собаку. А та медленно и напряженно поворачивала чуть опущенную голову от двери на левый избяной угол, потом прямо в стенку, в другой угол... И опять обратилась к двери, едва слышно шевеля в горле нерешительный рык, которым сообщала о своем вовсе не беспрчинном волнении.

Обеспокоился и Круглов. Разряженное ружье висело, как всегда, снаружи под коридорным навесом. Вынув из ящика с боеприпасами пулевые патроны и включив фонарик, он направился к двери, но Фея осторожно взяла в зубы его штаны и потянула назад... Нечто похожее случилось в прошлом году: собака тоже задерживала его, ухватившись за суконку брюк, а через несколько секунд, присмотревшись, Круглов увидел совсем рядом обочь тропы дремавшего под плотной навесью кедровой кроны тигра. Помнилось охотнику, что в тот день тайгу оглушил густой снегопад, когда все живое любит поспать, и поспать покрепче. А полосатый, как прояснилось через несколько дней, сыто блаженствовал у добытого им сечака, и добытого, судя по измешанному снегу и сломанным кустам, в трудной и опасной борьбе... Фея тогда мудро предпочла уведомить хозяина об опасности не лаем, а вот так, тихо — удерживая от очень рискованных шагов вперед, определенно понимая, как опасно подойти неожиданно к спящему у своей добычи хищнику.

...Успокоив собаку, как всегда в таких случаях, почесыванием за ушами и поглаживанием лба, Круглов осторожно приоткрыл дверь, снял с гвоздя ружье и зарядил его. Посветил фонариком — ни следов у дверика, никого и ничего у стены леса. Крикнул: «Кто ходит?» Ответила лишь россыпь эха.

Он знал, что эхо — к осадкам. К снегу, значит. И стал планировать работу на снегопадную погоду, продолжая размышлять при этом о странном поведении собаки.

Управившись с неотложными делами и устало укладываясь спать уже глубокой ночью, Круглов отправил беспокойно ходившую по избе, все так же нервничавшую собаку под нары и потушил лампу. Но еще не перелилась его дрема в сон, как покоем опять нарушала постукивание собачьих когтей по полу и тот же нерешительно приглушенный рык, все с тем же странным постановлением. Когда Фея остановилась у черного прямоугольного оконшка, Круглов подошел к нему, не зажигая лампу, приглядевшись... Белая, залитая полной луной снежная поляна, в пяти метрах от избушки поленица дров, правее — навес для разного скарба, слева — помойка, а за ними — темные зубья еловых вершин и кедровых вперемешку с метлами раздевшихся на зиму берез, дубов, ильмов... Тысячу раз виденное.

Вытряхнув из пачки сигарету, потянулся за спичками и замер: в четырех метрах от окна по снегу беззвучно плыла плотная, резкая тень, исходившая вроде бы из ничего. И лишь когда эта тень застыла, Круглов рассмотрел едва заметного в потоке лунного света тигра. Он не успел понять и оценить обстановку и не пошел еще к ружью, как громада зверя снова растаяла в мертвом лунном свете, а по снежной белизне поплыла та же тень. Поплыла все так же беззвучно, заворачивая за угол избы.

Окно имелось одно. Маленькое. Как и во всех таежных строениях.

Круглову чувство страха было ведомо, хотя и с полным основанием слыл он в промхозе и селе охотником смелым и решительным. Но он никогда не давал страхи волю. И теперь, ощущая скорбию сердца и не пропуская ком из груди к горлу, он взял ружье, проверил, заперт ли дверь, пододвинул к окну табуретку и присел, не забыв поджечь сигарету, отвернувшись от окошка. Он еще не искал разрешения возникшей очень опасной, совершенно необычной ситуации, а топроливо искал объяснение ей, сдерживая грудной гул.

...Он вырос в таежном селе в семье потомственного промысловика, с детства постиг премудрости охоты, законы и тайны уссурийской тайги и всего в ней сущего. Повадки тигра, как и всех здешних зверей, птиц и прочих обитателей, ему были хорошо ведомы неонастырьше. Следы амбы он встречал на своем участке почти каждый день и трижды сталкивался с этим строгим и грозным, тоже потомственным охотником глаза в глаза. Всех троих мог застрелить, но встречи оканчивались бескровно: Круглов законы чтил строго, за свои немалые лета ни разу не преступил черту дозволенного. А правила охоты для него были законом особым, и он их пунктуально

соблюдал вовсе не из боязни расплаты за браконьерство, а по совести честного человека, не считающего, что на его век таежных богатств достанет, а после него, мол, хоть трава не расти.

Да, повадки тигра Круглов знал до скончания. Знал, что у этого могучего зверя в отношении к человеку тоже есть закон: не трони двуногого, если он не поднимает на тебя оружия и не покушается иным манером. Закон этот терял силу редко и почти всякий раз по вине человека, преступившего его черту. Преступившего раз, чтобы потерять после этого всякое желание и даже способность преступать.

В прошлую зиму в кругловских угодьях объявился тигр, чье поведение было вовсе не царственным, более того — лишенным обыкновенного чувства собственного достоинства. Он регулярно ходил по охотничим путникам, сбивал капканы, съедал приманку, прибирал попавшихся в них зверьков, вынимал из петель зайцев, обгладал туши двух изюбров и кабана, которых охотник не успел вывезти на базу. По всему было видно, что зверь этот был старчески немощным или покалеченным, и все же на большее, чем мелкое воровство, он не решался, обходя охотничьи избушки дальней стороной и умело избегая встреч с человеком.

А этот дерзко подошел к человеческому жилью на расстояние своего прыжка. И подошел не только что — несомненно несколько часов назад, когда собака сникла, увяла и запросилась в избу. Подошел, преступив закон о вооруженном нейтралитете, негласно заключенный человеком с его не таким уж и далеким предком — не раньше пятого-шестого колена генеалогии ускурийского тигра.

По давнему обычью в новогодние празднества промысловики возвращаются в села повидаться с семьями, отмыться-отпариться в бане, сдать в промхоз пушнину и дикое мясо, пополнить запасы продуктов, боеприпасов. И не в последнюю очередь профессионально пообщаться. Так вот. Владелец соседнего промыслового участка сокрущенно пожаловался Круглову: тигры одолели. Супружеская пара всесильных, обзаведясь очередным потомством, повела вдруг себя агрессивно: пугала давно знакомого им охотника ревом, следила за ним, нахально присваивала отстрелянных изюбров и кабанов, даже разоряла лабазы. И ведь вполне сытыми были, хотя чушек сильно поубавилось, да и «изюбряков» меньше стало. «Должно быть, понимают, что мало ихнего зверя осталось, и гонят меня со своих владений, как соперника», — заключил кругловский сосед по этой части информации. О другой же рассказал с явной озабоченностью: «В начале этого декабря появился на моих угодьях старый тигр — след лапы шапкой не закроешь, лежка на снегу под три метра. Уйду из какой избы — разграбит ее, помойку переворошит... Даже канистру с керосином изжамкал, хотя тупыми

зубами не смог прокусить железо. Путики не успеешь наживить — пройдет по ним и обчистит. Потом же вовсе обнаглел. Под утро было. Еще спал я... Сплю, значит, спокойно, и вдруг в дверь как мешком картохи ударило, даже скрипнула моя хата и посуда звякнула. Думал, с чердака что свалилось... Но там не стал я держать ничего, кроме капканов, да и звук был бы иной, упади те. Пошел с фонариком поглядеть, а дверь снаружи так плотно подперта, что и на щелочку не приоткрылась. Уперся в нее посильнее — а с улицы зарычал тигр... Видел ли ты такую наглость?»

Разговарившись, вспомнили разное. Там-то когда-то поселился привыкший к человеку хищник рядом с селом, даже на сеновале устроился, ночами шастал по улицам и давил, что в лапы и зубы попадалось. По темноте люди в нужник ходить боялись, сказать стыдно — парашами пользовались. В другом месте наехал и днями бродил по дорогам, не таясь от людей и не обращая на них, не дающих отпора, внимания. Встречным путникам даже дорогу не уступал. В третьям — за месяц четверть сотни бычков передавил, а там понравилось страшилищу загонять появившихся в лесу людей на деревья... Подобное собеседники могли перечислять-пересказывать и дальше, но Круглова больше интересовал явно не завершенный рассказ таежного соседа: «Ты, Васильич, доскажи-ка, чем закончилось то». И Васильич вернулся «к тому»:

— Рыкнул, значит, наглец. А я обмер: оружие-то, как всегда, за дверью на гвоздях повешено... Сердешко то в горло прет, то в живот проваливается... На цыпочках отошел к столу, присел и стал обмозговывать положение. А что придумаешь, когда в страхе весь? Одну беломорину высмалил, другую, третью. Свет зажечь боюсь. Ножом и оставалось вооружиться... А когда за окошком чуть светать стало, увидел, что снег валит. Думаю, может тигр под навесом моей крыши порешил от непогоды укрыться, а с другой стороны сомнение берет: снег часто и везде выпадает, и мало ли от него спасения под выворотнями, валежинами, елями да кедрами. Да и что он тигру — снег-то... Потолкался я опять в дверь — приперта. А надежная она у меня, из плаха, в косяк хорошо подогнанная. Окошки небольшие, крыша из березового кругляка. Захочет, думаю, забраться за мною — не получится.

Взял себя в руки, — продолжает Васильич, глубоко затягиваясь дымом, — поубавил страху и решил действовать. Поднял чурбак, что сиденьем служил мне, тихо подошел к двери да как шарахну по ней! И тут же заорал погромче да пост роже. Заорал, сам понимаешь, во всю глотку... Послушал — тихо, налег на дверь — открылась. А он стоит в пяти метрах — здоровенный, как конь, только в ногах пониже, но худющий, шерстью шелущийся, мослы у холки выирают, брюхо пустым мешком свисает, а башка размером с бычью, только круглее. Стоит ко мне боком, пригнув к земле голову, а хвостом снег хлещет во зло... Решил я, что если вздумает напасть на меня, не меньше секунды потребуется — развернуться же для прыжка надо... Ну, это теперь так тебе рассказываю, вроде размышлял, обстановку прикидывал. А тогда получилось как бы само собой разумеющееся. Как будто кто очень правильно мною управлял... Отворил я, значит, дверь чуть пошире, дотянулся до карабина и — назад. Крючок на всякий случай на дверь накинул. Вогнал в патронник обойму и клацнул затвором в решимости прикончить одряхлевшего, потеरявшего осторожность к человеку, а, значит, для всех очень опасного зверя... Секунд пять прошло, ну десять. А открыл дверь — одни следы в чащобе. Почувствовал ведь, стервец, мое желание разделаться с ним. Пальнул разок ему вдогонку, обругал покрепче... И все равно упрятался в избу, и еще час поглядывал в окно и приоткрывал дверь: не вернулся ли... Нет, не вернулся. Ушел. А на другой день, когда снег перестал и посыпало его с кустов, проследил нахала. В сотне метров от избы лежал он под корчем, и лежал долго. Потом решил, однако, что не стоит со мною связываться.

— Где же он теперь хулиганит? — спросил Круглов.

— А вот слушай, — ответил Васильич. — Доскажу. Неделю после того видел его следы на дальних путниках, все тем же воровством занимался. В разор ввел! Полтора десятка соболей проглотил, не говоря о колонках и прочей пушине. Уже не считаю, сколько их не поймалось из-за того, что шалаши разворочены, капканы спущены, а приманка сожрана. Когда озлоблению моему не осталось места внутре и поперло оно наружу, решил наглеца истребить. Как? А петлями. И медвежьи капканы у меня всегда имеются... Взял бы все-таки грех на душу и надежные местечки для расправы уже подобрал, да Бог отвел от того греха. Миловал... Поправил как-то ловушку, рюкзак начал увязывать для дальнейшего хода по путику, как услышал рев двух тигров. Сел, уши на макушку — кожа на спине озябла и мураши по ней заскребились. В километре от меня находились. Судя по голосам, один из драчунов был в большой силе и ярости, другой же — обороняющимся стариком. А лежали там владения давнего моего полосатого конкурента, на которые он допускал лишь загулявших тигриц... Тебе приходилось слышать, как тигры орут, когда дерутся?.. Было дело, говоришь? Так не стану рассказывать... А на другой день мою тропу пересек тот старик. На следах крови, ложился в снег часто, на лежаках красного виделось больше, чем белого. Крепко ему досталось. Ушел в твою сторону, так что жди и бди. И запомни: передняя пятка три-

надцать сантиметров, среднего пальца на задней правой нет, а наискось подушки левой — глубокая косая борозда вроде шрама. Шаг крупный, но в снег проваливается неглубоко: фигура большая, а легковатая.

Сидел Круглов у окна долго. Курил, вспоминал, обдумывал ситуацию. Лег и пытался уснуть — сон его не милювал. Когда же за стену что-то треснуло и тут же зяянуло, а Фея вскочила и взляяла, ощетинившись по всей спине, Круглов поднялся и уселся у окна, загоняя в рот одну сигарету за другой. На отпотевшее оконное стекло снаружи стали прилипать снежинки и тут же таяли. Подумал, вспомнив рассказ Васильчика: не улегся бы и под мою дверь...

Держа заряженную двустволку на коленях, Круглов обдумывал проблему: появится тигр перед окном — стрелять самосудно или воздержаться? Может, и меня бог милует, отведет от расправы? Васильчик в конце того их разговора поведал: «Пошел я к охотоведу промхоза, выложил все, как было, и спрашивала: что делать, коли еще раз подопрет? Ликвидировать можно? Тот же мне и сказывает: а спроси себя, законы ведь знаешь не хуже моего. И сам себе, мол, и ответь... Положено-то, говорит, сообщить об этом властям, получить официальное разрешение на отстрел, который не тебе сделять, а специальной группе охотнадзора управления... Недели две потеряешь, а прикончат ли тигра те уполномоченные, бабушка надвое сказала... Помолчал мой охотовед, почекнул какие-то кубики с кружками на газете да и завершил со мною разговор коротко. «Ты же, дорогой Петр Васильевич, — говорит мне он, — мужик башковитый, а вот вопросы задаешь, извини меня, наивные... Есть вещи, которые спрашивают только с себя, мил человек».

Так и просидел Круглов у окна, за долгие часы сидения не решив — стрелять или не стрелять. А чуть застыл хмурый снегопадный рассвет, встал и вышел из избы. С ружьем. Фея осторожно потрусila за ним, пробежала немнога в одну сторону, в другую. Потом уставилась в еловый мыс, нацеленный из тайги избушке на расстоянии сотни метров, опять натопоршила щерсть по хребту, заворчала и тут же зяянула. Бросилась было туда, но тут же и остановилась, вопросительно оглядываясь на хозяина. Круглов, уже мало мучаясь проблемой, снял предохранитель двустволки и решительно пошел к елям.

...Огромная лежка под одной из них протаяла до земли. Крепко пахло тигром. Снежинки ложились в свежайшие следы громадной кошки и таяли там. Осмотрел Круглов их и решил: да, тот и есть, о котором рассказывал Петр Васильевич. Пятка не менее тринадцати сантиметров, на задней лапе нет среднего пальца. Подумал еще раз: почему бы этому старцу дверь и моей

избы однажды не подпереть своей, хотя и немощной, но все же тяжелой тушей?

Он не пошел по следу явно составившегося и одряхлевшего, однако по-прежнему опасного зверя. Даже, быть может, страшнее тех, что в силе и категорически избегают человеческих глаз. Стал осматривать вчерашние иочные следы, еще заметные под выпавшим снегом. Полосатый дед, оказалось, рылся в помойке, несильно раз обшол избушку, долго стоял перед ее дверью, растопив лапами сильно умятый здесь прежде снег, пытался добираться до продуктов на лабазе, да не дотянулся.

Оглядываясь, Круглов не увидел собаки. Позвал — лишь высунулась из-под крыльца и снова там спряталась. И этому ее непослушанию было лишь одно объяснение: тигр близко.

Да, был он где-то рядом. И окрепло, наконец, в Круглове решение: иногда нельзя не преступить черту закона. Как сейчас. Обстоятельства так сложились. Самосуд неизбежен. Или я его, или он... Пусть не меня — Фею. Но ведь нет никакого гарантia, что и меня с собакой...

Он натаскал в избу побольше дров, с ведрами пошел к проруби за водой, а спустившись с кругого берега, увидел следы только что вдоль него прокравшегося тигра. Круглов не ринулся назад, он начал прорубать в лунке лед топором левой рукой, держа изготовленное к немедленному выстрелу ружье в правой. В крепкие свои руки он верил: на спор из своего «ижака» одной рукой утку валил с лету. А к решимости стрелять теперь пристыло и озлобление.

Вскипятил чай и позавтракал. Поставил на ступеньку крыльца миску с едой, но собака ее лишь понюхала, извинительно вильнула со вчерашнего вечера распущенными кольцом хвоста и уползла в конуру. Не стал сердиться на нее хозяин, потому что хорошо знал: тигр оказывает магическое действие не только на человека.

Оделся Круглов потеплее — в валенки и тулууп, незаметно залез на чердак с тыльной стороны избы, замаскировался и затаился, изготовив ружье к немедленному выстрелу. Неторопливо падал снег. В беззыянной тишине было слышно, как шуршат снежинки, сталкиваясь друг с другом, ломая при этом иголочки и укладываясь на земной предел.. Как слабо постанывают под тяжестью их ветки кустов и еловые лапы... Как над далекими горными шапками пошаливает, разминаясь на вольных просторах, ветер-верховик.

Не теряя бдительности, Круглов вспоминал рассказы стариков о том, какая прорва уссурийского тигра была на грани столетий и даже в начале теперешнего, как в ожесточенной войне с ним победный клич издали-таки охотники, как осталась уссурийская тайга почти без своих извечных владык-диктаторов... И уже по своей памяти

прояснял, как быстро множилось число тигров после войны, как понимающие принимали запрет охоты на них и привыкли к людям, а с годами многие и наглели, пренебрегая законом своих прародителей: отныне человек не должен быть добычей, даже если ты потерял силу и способность охотиться положенным тебе, тигру, манером...

Но через два часа напряженного бдения, когда не стало сил противиться смыканию глаз, Круглов покинул засаду, вернулся в избу и улегся на нары, раздумывая в клубах сигаретного дыма. Теперь лежал он с вызревшим решением разделаться с хищником самому, не теряя дорогого промыслового времени из оставшегося месяца до закрытия охотсезона на выход из тайги для получения официального разрешения. «Пусть преступлю, — рассуждал он. — Но разве я не докажу потом, что хищник был очень опасным потому, что сам преступил черту своего закона?.. Возможно ведь, что созрел в нем людоед. Задавил же и наполовину сократил бульдозериста в Лазовском районе... Сколько таких вот, да и куда постращнее, людоедов, вгоняющих в страх целые народы в южных странах. И сколько же их было еще в годы моих дедов здесь... Не поймут или просто не примут мои объяснения власти — пусть слуят определенную законом за самовольный отстрел «краснокнижника» тысячу... Но формальность закона преступлю».

И когда решение было рассудком принято, а совестью одобрено, он позвал собаку в избу и крепко заснул.

Спал Круглов долго. Уже к вечеру, выйдя за порог, он оглядывал серое небо и белый лес, обдумывая варианты и возможности «разделаться с хищником». Было тихо, все так же лениво опускался снег, и чуть потрескивали согнутые его пластами ветки. Вышедшая за хозяином собака сбегала к помойке по естественным надобностям, вернулась и уселилась у хозяйствских ног, тоже изучая обстановку и «варианты» по собачьему разумению...

На мысочке с ели пурпурой полетела кухта, потом там недовольно зауркала белка. Жадна была до них и азартна лайка, но тут лишь несколько раз приглушенно взбрехнула, закрутив в полукоцко хвост, как бы нехотя пробежала десяток метров и остановилась, то на ель с белкой глядя, то обворачиваясь к человеку, вроде бы спрашивая, как поступить лучше. И только Круглов подумал, что на черта теперь эта пушнина, как Фея быстро отступила к своему мудрому другу-повелителю. Твердо знала она, что тот, сильно уступая ей в чутче, гораздо превосходит в способности оценивать обстановку.

Круглов усвоил с детства: в ненастье белки спят, а ур��ают и цокают на недруга. И теперь понял: проснулась, увидела тигра и рассерчала цокотунья. Понял и снова пошел к мысу... И опять его обдало густым кошачьим духом. Только теперь он увидел здесь не толь-

ко прежнюю лежку под елью, но и глубокие ямы в снегу, и веером отходящие от них длинные прямые вмятины — тигр, сидя, мял снег хвостом, нервничал. Злился, должно быть, на человека, дерзко ему воспротивившегося, потому что за долгую, по тигриным меркам, жизнь множество раз убеждался, как неодолимо велик пред ним страх человека, даже если его природой отпущенную силенку стократно увеличивает оружие.

Но почему же злился?.. Опустившись на глубже всех протаявшую лежку, ту, что была ближе других к избушке, Круглов посмотрел в сторону избы и сквозь ветку ветвей и комьев снега разглядел и ее, и чердак под крышей и понял: «старик» наблюдал за ним, лежавшим в засаде, оставаясь незамеченным. И конечно же, прекрасно понимал, почему неподвижен охотник в укрытии, что соотношение сил и возможностей не в его пользу.

И на этот раз Круглов не пошел по горячим тигриным следам, потому что тоже понимал: преследование тигра по только что заснеженному ельнику чревато большими неприятностями. Он хорошо знал коварство этого зверя, его поразительную способность затаиваться, стремительность и силу атакующего броска.

Он вернулся в избушку и занялся скопившимися за дни ненастья делами, обдумывая при этом способы подкараулить недруга, чтобы расквитаться с ним. Ни крепких тросов для петель у него не водилось, ни медвежьих капканов. Поэтому самым надежным казалось сделать засаду на своем следу, уйдя на путь с собакой, до которой так охотни тигры. Трех кругловских собак задавили и сожрали тигры в прежние годы, да так ловили их, что те и взвизгнуть не успевали. Что стоит ловкому быстрому хищнику подобраться к лайке, увлекшейся облавлением, например, белки?

Ночью Круглов спал более или менее спокойно, с вечера решив: силой вражине в его избе не ворваться, в окошко тоже не проникнуться. Коли уляжется под дверью — будет стрелять сквозь нее, а подойдет к окошку — влупит через стекло. Накоротко силы дуплета жаканами окажется вполне достаточно и для такого громилы... Пусть бы так и произошло: проще будет доказывать неизбежность выстрелов по охраняющему государство зверю, когда тот преступит закон таежного сосуществования в условиях обоюдовременного вооруженного нейтралитета.

Лишь в самую ночную глушь он прервал свой сон на час: Фея осторожно торкнула его носом в глаз и шмакнула языком по щеке, тут же отошла к двери и там приглушенно зарычала. Не зажигая лампу, Круглов на цыпочках с ружьем в руках подошел к собаке и поторкал дверь — открывалась свободно. Выглянул, прислушался, пригляделся — мир вокруг избушки был глухим, белым и сумрачным. А сучка... прикусила его штанину и много-

значительно потянула назад: не выходи.

И он не вышел. Сидел у окна и курил, во зле выжимая крепко стиснутой рукой ружейное масло из шейки приклада, не моргая в лицо тигру: «Ну подойди же, подойди, старичье!» Но тот не принял вызова.

Утро встретило Круглова разорванной синью полураспахнутого неба и послеснежной свежестью. Нутром чувствуя на себе настороженный тигровый взгляд, он как можно спокойнее снарядился в путь, намеренно не интересуясь осмотром снега вокруг избушки и еловым мысом. И пошел обновлять лыжню по самому «светлому» своему норочече-колоночечному путику берегом ключа, напрочь обезлесенногого лесорубами несколько лет назад. А Фея «чистила ему шпоры», чаще оглядываясь назад, чем обследуя, как было всегда, то, что впереди. Видя это, промысловик взял на себя фронтально наплывающее, оставил собаке тыл и фланги. У ловушек задерживался ровно настолько, чтобы обновить приманку. Знал ведь, что «старик» очень голоден и жадно сожрет любую из них. Даже кусок норочьей тушки. Но эти потери стоили того, чтобы притупить бдительность вора.

Он воскресил в памяти отвесную скалу с пологим склоном в тыльную сторону, что прижимается к путику на расстоянии уверенного выстрела. Там любил отдыхать Круглов, осматривая с высоты окрестности и дали. Оттуда

можно было и свести с тигром счеты, если вздумает идти по лыжне вслед человеку с собакой. Но не доходя до скалы двести метров, Круглов присел, прикинув, что время уже позднее, и решил засаду устроить на следующий день, потому что по наторенной тропе он дойдет сюда быстрее, да и одеться для терпеливого ожидания требовалось теплее.

Через километр обратного хода настороженно трусившая впереди Фея замерла, уткнув нос в снег. Потом оглянулась на хозяина, всем своим видом как бы говоря: подходи и гляди сам, если мне не доверяешь... Но Круглов еще издали увидел вмятины по лыжне и сверкающую искрами только что потревоженного снега наизвежайшую борозду следа тяжелого зверя к кромке леса, куда он свернул, скорее всего заметив возвращающихся в избу. Все шалаши до зимовья оказались разоренными.

Ночью Круглов думал: «Если тигр не вернется сюда, можно будет, пожалуй, успокоиться. Бог даст, оклеет зверина где-то и без него, и не ляжет тогда на душу грех самовольной расправы...» Но опять застучала по полу собака и снова заволновалась. Он увидел в окно, как около помойки проплыла большая тень, и услышал, как зазвякали консервные банки... На рассвете же ахнул: весь снег был густо истоптан тигриными следами, а к еловому мысу темнела торная тропа. Как же зверь был голоден, если грыз трухлявый, пень, пропитанный помоями?

ми!. Но кого винить в том, что дожил царь зверей до немощи?

День был ясен, морозен и тих. Уже в одиннадцать Круглов лежал в засаде, устроенной на плоской макушке скалы, в воронье лапнике между каменных глыб. Лежал, уткнувшись в полушубок, рядом с Феей, вместе с ним осторожно наблюдавшей за четкой лентой лыжни, из-под отвеса скалы тянувшейся к их дому.

Прошел час ожидания, другой. Выбравшееся на свой дневной предел солнце стало чуточку пригревать. И Круглов незаметно задремал, потом уснул крепче, оставаясь в уверенности, что в нужное время собака разбудит. И она разбудила. Вернее, он сам почувствовал ее внезапно обострившееся до нервной дрожки напряжение. Перехватив ее взгляд, Круглов увидел тигра для собачьего бдения непростительно близко — всего в сотне метров. Но приглядевшись к нему, простили собаку: четырехоногий «старик» шел совершенно неслышно, а остановившись, как бы растворялся в редких стеблях пожухлой травы и кустарников.

Зверь подошел к недавно настороженной ловушке, запустил в ее проход лапу, ловко выгреб капкан и подвешенный за ним кусок рыбчика. Капкан звонко щелкнул, но грабитель не обратил на это никакого внимания, очевидно, привык к этому звуку. Проглотив приманку, он постоял, глядя на уходящую вперед лыжню, и побрел по ней не то лениво, не то осторожно или устало. Побрел, мягко печатая узор лап по глади лыжни.

Круглов взял тигра на мушку, когда тот подошел на полсотни метров. Мельком пожалел, что не карабин в его руках, из которого можно выстрелить, послав пулю точно по желанию: в лоб, грудь или под лопатку. Он все четче видел лоб зверя, грудь, лопатку, а через минуту стал различать и более мелкое... Да, как и говорил Петр Васильевич, тигр был очень стар: большой, худющий, в лохмах тусклой шерсти. Но заметил еще Круглов облезлый на треть длины густо синий конец хвоста и буризну незаживших ран на шее и плечах, видел, как зверь приседал на заднюю лапу и старчески подергивал головой.

На траверзе скалы, когда Круглов уже потянул спусковую скобу, тигр вздрогнул и неожиданно в проворном прыжке обернулся, явно почувствовав опасность. Но было поздно: посадив мушку на его лоб, промысловик выстрелил слитным дуплетом. Зверь завалился на спину в снег, месил воздух лапами и бил хвостом. Его грудь была обращена к скале, в нее хотелось для надежности послать еще один дуплет, но Круглов не стал стрелять, потому что тигр уронил лапы, потянулся, вздрогнул и застыл. И все же прежде чем спуститься со скалы, а стало быть потерять стреляного зверя из виду почти на пять минут, охотник еще долго взглядывался в него, держа ружье изго-

товленным к немедленному выстрелу, потому что знал несколько достоверных случаев, когда по всем признакам вроде бы издохший тигр вдруг ожидал... Но этот был явно мертв.

И только потом, поднявшись на ноги, Круглов обратил внимание на Фею: она вроде бы окаменела, о жизни говорили лишь частое дыхание, вздрагивающий нос и блеск глаз.

Собака шла за ним все так же погруко, шла по-прежнему сзади, пока спускались со скалы и огибли ее, выходя к обрыву. Даже поотсталая. А когда показалась лежавшая в снегу неподвижная туша и Круглов спокойно подошел к ней напрямик, присела. Но, убедившись в смерти заклятого врага, она взахлеб залаяла, завизжала, началаноситься около любимого хозяина, а потом и вокруг поверженного врага. Даже восторженно взвыла, что случалось с нею очень редко. И все норовила вскинуться на грудь и лизнуть в лицо самого дорогого, все понимающего и умеющего существа.

Круглов долго осматривал тигра. Его выцветшие желтые глаза глядели в небо, и не было в них ничего, кроме усталости и безразличия ко всему. Они словно говорили: пожил — и будет, всему свое время, рано или поздно это должно было случиться... я пожил властъ и долго, а царственным силача не должно видеть в дряхлости.

Круглов набросал на мертвого «старика» гору снега. Шел третий час. Хотелось есть, пить, послушать песни по «Маяку», расслабиться на нарах, сказав при этом привычное «блаженныи миг». Но он просидел у той горы на рюкзаке с теплой одеждой еще не менее получаса, решая мучительную проблему: по праву ли преступил черту закона? И что же это такое — преступить, когда не преступить невозможно? Самосуд, когда не до судей? А если безнравственно это, то в какой мере?

Но глубоко вникнуть в проблему ему никак не давала Фея, которую все не покидал бурный восторг, желание жить и работать, как и в прежние годы, и даже старательнее.

Она успела дотошно обследовать и погони, противостоящие скале склонны, облавя там белку, и берега ключа, где загнала норку и отчаянно звала хозяина... И все километры к избушке носилась собака, искала, поднимала разного зверя, служа другу своему единственному так усердно, как, пожалуй, никогда прежде. И не испытывала она ни малейшего желания войти в хозяйствское жилье, привычно предпочитая ему собственный, приятно прохладный закуток под избытым крыльцом.

Не люблю выдумывать рассказы и всегда предпочитаю были вымыслу. И сейчас я изменил лишь фамилию действующего лица, его профессию да кличку собаки. А знаю героя давно: это честный, во всем мне симпатичный человек, каждое слово которого заслуживает полнейшего доверия.

**Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть.**

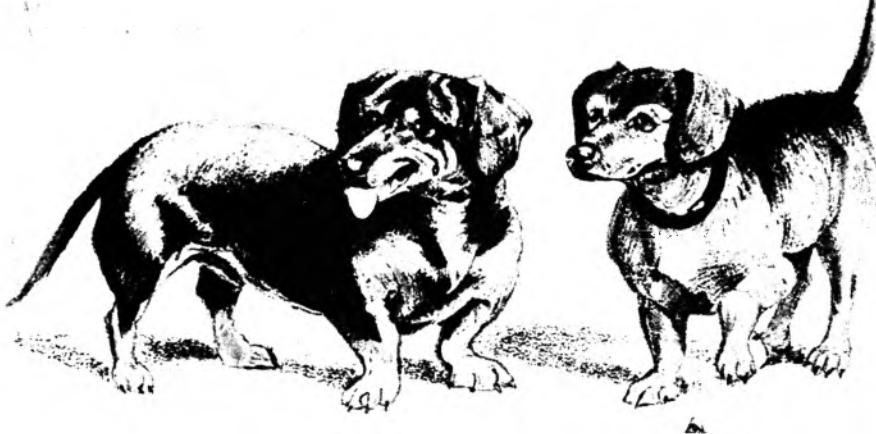
Многое, очень многое могут рассказать словари. Например, воссоздают основные периоды истории в нашей стране одной из интереснейших пород норных собак — таксы. «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля в первом своем издании — I том вышел в 1861 году — характеризует таксу. По этой характеристике можно сделать ряд интересных выводов.

Во-первых, такса уже имеет славянское название «барсучка», и описание собаки с таким названием помещено в словарной статье «Барсук»: «Барсучка, барсучья собака, дакс, таксик, стрелецкая, походит на мордашку, маленькая, косолапая, головастая, зубастая; она выгоняет барсука и лису из норы, влезая в нее».

Во-вторых, чтобы какое-либо понятие, в данном случае — порода собак, было включено в словарь и зафиксировано в нем, оно должно было быть хорошо известно в стране в течение достаточно продолжительного времени. Кроме того, чтобы порода, выведенная в Германии и имеющая немецкое название «даксхунд», приобрела наименование русское, славянского происхождения, также должно пройти определенное и довольно немалое время. Правда, словарь дает и дословный перевод, «кальку», немецкого названия породы — барсучья собака. Но слово «барсучка» образовано по всем правилам русского словообразования. А когда в языке происходит подобное явление, речь уже может идти об ассимиляции — «приживании», «укоренении» в стране этого понятия. Поэтому появление русского названия породы «барсучка» говорит о том, что собаки эти были не только достаточно хорошо известны в России к середине XIX века, но и распространение их было не таким уж узким. Подтверждение тому находим во «Всеобщем и полном домоводстве» в 12 частях Василия Алексеевича Левшина: «...и от родину гончих же надлежит считать дахсов, или барсучьих собак, известных в России под названием стрелецких собак». Стрелецкая, стрелецкая... «Стрелец — стрелок», — поясняет И. И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка» (т. III, СПб., 1903). А Даляретакую иллюстрацию к использованию этого слова: «Все они были стрельцы, охотники, любили простор да чистое поле... забавлялись охотой».

Словарь современного русского языка в 17 томах, или Большой академический (М.—Л., 1963), к прилагательному «стрелецкая» добавляет «устаревшее». Такие слова называют архаизмами. Именно они позволяют подчас максимально точно дать характеристику, установить сферу применения

Рисунок Б. Игнатьева

„ГОЛОВАСТАЯ, ЗУБАСТАЯ, СТРЕЛЕЦКАЯ...“

ния, происхождение того или иного понятия. От старорусского слова «борзый» (быстрый) произошло название породы собак — борзая. Стрелецкая же собака (как некогда именовалась на Руси такса) означает: подружейная собака, использующаяся исключительно как охотничья, а способ охоты с ней достаточно наглядно описывает В. И. Даля в своем словаре.

К 80-м годам прошлого столетия русские названия породы из обихода постепенно исчезают: «стрелецкая собака» вовсе уходит из словарных статей, а «барсучка» сначала отходит на второй план, а затем перестает использоваться в языке, уступая место названию породы — «такса». Дакс, даксхунд, даксель, такса — все слова одного происхождения, от латинского «таксус» — барсук. Такса — русская модификация этого слова. Живой язык народов очень практичен, он стремится к вовлечению в обиход слов, более коротких и удобных для произношения. Особенно если есть для того выбор — использовать название из двух слов «стрелецкая собака», трехсложное название «барсучка» или краткое, легко произносимое «такса».

Второе издание словаря В. И. Даля (1880—1882) в статье «Такса» дает уже такое определение породы: «такса (женск. род), такс (мужск. род), такси, маленькая, косолапая порода собак, выживающая лису и барсука из норы; барсучка». По этим словарным описаниям можно сделать и некоторые заключения о том, как же выглядела такса на протяжении своего существования в России (да и не только в России, так как в разведении такс в нашей стране немалую роль играла выписка собак из-за границы) и какие изменения претерпел ее внешний вид за это

время. В первом описании очень характерны и показательны определения: «походит на мордашку», «головастая». Мордашками тогда называли собак с укороченной мордой типа мопсов или бульдогов. Кроме того, они были очень крепко сбиты ми, коренастыми собаками. В. И. Даляр дает такое определение «мордашки»: «Собака особой породы, малорослая, головастая и толсторылая, которая закусывает, что схватит, и висит пиявкой». Видимо, таксы того времени имели грубую лобастую короткую голову с мощными челюстями — «зубастая». Во втором издании словаря Даля эти определения уже отсутствуют. С породой велась работа по ее усовершенствованию, что, естественно, сказалось на облике собак. А это, в свою очередь, привело к изменениям в определении внешних данных такс в Словаре: сама жизнь внесла необходимые уточнения.

Чтобы вести с породой определенную работу, должно быть достаточное количество ее представителей. Конечно, таксы никогда не были в России столь многочисленны, как гончие, русские псовые борзые или легавые. Но они имели своих любителей, разводились. Все это дает повод говорить, что у такс прослеживается в России своя история.

Владимир Иванович Даляр назвал полувековой труд своей жизни «Толковый Словарь живого великорусского языка». Живого языка, подвижного, отражающего, как в зеркале, все новые явления в жизни народа. Описания таксы, данные в словаре Даля, характеризуют ее как собаку рабочую, со своим специализированным применением — ради охоты ее завозили из-за границы и разводили в России.

Но... проходит немногим более полу-

века, и в истории таксы наступает иной период. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (т. IV, 1940) дает следующую характеристику таксы: «Такса — небольшая, гладкошерстная, кривоногая собака, обычно комнатная или охотничья (преимущественно на лису)». Словарь иностранных слов (М., 1954) вторит: «Такса — небольшая, гладкошерстная, коротконогая собака, обычно комнатная; таксы иногда используются для охоты на мелких зверей, живущих в норах». Какая разница между определением таксы в словаре В. И. Даля и этими трактовками предназначения породы! Если в XIX столе-

тии такса расценивалась как собака охотничья, «стрелецкая», то к 40-м годам нашего века она уже, увы, во многих случаях содержитя «обычно» как комнатная собака, которую лишь «иногда» используют как охотничью.

За годы первой мировой войны и последовавших за ней гражданской войны и интервенции поголовье породистых охотничьих собак, находившееся в основном в руках зажиточного населения, сохранилось в очень небольшом количестве. В 20—30-е годы такс было немного, и кинологическую работу с ними приходилось налаживать заново. Энтузиасты породы сосредоточивались в основном в крупных городах, традиционно имевших поголовье этих собак с дореволюционного времени — Ленинграде, Риге, Москве. Широкая масса охотников была мало знакома с этой породой как с норной, а на выставочных рингах оценивалась в основном экстерерь собак. Рабочим их качествам в тот период уделялось мало внимания. Отсюда — и характеристики словарей, отражающие реалии жизни во всех ее сферах. Длинношерстная и жесткошерстная разновидности такс были в то же время диковиной в нашей стране, и словари не отступают от действительности: они фиксируют лишь гладкошерстную собаку.

Рост численности такс следует отнести к 40-м годам. В конце 40-х — начале 50-х годов энтузиасты и любители породы начинают восстановительную работу, которая развернулась весьма широко.

Словари 60-х годов тоже несколько изменили свое «отношение» к таксе. В словарных статьях больше не указывается «комнатное», «декоративное» предназначение такс, но и о специфи-

Владимир Яковлевич Зазубрин

ческом охотничьем применении тоже пока умалчивается. Словари отразили как бы переходный период в истории породы. «Такса — небольшая гладкошерстная собака с кривыми ногами, коротким и длинным туловищем» (Словарь русского языка в 4-х томах, т. 4, М., 1961). «Такса — небольшая гладкошерстная охотничья или комнатная собака с кривыми ногами и длинным туловищем» (Словарь современного русского литературного языка в 17 томах, т. 15, М., 1963). В последнем определении «охотничья» вынесено уже на первое место. Но все еще продолжают фигурировать только гладкошерстные таксы, две остальные разновидности были представлены в то время пока единичными собаками.

Энтузиазм любителей породы не угасал, давая все более ощущимые результаты. Не только значительно возросло количество такс, ведется активная пропаганда породы, ею всерьез начинают интересоваться охотники. Такса вновь становится в ряды охотничьих собак, занимает среди норных пород свое достойное место, удаляясь на своих коротких ножках все дальше от крупных центров по разведению породы. Возникают новые кинологические центры, все большее количество охотников становится завзятыми «таксятниками», оценив по достоинству рабочие качества собак. В этот период создается хорошая основа для дальнейшего совершенствования породы. И словари уже тут как тут — готовы отразить все эти жизненные реальности. Перерабатываются и дополняются словарные издания. В Словаре иностранных слов (М., 1979) читаем: «Такса — таксы — группа пород охотничьих собак (гладкошерстные, длинношерстные и жесткошерстные), разной масти, обладающих гибким удлиненным телом, хорошо приспособленными для охоты на зверей в норах». Советский энциклопедический словарь (М., 1983): «Таксы — группа пород охотничьих собак. Используются для охоты в норах на барсуков, лисиц и енотовидных собак. Выведены в Германии в XVIII веке». Различают гладкошерстных, длинношерстных и жесткошерстных такс». Что ж, комментарии, как говорится, излишины. Словари, изданные за последнее десятилетие, представляют нам охотничую норную собаку, прекрасно приспособленную в силу своего специфического строения для работы в норах.

Короткие словарные статьи, но они сумели рассказать нам историю породы «такса» в нашей стране.

«На всех словах — события печать.
Они дались недаром человеку» —

вспомнил словари Самуил Яковлевич Маршак.

М. МУРОМЦЕВА,
эксперт республиканской категории

* Начало разведения породы следует отнести к XVI веку (автор).

Судьба автора первого советского романа «Два мира» В. Я. Зазубрина была яркой и трагичной. Вознесененный успехом своей книги на самый гребень славы талантливый писатель оказался в первых рядах молодых советских литераторов. Зазубрина обласкал и приблизил к себе М. Горький, но после смерти всемогущего покровителя дни «сибирского самородка» были сочтены...

Владимир Зубцов (настоящая фамилия Зазубрина) родился 25 мая 1895 года в Пензе в семье железнодорожного служащего, впоследствии за участие в революции 1905 года высланного в Сызрань. Здесь будущий писатель поступил в реальное училище, неплохо учился, в старших классах вместе с приятелем выпускавшим рукописный журнал «Отголоски». Как и многих сверстников, юношу увлекла романтика революционной борьбы. За издание и распространение листовок он был изгнан из училища, а в 1916 году угодил в тюрьму, где и написал первый рассказ.

Последующая хронология жизни Зубцова поистине драматична. Словно шоховский Григорий Мелехов он оказывался то в стане красных, то в лагере белогвардейцев. По заданию большевиков служил в царской охранке, работал в газете «Пролетарий», был курсантом Петроградского Павловского юнкерского училища, а после октября 1917 года — секретарем комиссара Госбанка Республики.

В феврале 1918 года В. Зубцов вернулся в Сызрань, но в дни чехословакского мятежа его мобилизовали и отправили в Оренбургское военное училище, позже эвакуированное в Иркутск. Окончив училище и выслушав напутствие самого Колчака, он стал белым офицером. Пройдет немного времени, и командир учебной части подпоручик Зубцов вместе с двумя своими взводами и офицерами, прорвав сторожевое охранение и прихватив орудие, присоединится к красным партизанам.

В конце 1919 года В. Зазубрин тяжело заболел и, оказавшись в тифозном бараке, начал писать роман «Два мира», используя личные наблюдения и рассказы красноармейцев и партизан. Отдельные главы романа появились в газете «Красный стрелок», в 1921 году книга была напечатана в походной типографии пятой Армии. Так родился писатель Владимир Зазубрин. Вместо гонорара автору выдали армейскую премию — пять миллионов рублей,

на которую тут же были куплены три вагона дров.

Роман «Два мира» получил высокую оценку А. В. Луначарского, был отмечен М. Горьким и на долгие годы стал предметом неутихающих литературных споров. Только при жизни автора книга издавалась более десяти раз. Она была правдивым, неприкрашенным отражением эпохи, смешавшей и искалечившей судьбы миллионов людей, «по живому разрезавшей общество надвое». «Очень страшной, жуткой... книгой...» назвал роман Ленин. Впрочем, и обвинения поздних критиков в «пристрастии автора к нагнетанию страха» были преувеличены: гражданская война изобиловала и более страшными сюжетами. И роман «Два мира» навсегда остался талантливым свидетельством очевидца, таким же, как произведения И. Бабеля, А. Платонова, Б. Пильняка.

В 1923 году Владимир Зазубрин становится председателем и секретарем (фактически редактором) знаменитого в 20-е годы журнала «Сибирские огни», принимает активное участие в создании Сибирского союза писателей.

Редакторская и общественная деятельность отнимала массу времени, но В. Зазубрин в эти годы продолжал писать и печатать рассказы, очерки, критические статьи и рецензии, работал над романом «Шелк». Несколько охотничьих рассказов писателя появились в журнале «Охотник и пушник Сибири», в альманахе «Охотниче сердце» (М., 1927).

Политическая обстановка в стране менялась. В печати промелькли разночтенные рецензии и статьи о журнале «Сибирские огни» и произведениях Зазубрина. Писатель обвинялся в «достоевщине», а роман «Два мира» сравнивался с «театром ужасов». В 1928 году последовало постановление Сибиркрайкома ВКП(б) об «идейных срывах руководства журнала «Сибирские огни», и В. Зазубрин был осво-

Оплеванный и униженный писатель отправляется в Москву, где находит покровительство М. Горького и становится редактором литотдела журнала «Колхозник». Горький принимал деятельное участие в литературной работе Зазубрина, использовал свой авторитет при издании романа «Горы», задуманного как трилогия (вышла только первая книга в 1934 году). Роман посвящен сложному и противоречивому периоду колLECTIVизации. Главный герой коммунист Безуглый отправляется в алтайские селения на хлебозаготовки, в те места, где воевал в гражданскую войну. Многое страниц посвящено алтайской природе, сценам охоты. Язык некоторых глав скрупульчен. Отдавая дань еще позволявшемуся в те годы экспериментаторству, писатель пытается выработать новый, особый стиль, вернувшись к словам их изначальный смысл, «освободить и очистить повествование от словесной шелухи».

Досталось В. Я. Зазубрину от критиков за свое новаторство и правдивость в изображении колLECTIVизации по первое число, не помогло и заступничество М. Горького.

А в 1938 году писатель был репрессирован, припомнили ему и «романтическую» биографию и идеиные, вместе с литературными, «кывихи»...

Каким человеком был Владимир Зазубрин? Его сестра Н. Я. Каботова в своих воспоминаниях пишет, что «братья в детстве много читал, но и показанчивал много». Не помнит сестра, чтобы Владимир курил и пил. Был он высок и красив.

По характеру нервный и вспыльчивый, В. Зазубрин ревниво оберегал от посторонних душу, болезненно воспринимал критику своего литературного труда. А ему частенько попадало от критиков за чрезмерно натуралистические сцены и модный в двадцатых годах биологизм.

У писателя были близкие отношения с сибирской «литературной гвардией» (Вяч. Шишков, Л. Сейфуллина, Иса Гольдберг, В. Итин и др.), позже в Москве и Ленинграде он познакомился с Анной Ахматовой, Артемом Веселым, Борисом Пильняком. Часто встречался со многими известными писателями.

В обыденной жизни Владимир Зазубрин оставался всегда по-спартански неприхотливым и скромным. Для незнакомых людей он был хмурым, замкнутым и холодным человеком. Лишь охотничья страсть делала его веселым и общительным. На охоте он забывал обо всем на свете, не в меру горячился, с завистью следил за охотничими успехами приятелей-охотников А. Новикова-Прибоя, В. Правдухина, И. Соколова-Микитова. Свои воспоминания о Зазубрине-охотнике оставили писатели Ефим Пермитин, Ник. Смирнов и Валерян Правдухин.

М. БУЛГАКОВ

Вологодская областная универсальная научная библиотека

НА ГУСИНОМ ЗАЙМИЩЕ

Валерян ПРАВДУХИН

Простишишь шесть месяцев в комнате, у печки, за столом, проваляешься на кровати, и незаметно душа очерствеет, отвыкнет от природы. Перестаешь думать о травах, о зверях, о птицах. Успокоишься и считаешь, что так оно и надо: жить тебе в тупиках комнат, под городскими немыми звуками, с пустынными чувствами, без запахов полей, без звериного напряжения, без простых больших волнений. И уже нет желания выбраться на холдиновый простор полей, бродить опушками... Чужаком становишься природе и миру!

Так было со мной в этот год. Всю зиму я не был на охоте. Нельзя же считать охотой выезд из Ленинграда за зайчишками, два-три выстрела поnim на загоне. Прожил я полгода в красивом мертвом закутке, пришла весна, по привычке решил уехать куда-нибудь подальше — на Алтай, а наступила минута отъезда, — зашевелились во мне мятые страхи, пухлая немая лень, зябкая привычка: «И куда тебя, парень, несет, сидел бы в покое? Тепло, светло, уютно, нетревожно...»

Отложил отъезд. Потом озлился и, наказывая в себе подлого лентяя, собрался минутой и выехал в Новосибирск. Там узнаю: поезда до Семипалатинска не ходят, в Барнаульском округе невиданные разливы, надо сидеть неделю, а то и больше, в столице Сибири. Зазубрин, мой компаньон по путине на Алтай, зверски ругает судьбу, плюет в сторону начальства, задержавшего его отпуск, я ему поддакиваю, а втайне у меня опять где-то радость шевелится: похожу по друзьям, в клубе в шахматы, в пинг-понг поиграю, о литературе поспорю.

Отдохну.

— А от чего отдыхать?

Пошел ввечеру в городской сад, — ждали там в клубе московского мастера Дуза, — увидел я под забором земляную плешину, на ней старую траву, пытавшуюся по весне снова ожить, заселенеть. Эта плешина, а над ней холдиновое голубое небо, свежие весенние запахи так потрясли меня, что я готов был тут же лечь на землю, прижаться к ней, слушая ее дыханье. И когда ночью прибежал к Зазубрину Ефим Пермитин — Ефимий, как зовут его друзья, жадный и вдохновенный охотник, — и стал сманивать нас за Колывань на Тойские болота, я понял,

что отказаться у меня нет сил, хотя я не верил в гусиную охоту. Рок какой-то тяготел надо мной: всякую птицу бью удачно, а на гусей хоть не выезжай — даже стрелять не приходится, случайно убил двух-трех за всю жизнь, весной — никогда ни одного.

Противны вдруг стали мне в ту минуту мертвые деревяшки на шахматной доске, торчавшие между мной и добрым Павлом Ивановичем Комаровым. Не доиграл я партии, а начал совсем не плохо и уже подумывал о выигрыше пешки у сибирского чемпиона. Ушел на двор.

Небо над городом большое, темное. Звезды светят ярко, и так далеко до них, что жутко, а они родней и теплей комнаты и книг, и разговоров об искусстве. Какое тут, к черту, искусство, когда гуси гогочут на заре, березка отпочковываться начинает, кроншнеп застонал, полянки обнажились...

Ушел поскорее заряжать патроны и целую ночь сидел над ними, набивая их со страшной аккуратностью, с верой в каждый из них. Нуль и два нуля пересыпал картофельной мукой, подсушив ее на сковороде.

Утром рано на лодку — и вниз по Оби до Колывани. Полями еще не было доступа.

Река огромная, разлилась на многие километры в ширину, лед идет густо, того и гляди — затрет лодку. Страшновато, но весело. Мир-то какой большой! Сколько в нем свету, голубых радостных красок. И никаких забот, кроме как пробраться до Колывани, не попасть в затор. Сразу растеряли мы комнатные слова, ржем, как жеребцы, выгнанные первой весной на степь, гогочем, ревем по-звериному... На заворотах примолкли на минуту, озабоченно взглядываясь вперед, нет ли там ледяной горы поперек реки, но, когда перед нами распахивалась безгранична водяная воля, снова ревели вовсю, гоготали и ругались от любви друг к другу, к миру, ко всему, что видели наши глаза.

К вечеру все-таки наткнулись на затор. Против поселка Мочище лед стал поперек реки беспорядочной стеной, — до жути больно нам сделалось, все сразу осели, присмирили, замолчали. Думалось, рухнула мечта, не попасть нам теперь в Колывань, не пробраться на гусиное займище. Повернули обратно. Но Ефимий нашел лазейку в луга, в разливы. Среди талов и льдин повел нас вперед. А когда к вечеру, километров за семь увидали Колыванские

холмы, снова зарычали, как медведи, вылезшие из берлоги. Из талов селезни с жирным краянем начали подниматься, пара гусей прошла на страшной высоте. Блеснули колыванские церкви. Вспомнились Иван Грозный, Ермак Тимофеевич, Иван Кольцо, ездивший к царю с подношением покоренной Сибири. Как будто наше собственное детство, встала перед нами древняя российская жизнь. В самом деле, не мы ли сражались с Кучумом, не из наших ли пищалей грохнули в сибирских просторах первые выстрелы? От неумного восторга стали мы падать по селезням, и, конечно, без толку.

А тут еще наяву картина из детской хрестоматии: заяц на льдине. Вспомнили деда Мазая. Едем спасать живую душу! Лодочки бранятся, ему хочется сегодня же вернуться домой, но разве можно проехать мимо белого живого комочка, затерявшегося среди водных полей? Скоро ведь ночь. Подъехали к зайцу, а он скок — и в воду, — поплыл по волнам на верную смерть. Это было неожиданно. Ужас зверушки перед человеком, ужас больший, чем перед гибелью, это некорошо. Разрыв между людьми и зверями уже ничем не заполнить, и хотя и родня мы зверям, а земля нам вместе мать, но уже не сойтись человеку и зверю, как в сказке. Это заказано навсегда. Догнали мы зайца, втащил его Петрович за уши в лодку. Иззяб он, дрожит, зуб на зуб попасть не может, а так цапнул Ефимия за палец, что тот заборал благим матом, кровь струей брызнула...

Над Колыванью закат, огненные пятна-облака. По воде золотистые полосы, как боярская парча. Черные силуэты крестьян по талам с длинными шестами. Вылавливают из воды двугривенные — водяных крыс. А вот и Колывань, древний городок, церкви азиатского облика, словно перекинувшие мечети. Базарная площадь, огромные деревянные весы, радио над школой, большница среди деревьев, почта, вековая грязь, жуткая немота улиц — смесь векторов, народностей и стилей. Жалкие шапочки мужиков, босые ребятишки на снегу... Гаснущий холодный вечер, огоньки по избам. Скорее на лошадей, чтобы не видеть убогого, зябкого бытия.

2

Морозной ночью скачем по высокому полю на Тойские болота. Вверху белесая луна — деревенская широколицая девка — кутается в облака, как в белый каракуль. Гусиный гогот, лебеди, блеснувшие в лунном свете, веселые крикливы проводы отогревшегося зайца: «Сыпь, милай!», весенние запахи земли, воля полей, давно мною не виданная, сладкая дрема, вкусная музыка конского топота по волгой земле. Под утро забираемся в лес, плутаем, зябнем, браним Пермина, обещавшего сегодня зорю на займище. А он орет, не слушаясь:

— Не хнычьте, ребятки, гусей наляем, как дров!

Сердечное, страстное токование теревов, поиски дороги, баханье издалека по сизым косачам. «Для сугреву», — как говорит Петрович.

Полдень — тепло, жарко — выбираемся к займищу. По грязи, по лужам, по рыхлому, водянистому снегу, по воде ползем на островок, к голым березам. Первый караван гусей под солнцем. Хватаемся за ружья, бежим прямо по воде, зачерпывая за голенища, полнимы радостными надеждами, как колосья зернами.

Стан, палатка, костер, гогот, звериный рев, радостная брань, брызжащая любовью ко всем и ко всему. Ожидание вечера, когда гуси потянут с займища на поля и когда мы начнем их — «ломать, как дрова». И вдруг беда, налетевшая неожиданно, как воронье: облака, ветерок, дождь, спряталось небо, холодно, ветрено. Непогода.

— Не унывай, ребятишки, гусей утром навалит, как навозу.

Это кричит Пермитин, кутаясь в барсучью доху, предмет зависти Зазубрина, хуже всех переносящего холод в своих кожаных штанах. А гуси глухо погогатывают на займище. Сквозь сплошную мокрьду и темь смутными клочьями доносятся их крики, будто голоса заблудившихся друзей...

— Вались спать до солнца! — рычит из-под дохи Ефимий.

Никто не отзыается. Меня разъедает нетерпенье, и я, проклиная все на свете, завернувшись в плащ, выхожу из палатки.

Как неприветлив мир, закрытый серым мраком дождя и снега. Не повернуть ли обратно? Из упрямства все же плетусь по болоту. Сажусь под ближайшую березку, стоящую под ветром, наваливаю вокруг себя сушняку и с трудом раскуриваю папиросу. Десяток гусей серыми огрунневшими клочьями вырываются из тумана и пролетают над палаткой. В стороне, опять вне выстрела, с беспокойным гоготаньем проносится другой косяк. Гуси пошли с займища в поле. В палатке услыхали гусиные крики, вылезли все на момент и, как сурки, опять скрылись.

«У, дармоеды, лентяи!» — с искренней злобой думаю я о товарищах. И тут же слышу, как позади меня шлепает по грязи рослый Зазубрин, бранится. Гуси взбурдожали его горячую кровь. Прошелепал дальше меня метров на четыреста и улегся на островке, меж тонких берез. Мне стало легче, все же не я один мокну под дождем. Видно, как Зазубрин, рывками, со злобой ломает вокруг себя мокрые ветки, ладя скрадок. Ветер приутих, кругом мертвое, уныло. Одиночная черная ворона села рядом со мной на березу, каркнула и, увидев меня, шарахнулась с беспокойными криками в сторону. Дождь приутих, чуть-чуть побрызгивает мелкая изморозь, но стало еще

холоднее, солнце, по-видимому, уже скатилось за горизонт. Впереди смутно вырисовываются полосы камыши, проглянула синеватый бор за болотом. Курю неустанно, чтобы согреться.

«И чего я сижу, не пора ли в палатку? Понесло же меня за гусями, лежать теперь в тепле, уюте. Э, черт!»

Встаю, разминаю затекшие ноги. Зазубрин раздраженно кричит что-то в мою сторону. Оглядываю займище и вижу далеко черную ленту гусей, покачивающуюся над камышами. Летят прямо на нас. Но до них еще около километра. Плюхаюсь поскорее на землю, гашу папиросу. Плавно покачиваясь, мелодично погогатывая, острокрытые тяжелые птицы наплывают все ближе и ближе, обжигая слух и сладко тревожа зрение. Наскоро обтираю плащом стволы, проверяю предохранитель, пересматриваю патроны в стволах. Шестьсот метров, не больше, до гусей, через минуту, меньшее, они будут рядом со мной. А идут они низко, над самой землей. «Вот оно, счастье-то, плывет на меня. Выноси, крияя! Пермитин, Ефимий, не бесись в палатке! Не моли бога о моем промахе. Все равно не промажу. Эх, дуплетик бы! Парочку бы! Какое было бы счастье!»

А в стороне глохо — бух! Передергиваюсь от испуга и вижу, как около Владимира мечется гуси, как один пошел на откос вниз. «Есть один!» — мелькает, смешиваясь, радость, зависть, обида на судьбу. Мои гуси шарахнулись назад по займищу и потянули, огибая меня стороной... Сзади гогот: это пролетает зазубринская стая. Оборачиваюсь: пять гусей клубком уходят в вышину. Далеко! Но что тут делать? Выцеливаю ипускаю в них оба заряда. Еще выше взмывают гуси, озабоченно переговариваясь, и пропадают за лесом.

Зазубрин орет в это время благим матом. В чем дело? Он показывает руками в сторону займища и широким шагом идет ко мне, но без гуся.

— Убил? Где гусь-то?

— Убил черт, а не я.

Машет озлобленно руками. Лицо его в пятнах, глаза поблескивают возмущенно.

— Да где же гусь-то? Я сам видел, как он повалился.

— Повалился, да снова поднялся! Ты чего смотрел? Ведь он утянул обратно на займище, в двадцати шагах прошел от тебя, вот здесь...

— Не видел, ей-богу, не видел!

— Он опустился в камыши, пойдь искать.

Болото вполне проходимо, и Владимир, увязая в грязи по колена, тащится по камышам.

Мне досадно, что гусь ушел у нас из-под носа, и в то же время бесстыдная радость копошится во мне, как во-ришка:

«Ушел, это плохо, но ничего... Может, первого гуся мне суждено убить».

Возвращаться на стан еще не хочется. Слежу, как тяжело шагает по грязи

товарищ. Его рослая фигура теряется в сумерках, затем снова выплывает предо мной. Он обходит меня стороной, лениво переставляя ноги. Гуся нет.

Иду и я к палатке. Охотники с интересом и сочувствием слушают Зазубрина. Но знаю подлую человеческую натуру: втайне все рады, что гусь еще не убит. Каждый надеялся, что первая птица будет его добычей.

— Не плачь, Владимир, гусей обещаю, как грязи.

— А пошел ты к черту!

Наутро та же пакость: снег, дождь, ветер, холод. Как сурки, отлеживаемся в палатке. Анекдоты давно уже иссякли, начинаем помаленьку поругиваться между собой. Зазубрин вспомнил, что Пермитин обещал ему раздобыть барсучью доху и не достал. Басов бранит Петровича за рекомендацию сапожника: сапоги у него промокли еще в дороге... В полдень поутихло, пошли

в лес гонять косачей, но убить не довелось. Мелькнула рыжая мамочка-лиса у перелеска, выстрела не дождалась, мягко унесла свой пышный хвост. Вечер пришел, как пьяный гость, в обнимку с ветром, снегом. Даже я не пошел на займище. Ночью долго не могли заснуть, а утром проспали до семи часов. Встали и изумились: солнце, морозец, тишина.

— Вставай, ребята, гусь валит, как мошкова!

Ринулись на волю с ревом, дикими воплями. Гуси и в самом деле летели на болото. Мы с Зазубриным решили остаться у палатки, в первых наших складках. Басов с запасным валенком под мышкой,— левый сапог у него совсем продырявился,— Петрович и Пермитин с плащами в руках двинулись вдоль острова, обходя огромные лужи, продвигаясь осторожно по снегу, окрепшему за ночь. И у первого же леска на Ефимия налетела стая гусей.

Поднялись вверх два снопа дыма, свернулся и грохнулся наземь первый гусь. А через секунду долетели до нас и звуки выстрелов...

— О-го-го-го! — запрыгalo по воздуху веселое ржание удачливого Ефимия.

Я не выдержал и побежал с ружьем вслед за уходящими товарищами. Уселся на снегу среди берез, на линии, где убил первого гуся Пермитин, и стал ждать.

Отсюда болото все на виду: огромное камышовое поле на десятки километров во все стороны. По островкам белые березки, кругом вода, обгорелые пни. Завалы сушняка, словно старые кости в допотопной могиле. Полосы снега по березовым колкам и под бором на том берегу займища. Снег устало поблескивает, отливая синевой под солнцем. Желтые нескончаемые полосы камыша по болоту. Вдали бор, темносириевый, сизый. Под ним грязной полоской восковые осинки. Сижу на снежном бугорке. Солнце начинает припекать; снимаю меховую тужурку. Налево по займищу растекается дымком жидкий молока марево. Небо холодноватое, тусклоголубое, как глаза мертвого хищника. Мелькнула по воздуху быстрая горлица, начинает куриться черная кочковатая земля по гарям. На западе мутной дымкой прикрылось небо, и светлее, прозрачнее стала голубизна пролетов меж облаками.

Вдали выстрел, за ним еще. За лесом низом тянут гуси. Как хочется, чтобы они летели надо мною, но если уж мимо, то пусть навернут хотя бы на Петровича. Он тут, недалеко, за лесом. Дальше, за ним, Басов: я узнаю его легкие выстрелы из двадцатки. Ефимий, конечно, убрался дальше всех. Слежу за гусями. Вот они вскинулись вверх, забеспокоились... Два выстрела. Один гусь безвольно остановился в воздухе и пошел вниз. Петрович с добычей. А мне не талантит. Да я и не жду. Гуси меня не любят. Опять вздрагиваю от солидных звуков садочного ружья Петровича. Оглядываюсь, вижу, как гусь, роняя и выправляя зад, несется в мою сторону. Мелькает в перелеске и исчезает. Найдем и этого.

Зазубрин бухнул два раза, и я услышал ролот большой гусиной стаи вдали. Один я молчу. Уселись поудобнее, положил ружье на колени и покуриваю. Весна теплом своим ласкает и покоит меня. Тянут вдали последние стаи на займище. Слежу за их вольным летом, за колеблющейся темноватой ленточкой, протянувшейся по сиреневым облакам. Девятый час. Я повернулся к займищу и смотрю, как над ним кружат гуси. Под бором, километрах в двух от нас, у них «присада», они вьются там, как воронье над падалью. Ефимий каждую ночь мечтает забраться туда, но считается зазорным охотиться у самого плеса, где они жируют.

И вдруг в ухо до жути близкое, по-домашнему спокойное: га-га-га-га... Ищу испуганно птиц в небе и не вижу. Но ведь гогот рядом. Да где же они? Трясет взюб. Га-га-га... Еще ближе... Вот они. Прямо на меня, низом, по земле, за кустами, летят штук двенадцать гусей спокойным, ровным треугольником. Красиво, ритмично покачиваются, и уже видны их темные носы, сероватое оперение... Не шевелюсь. Шепчу:

— Спокойно, друг, спокойно...

Встать успею, лишь бы не свернули. Вот они. Серые, черноватые, круглые, живые гуси. Впервые в жизни вижу так близко стаю. Впервые пожираю глазами вольный лет диких гусей. Они наплывают на мой куст. До них метров сорок, уже можно стрелять. Но я не буду целиться сквозь густые ветви. Я не побегу к ним навстречу.

— Спокойно, друг, спокойно! Пропусти их набок, на поляну.

Быстро меняю позу. Стволы выкинуты на голубую полосу неба, где должны проплыть птицы. Мгновение огромно. Небо нависло надо мной в немом и жгучем ожидании. Гуси вылетают на поляну, чуть-чуть обеспокоенные. Крепко, уверенно целись в передового. Две четверти вперед. Жму гашетку. Спорый удар заряда отзывается во мне крепким пощелем. Гусь мертвым, грузным комом стукается оземь. Есть! Второй выстрел делаю в радостном озабочении, не целясь, прямо по смешавшейся и загогувавшей стае. Это всегда промах. Ну, ничего, почин сделан. Гусь убит. Вот он. Лежит, раскинув крылья по снегу. Взвешиваю его на руке. Тяжелая, крепкая птица. Осматриваю со всех сторон. По черному носу — желтое кольцо. Гусь-кольценонос, гуменик. В нем нет живописной прелести оперения, как в глухаре и особенно в дрофе, — гусь прост, однокветен, но разве не он летел этими нескончаемыми просторами, разве не он пересек целый мир с юга на север?

— Милый гусь, — шепчу я успокоенно. И уже по-другому, без зависти слушаю буханье по сторонам.

Издали прямо на меня несется пара гусей. Высоковато! Успеваю перемянить в стволах патроны на трехнуклевку. Гуси свистят над головой. Два выстрела один за другим, и передний гусь оседает на секунду, припадает на хвост и, планируя, идет вниз к березам. Я уже бегу за ним и жарко молю его:

— Падай! Падай скорее...

Качаясь, гусь пролетает низко над лесом и, скосившись, опускается к земле. Пересекаю лесок, увязая в снегу. Выхожу на чистую полянку... Вот здесь где-нибудь. Высокие алебастровые пласти снега, и среди них огромная лужа. Гуся не видно. Решаю обойти кромкой весеннего озера.

— Неужели не найти?

Не успеваю сделать и полсотни шагов по воде, как из-под навала нависшего над озерком снега, в пять шагах от

меня, срывается мой гусь. Летит под стволами. Так близко. Спокойно целись, не торопясь выстрелить, и первым ударом валю серого замертво в пятнадцать шагах. Хочется шумно выразить восторг свой от удачи, но словно боюсь вспугнуть радость и только шепчу затаенно:

— Спокойно, друг, спокойно...

Не успеваю зарыть гусей в снег, — как советует делать Пермитин, — не успеваю выкурить папиросу, — слышу возбужденные голоса охотников, возвращающихся на стан. Петрович с гусем, Басов с валенком, раскрасневшийся Ефимий волочит своего первого, уже потрепанного во время беготни гуся и, бранясь, рассказывает, как он — только что сошел со складка, а там пропянули низко шесть гусей.

— Не бегай с места на место, как дурак, — мирно советует Петрович.

Говорю Петровичу, что его гусь упал, он сомневается, но идем искать и скоро натыкаемся на птицу: она, мертвая, вверх брюхом лежит на лужайке.

Зазубрина уже нет в его складке, но Пермитин отыскал там несколько гусиных пушинок, и мы знаем, что и Владимир с добychей.

Действительно, он выходит из палатки нам навстречу с огромным редкостным гусаком. У него вокруг носа красноватые перья — признак, по заявлению Ефимия, что это «гусиный князек».

— Ликуй и веселися, ребята, гусей навалим, как царских лепешек в костер!

Петрович спокойно:

— Ты это можешь. Способный черт. Ефимий довольно скалит белые зубы.

3

Вечером рассаживаемся фронтом: слева на виду у меня спокойный Петрович, справа за лесом Зазубрин, дальше — на мысу — Басов, а там, еще дальше — неугомонный Ефимий.

Четыре часа. Западный ветерок по-свежел. Запахло водою. Перестала куриться черная кочковатая земля. Впервые сегодня, третьего мая, застонали лягушки. В березняке бормочут тетерева, доносятся громкое, словно досадливое, карканье ворон. Курлыкает, посвистывая, кругообразно летая над болотом, кроншнеп, изредка слышна чайка, стоны куличков. На островке позади меня тонко посвистывает конек, нахально верещат сороки. Редко, редко пронесется кряква. Вдали над займищем поднялись гуси, сотни гусей, покружились, как галки над гумном, и тихо спустились на невидимое плесо. Снова пала немая тишина.

Я сижу на этот раз в пролете меж двух лесочков. Настроение как перед боем. А вот и первая партия. Она летит немного правее меня — прямо через лес, за ней следует другая. Справа слышны выстрелы. Там тоже гусиный путь. Третья партия проходит опять правее меня. Тогда я,

хватая в охапку плащ, сетку, несуясь по болоту, направо. Усаживаюсь под куст и жду. Кругом пальба. Петрович уже «петкнул», как он говорит, четыре раза. Один гусь упал прямо к нему в складок. Гусей летят много, цепь за цепью, но больше вне выстрела — высоко. Не знаешь, стрелять или нет. Но чего же, собственно, ждать? И я открываю пальбу. Гуси шарахаются ввысь и летят быстрее, беспокойно переговариваясь. Но вот тройка тянет не так уж высоко, надо нацелить получше. Бахаю. И с радостью вижу, как подломилось крыло у одного из них, и он, пролетев на откос лесок, падает на поле. Бегу по глубокому снегу. Гусь, волоча крыло, гогочет и тащится по луже. Прицеливаюсь, чтобы дострелить его, но он падает на бок, и я догоняю его без выстрела.

Скорее на место. Гуси идут почти беспрерывно. Я никогда не видел такой массы гусей. Жаль, что высоко. Пускаю снова два заряда. Над займищем стоит стан. Откуда-то сбоку навертывают на меня шесть гусей, летят мимо, направляясь к Петровичу. Бью из правого ствола — летят невозмутимо, пускаю второй заряд — и гусь с высоты турманом, головой вниз, шлепается с силой в болото, раскидывая вокруг брызги воды. Слышу, как кричит Петрович: «Браво!» Приятно слышать похвалу. И, в самом деле, выстрел был неплохой. А пальба вокруг не прекращается... Петрович не утерпел и снял налетевшего на него длинноногого журавля. Я пустил заряд по мелькнувшему в березах тетереву. Веселый вечер.

Сумерками возвращаются охотники. Пермитин с гусем. Зазубрин и Басов с пустыми руками. У нас с Петровичем снова по паре. Мы впереди всех. Басов бранит двадцатку, проданную ему Ефимием. Зазубрин ворчит на заряды. Пермитин опять проклинает судьбу. Сделал дуплет, подбежал брать второго гуся, а тот поднялся и улетел. Петрович бранит его за то, что он подбежал к гусю с незаряженным ружьем.

— Мальчишка несмышленый, верста колыванская! Дурак тридцатилетний, мало тебя учили...

Пермитин смущенно улыбается и кричит:

— Ничего, завтра надавим гусей, как вшей на фронте!

Идем на стан. Зазубрин забрал журавля:

— Сыну отвезу в подарок... Но какой же он тяжеленный, черт!

Усталые, но оживленные, подходим к костру.

— Ну, робя, сегодня весенняя гульба. Веселись вовсю! Последняя ночь! — зычно орет Пермитин...

— Первого гуся на кон, в общий котел! Давай, Ефимий!

Начинается обряд пластиования первого гуся. Его с почетом обносят на ружьях вокруг костра, и Петрович с наслаждением, священномействуя,

принимается его потрошить. Делает он это с прищепыванием, с усмешкой, подразнивая Пермитина:

— Тебе, черт возьми, жалко гуська! Обещал, поди, матанье своей? Не плачь, кержацкая душа. Не жадничай! Выпей, Ефимий, с горя. Хочешь сырым сердцем закусить? Лопай, твое право!

— Пошел к лешему! Завтра еще набью. Наломаю гусей, как чертей. Сыпь, Басов, «Камаринского»!

Басов лихо откалывает плясовую на гребне. Ефимий, увешанный гусями, скачет вдохновенно вокруг костра. Пляшет он так же жадно, как охотится. Вот он пошел под собственную песню:

Дзинь-бом, дзинь-бом,
Слышен звон кандалный...
Дзинь-бом, дзинь-бом,
Путь сибирский, дальний.
Дзинь-бом, дзинь-бом,
Слышно там и тут,
Наших товарищей на каторгу ведут...

Заунывший мотив каторжной сибирской песни в его исполнении звучит отчаянью красивого веселья. Ефимий с плавной выразительностью носится вокруг огня, обволакиваемый дымом, раскинув сильные руки в стороны. Похож на шамана. От лирического грустного танца снова переходит в лихой пляс, звучно топая ногами по волгой весенней земле.

Ночь спокойно смотрит на нас темными глазами, помаргивая светлыми ресницами звезд. Вдали, не умолкая, бормочут косачи. На займище тихо погогатывает одинокий гусь. Вверху стонет диким барабашком острокрылый бекас, со свистом разрезая воздух...

Последний вечер. Все снова расселись в одну линию. Гусей на займище тьма. Сотни стай проследовали туда утром. Пермитин не может выбрать себе сидку на этот решающий вечер и бегает с места на место.

Петрович трунит над ним:

— Бегай, бегай, божья дура. Нас все равно тебе не обстрелят.

Пятый час, через полчаса гуси движутся. Гудят тетерева в березняке, стонут страстно лягушки. Впереди меня по болоту, важно, словно балетмейстер, выступает сиреневатый под лучами заката журавль. Что собственно больше волнует охотника: стрельба или это щемящее ожидание? Считаешь минуты, как влюбленный, когда же наконец придет это без двадцати пять. Лет продолжается час с небольшим — до шести. Откуда у гусей такое точное ощущение времени? Каждый вечер они снимаются с займища в одну и ту же минуту.

Время движется медленно, как волны по степям. Четыре с половиной. Закурлыкали беспокойно, словно обездоленные переселенцы, журавли. Пролетел быстро лунь над камышами. Дятел застучал где-то сзади.

— А вот...

Над чернью далеких камышей показались темные пятна, загакали и по-

шли, но не к нам, а вдоль по займищу. Партия за партией. Туда, в конец болота, минуя нас и гибая наш стан. Неужели они поняли в чем дело? Неужели отпугнула их утренняя канонада? Какая жалость! Последний вечер. И какой вечер! Тепло, заря, тишина, ширь...

С болью слежу за длинными станицами гусей, улетающих на поля. Но вот три-четыре стайки повернули к нам. Слышу легковесные звуки басовской двадцатки. Эге! Вот одна стайка тянется на меня. Нет, повернула к Пермитину. Да, несется прямо на него скрадок. Быстро выбегает Ефимий, спотыкается о кочку, цеплит и бьет раз за разом. Один гусь тряпкой падает в воду. Вот Пермитин и догнал нас с Петровичем.

Еще тянут. Эти на Петровича. И совсем низко.

Бах-бах!

Гуси заколебались, как бумажные змеи от ветра, загоготали возмущенно, смешали ряды и унеслись за лес.

— Эх, Петрович, был случай посрамить Ефимия. Так промазать!

Петрович сам качает озабоченно головой и чешет пятерней в затылке.

«Неужели я не пальну на прощанье?» — думал я, бегая глазами по займищу. Три гуся навернули на меня, но как высоко до них!

Впрочем, раздумывать некогда. Стреляю раз за разом с одного прицела. Передовой гусь резко идет вниз — слышу дикий торжествующий рев Петровича: он мой союзник, — но гусь выпрямляется, поворачивает на займище и, перебивая крылом, быстро-быстро летит, спускаясь к болоту. Вот-вот упадет. Видно, что дробь скосила ему кончик крыла. Однако он умахал с километр и только тогда ткнулся в камыш.

— Иди, ищи! — кричит Петрович.

Но искать бесполезно, гусь жив и в камышах уплывает далеко. Какая досада! Ну ничего. Пусть на этот раз не будет победителя. Обойдемся и без короля охоты.

Идем на стан. Дорогой дружно салютуем пролетающим вдали гусям:

— Прощай, родные!

— Сколько же всего у нас гусей?

— Тринадцать.

Ефимий орет:

— Я говорил, наломаем, как чертей.

Вон она — чертова дюжина.

Петрович участливо спрашивает его:

— А здорово ты кержацкого бога молил, чтобы последний гусь не упал? А?

— Пошел ты к черту!..

Ночью скакем обратно в Колывань, простишись с Тойскими болотами. Мороз, холодные просторы, светло и ясно. Дремлем. Снятся гуси, слышится их вольный гогот. Снова летят под луной белые лебеди. Пермитин задумчиво поет песни и рассказывает, как прошлой осенью он неделю скакал по полям за улетающими гусями, как три дня гонялся по озеру Чана в членоке за лебедями.

Симкин Г. М. *Певчие птицы. Справочное пособие*. — М.: Лесная пром-ть, 1990. — 63 000 экз. 399 с., ил. 2 р. 80 к.

Автор — широко известный ученик, один из лучших знатоков экологии, поведения, песни и «языков» птиц. В книге приведены сведения о биологии 62 видов певчих птиц нашей страны. Впервые в отечественной и мировой литературе подробно рассказывается об особенностях пения, приемах, оценки песен и анализа «языка» каждого вида. Особое внимание сосредоточено на истории происхождения и расселения каждого вида, взаимосвязях птиц с окружающей их природной средой, адаптивных чертах поведения и общения между особями одного и близких видов.

Заповедники СССР. Заповедники Кавказа. — М.: Мысль, 1990. — 100 000 экз. 365 с., ил., карт. 4 р. 30 к.

Очередной том серии «Заповедники СССР» знакомит с поразительным разнообразием естественных ландшафтов, оберегаемых в 37 заповедниках Кавказского региона: от богатых жизнью прибрежных мелководий Каспийского моря и огромного песчаного бархана в Дагестане к бесконечному чередованию лесистых щелей, живописных просторов альпийских лугов, величественных ледников и поднебесных вершин. Леса древней Колхида сменяются аридными редколесьями Восточного Закавказья. Склоны Талышских гор сбегают к прикаспийским степям, которые переходят в тростниковые заросли морских и озерных мелководий. Уделено внимание сохранению редких и исчезающих видов растений и животных.

Дружинина О. А., Мяло Е. Г. *Охрана растительного покрова Крайнего Севера: проблемы и перспективы*. — М.: Агропромиздат, 1990. — 1360 экз. 176 с. 2 р. 60 к.

В книге дан анализ современных форм и экономических последствий воздействия человека на растительный покров Крайнего Севера; освещены прикладные аспекты антропогенной динамики растительного покрова в связи с проблемами охраны ботанических объектов и рационального использования растительных ресурсов; предложены рекомендации по использованию вторичных растительных сообществ, подбору видов местной флоры для рекультивации нарушенных земель и озеленению населенных пунктов.

Нымисалу Ф. Р. *Охотничья этика*. — М.: Агропромиздат, 1989. — 47 500 экз. 175 с., ил. 50 к.

На опыте Эстонии автор рассматривает вопросы, связанные с ведением современного охотниччьего хозяйства, направленным на защиту и воспроизводство охотничьей фауны. Основное внимание в книге уделяется принципам охотничьей этики, неразрывно связанным с требованиями охраны природы.

Югославия отличается от большинства европейских государств относительно хорошей сохранностью природной среды. Тут обитает дичь, становящаяся в Европе редкой или же совсем исчезнувшая, как медведь, волк, рысь, глухарь. Остальная часть территории страны в основном используется в сельском хозяйстве и представляет собой хорошие охотничьи угодья для мелкой дичи и косули. Охотничьи организации заботятся о выращивании и охране дичи, что обеспечивает югославским и зарубежным охотникам благоприятные условия для охоты.

Серны обитают в горах: от Альп на севере до Македонии на юге.

ОХОТА В ЮГОСЛАВИИ

Югославия — страна больших географических и климатических различий. Высокие горы длинной цепью протянулись от Альп до Греции. На севере страны горы переходят постепенно в равнину. Вдоль Адриатического моря тянется узкая прибрежная полоса. Такое различие типов местообитаний обуславливает разнообразие фауны: шакал, серая куропатка, кеклик и муфлон — в прибрежном поясе; многочисленные зайцы, фазаны и куропатки — на равнинах; благородный олень — в пойменных лесах больших рек; медведи, волки и глухари — в горных лесах; горные козлы и сурки — в Альпийском поясе. Если эту картину охотничьих угодий Югославии дополнить сведениями о том, что из совокупной площади Югославии в 255,8 тыс. км² свыше 210 тыс. км² представляют богатые охотничьи угодья, можно понять, почему для урбанизированного европейца Югославия уже много лет представляет охотничье Эльдорадо.

Лучшие местообитания европейского оленя — пойменные леса вдоль Дуная, Дравы и Савы. Тут черная плодородная почва, богатейшая кормовая база: желуди в дубовых лесах, плоды кустарников (ежевика, шиповник), густые заросли ивы, тростники возле медленно текущих и стоячих вод. Некоторые водоемы осенью высыхают. На таких прогалинах в это время раздается рев оленей, такой сильный, что, кажется, трясутся стволы дубов. Именно в этих местах в 1946 г. добывали оленя, который четверть века был мировым чемпионом. Из 6—8 тыс. оленей, ежегодно добываемых в Югославии, с наиболее высокими трофейными показателями

бывают из этих мест. Разумеется, хорошего оленя можно убить и в высокогорных охотничьих угодьях Словении, Хорватии и Сербии, и немалое число охотников предпочитают охоту на оленя в горах.

Из копытных самый массовый вид — косуля; за год ее отстреливают в 8—10 раз больше, чем олена. Косуля распространена почти повсеместно: от высокогорных областей до огромных сельскохозяйственных пространств на севере страны. Немало удовольствия доставляет охотнику скрадывание самца в начале охотничьего сезона, пока трава еще невысокая, или охота приманиванием в конце июля, во время гона. Охота приманиванием требует от охотника большого опыта и знания поведения дичи. Трофейный самец с 150 и выше баллами не редкость; югославский рекорд — 207,25 балла.

Поголовье серны 28—30 тыс. голов. Эта дичь обитает во всех высокогорных местностях, начиная от Альп и до Македонии. Самые многочисленные популяции находятся в Словении и Герцеговине, но зверь с высокими трофейными показателями можно найти и в Сербии (в ущелье реки Дрины), в Косове (в горных массивах Проклетий), в Македонии. Югославская серна по своей трофейной ценности относится к высшему классу. Югославский рекорд (122,22 балла) происходит из известного охотничьего угодья Прень, на левой стороне ущелья реки Неретвы в Герцеговине.

Численность кабана за последние двадцать лет сильно увеличилась. Его можно встретить, начиная от высокогорных лесов до зарослей вдоль больших рек. За год добывается более

Д. БОЙОВИЧ
Охотничий союз Югославии

15 тыс. кабанов. Наибольшее удовольствие для охотника — высаживание крупного кабана по следу на снегу, для чего требуются большая выдержка и опыт. Югославский рекорд по клыкам кабана — 142,3 балла.

Медведь — обитатель высокогорных угодий. Ежегодно отстреливают около 200 шт. высокого трофейного качества, что подтверждает мировое первенство с 552 баллами. Новый югославский рекорд — медведь из Боснии — на 5 баллов больше.

Из псовых наиболее многочисленна лисица. Пушнина зимних, в особенности горных, лисиц имеет высокую стоимость. Шакал — обычный обитатель азиатических прибрежных районов. Волк — интереснейший обитатель горных лесов Югославии. Только благодаря тому, что в последнее время проведены крупномасштабные исследования, мы узнали: оказывается, Югославия имеет наиболее высокую плотность населения волков в мире. Ежегодный отстрел уже десятками лет держится на уровне 100 волков, что указывает на стабильную (и, конечно, чрезмерную) численность популяции.

Из охотничьих птиц представителем девственных лесов является глухарь: немногочислен, но присутствует в большинстве соответствующих местообитаний, от Словении до Македонии. Тетерев в Югославии сохранился только в Словении, немногочислен. В отличие от него рябчик распространен во всех горных лесах. Основная дичь для охоты с легавой — фазан. Одна треть убитых фазанов происходит из фазанариев. Разведение и выпуск фазанов в угодья уменьшает пресс охоты на остальную пернатую дичь, прежде

луке огромного сошатого однажды обнаружили несколько килограммов полупереварившихся мухоморов. Мясо оленей, наевшихся мухоморов, действует опьяняющее. Известно, что едят эти грибы белки, кролики и другие животные.

Весьма вероятно, что животные, поедая мухоморы, также испытывают возбуждающее, близкое к наркотическому действию чувство.

С. КОРЫТИН

ВОТ ЭТО ОХОТА!

Недавно, просматривая подшивки журнала «Охота и охотничье хозяйство», снова перечитал рассказ Ю. Вигоря «Лиса в трубе» (№ 3 за 1989 г.). Судя по стилю изложения, автор относит сюжет к анекдотическому случаю, и наверняка многие читатели думают так же. Очевидно, потому, что мало знают об особенностях охот в разных регионах нашей страны.

Краснодарский край занимается выращиванием риса. Красноармейский район, в котором я живу, наиболее «поработлен» этой культурой. Представьте себе густую сеть гидросооружений: рисовые чеки, соединенные с оросительными и сбросными каналами, которые начинаются сразу же за окольцем наших станиц и простираются на десятки тысяч гектаров. Вся эта система немыслима без труб. Трубы везде, они соединяют крупные каналы с более мелкими, те, в свою очередь, соединены с чеками, из чеков выходят в сбросную систему. Если походить день, насчитаешь не одну сотню этих «диковин» — труб разного диаметра. Лисица приспособливается к любым изобретениям человека. Она и это новшество не преминула использовать.

Глубокой осенью, когда рис убран, а вода с систем спущена, трубы становятся прекрасным убежищем для лисицы и енотовидной собаки. По моим наблюдениям, лиса даже предпочитает трубу норе, открытой в грунте: там и чисто и сухо. Встречаются же эти трубы на каждом шагу.

Система севооборота на рисовых чеках позволяет лисице использовать трубу не только как временное убежище, но и выводить в ней потомство, когда системы без воды и трубы остаются сухими более года. Лисица выбирает заброшенные участки с полузаасыпанными трубами и отрывается вход — нора готова, лучшей и желательной не надо.

Однако это новаторство имеет и оборотную сторону. Труба, дающая лисице такие удобства, становится для нее подлинной ловушкой. Беру на себя смелость утверждать, что более половины лисиц, добытых в нашем районе, являются «трубными». Раненый зверь обязательно занорится, «затрубится» в ближайшем убежище и этим частенько подводит себя. В отличие от норы труба просматривается почти всегда насквозь. Если ты заглянул в нее и увидел в полумраке две светящиеся точки, будь проворен: удача в твоих руках.

Вариантов множество. Все зависит от обстоятельств. Выстрел всегда поможет делу, а если лисица ранена, то попытается выбраться с противоположной стороны. Вызывает удивление, как порой в трубе диаметром в 20 см разворачивается на 180° довольно крупная особь. Охотник должен только не упустить момент выхода.

Для извлечения из трубы убитой лисицы существует тоже несколько способов. Самый простой из них — использование мотка стальной проволоки метров десяти длиной. В трубу на нужную длину заводят проволоку, конец которой изгибают в виде коловорота и вращают. Пушистая шерсть, в особенности хвост, наматывается довольно плотно и, если труба гладкая, — дело сделано.

Таким способом нашим охотникам удавалось извлекать и живых лисиц, если труба не была сквозной и произвести выстрел не было возможности или не имело смысла. При этом необходима большая осторожность на заключительном этапе, так как лисица, обладая хорошей реакцией, может молниеносно пустить в ход зубы и уйти от незадачливого охотника.

Частенько неопытному охотнику попадается трофей другого рода. Увидев в трубе горящие глаза и сделав удачный

выстрел, наш счастливец бежит за счастью к товарищам (свой обычно не оказывается) и возбужденно рассказывает, как он преследовал рыжую плутовку, все-таки распутал все ее уловки, загнал в трубу и добыл, а теперь дело за малым — достать. Всей гурьбой отправляются, кто помочь, кто поглязеть и позавидовать удачливому товарищу. Наконец, после нескольких попыток добыча извлечена на потеху веселым товарищам и к изумлению горе-охотника, готового провалиться сквозь землю возле проклятой трубы: охотничий трофеем оказывается здоровенный одичавший домашний кот, заброшенный судьбой на вольные хлеба. Шутки в этот день не умолкают до вечера.

А. АРТЕМЬЕВ,
охотник
ст. Ивановская

ЛЮБИТЕЛЯМ-БИБЛИОФИЛАМ

Рекламно-издательское агентство «Рипол» готовит к изданию монографию известного русского медвежатника князя А. А. Ширинского-Шихматова «По медвежьим следам». Эту работу, напечатанную в 1890 году, по праву относят к числу антикварных охотничьих сокровищ. Из 100 номерованных экземпляров этой книги, вручавшихся лично титулованным медвежатником высокопоставленным знатным osobам, в нашей стране, по мнению библиофила Н. П. Смирнова-Сокольского и некоторых старых букинистов, осталось не более трех.

Данное издание распространяется по подписке по предварительным заявкам. Заявки направлять по адресу: Москва, 123100, абонентский ящик № 21 (с пометкой «Охота»). После регистрации вашей заявки вам будут высланы «Условия подписки».

Книга выпускается ограниченным тиражом, в твердом переплете, на плотной бумаге, ориентировочная цена 40—50 руб.

ПРИГЛАШАЕМ!

Колхоз «Правда» (с. Чистополье Кировской области, Колтенинского района) объявляет конкурс на замещение должности лесничий колхоза и охотвед колхоза.

Гарантированный оклад от 180 до 230 руб. и кроме того значительная доплата по результатам финансового года. Вступающим в должность предоставляется дом деревенского типа, участок 0,5 га, сенокос 1 га, выплаты по переселению согласно трудовому законодательству.

В порядке эксперимента колхоз занимается лесным хозяйством (6 тыс. га колхозных лесов), охотничим промыслом (78 тыс. га колхозных охотничьих угодий) и пчеловодством.

В с. Чистополье есть средняя школа, детский сад, столовая, магазины, центральные улицы асфальтированы.

Если вы считаете себя способным наладить современное производство, приглашаем вас познакомиться с хозяйством или выслать почтой свою заявление. К заявлению приложите выписку из трудовой книжки. Заявления принимаются до 1 января 1991 г.

Подписка на журнал «Охота и охотничье хозяйство» не ограничена и принимается во всех отделениях связи до 1-го числа предподписанного месяца.

Подписная цена на квартал — 2 р. 40 к.

Цена одного номера 80 к.

Индекс 70673

Журнал «Охота и охотничье хозяйство» в розничную продажу не поступает. Рекомендуем читателям заблаговременно подписать на наш журнал. Обо всех случаях отказа в подписке просим сообщать в редакцию.

НА ПРИВАДЕ

В НОМЕРЕ:

КОВАЛЕВ Б. Прекратить притеснять охотников 1

Охотниче хозяйство и промысел

АКСЕНОВ А. Проблемы пригородного района 2
ШИРЯЕВ В. 50 лет в охотоведении 4
СОБАНСКИЙ Г. Алтайский способ промысла белки 8
МУРАВИЦКИЙ В. Кабан после выстрела 20

Наука

ЮДИН В. Экология питания тигра 10
ЧЕГОРКА П. Благородный и пятнистый олени: проблемы гибридизации 18

Молодому охотнику

ИВАНОВ В. За русаком на Кубани 14

Собаководство

ГРИГОРЬЕВ В. Зигзаги неуместной самодеятельности 22
ШАТУРИН Н. Правила перевозки собак 24

Оружие и снаряжение

Вновь о пулях для гладкостволок 26
АКСЕНОВ Н. Ассоциация историков оружия 28

Литературные страницы

КУЧЕРЕНКО СЕРГЕЙ. Не преступи черты 30
ПРАВДУХИН ВАЛЕРИЙ. На гусином займище 37

За рубежом

БОЙОВИЧ Д. Охота в Югославии 42

Поправка. В № 9 журнала по вине литературного редактора автором двух последних стихотворений на стр. 37 назван М. Вишняков. В действительности их написал Н. Панченко. Редактор приносит М. Вишнякову, Н. Панченко и нашим читателям свои извинения.

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия

М. М. Блюм, С. В. Болденков, Г. В. Висячев,
Т. А. Волжина, (ответственный секретарь),
В. А. Галактионов, В. Д. Голованов, В. И. Животченко,
Д. В. Житенёв (зам. главного редактора),
А. М. Колосов, Я. С. Рusanов, В. Г. Сафонов,
А. А. Севастьянов, И. Б. Шишкун, А. А. Улитин,
С. М. Успенский, Ю. П. Язан

Художественно-технический редактор В. И. Просвирина
Корректор В. Н. Маркина

Сдано в набор 11.09.90. Подписано к печати 16.10.90.
Формат 84×108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 8,82. Уч.-изд. л. 8,79.
Тираж 962740 экз. Заказ 1732. Цена 80 к.

**Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78,
Садовая-Спасская, 18.
Тел.: 207-24-05, 207-20-91.**

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати
142300, г. Чехов Московской области.

ЗА КАБАНОМ

Кабанов нередко добывают из-под собак гончих и других пород, а также вовсе беспородных, но хорошо притравленных к этому зверю.

Чтобы перехватить кабана из-под гончих, нужно передвигаться бесшумно, причем охота всегда бывает удачнее тогда, когда зверь приближается к охотнику по ветру. От гончих для охоты по кабану, помимо злобности и средней наратости, требуется еще и необходимая осторожность, так как застигнутый и задержанный собаками кабан энергично защищается и при недостатке осторожности со стороны гончих может убить и искалечить многих собак...

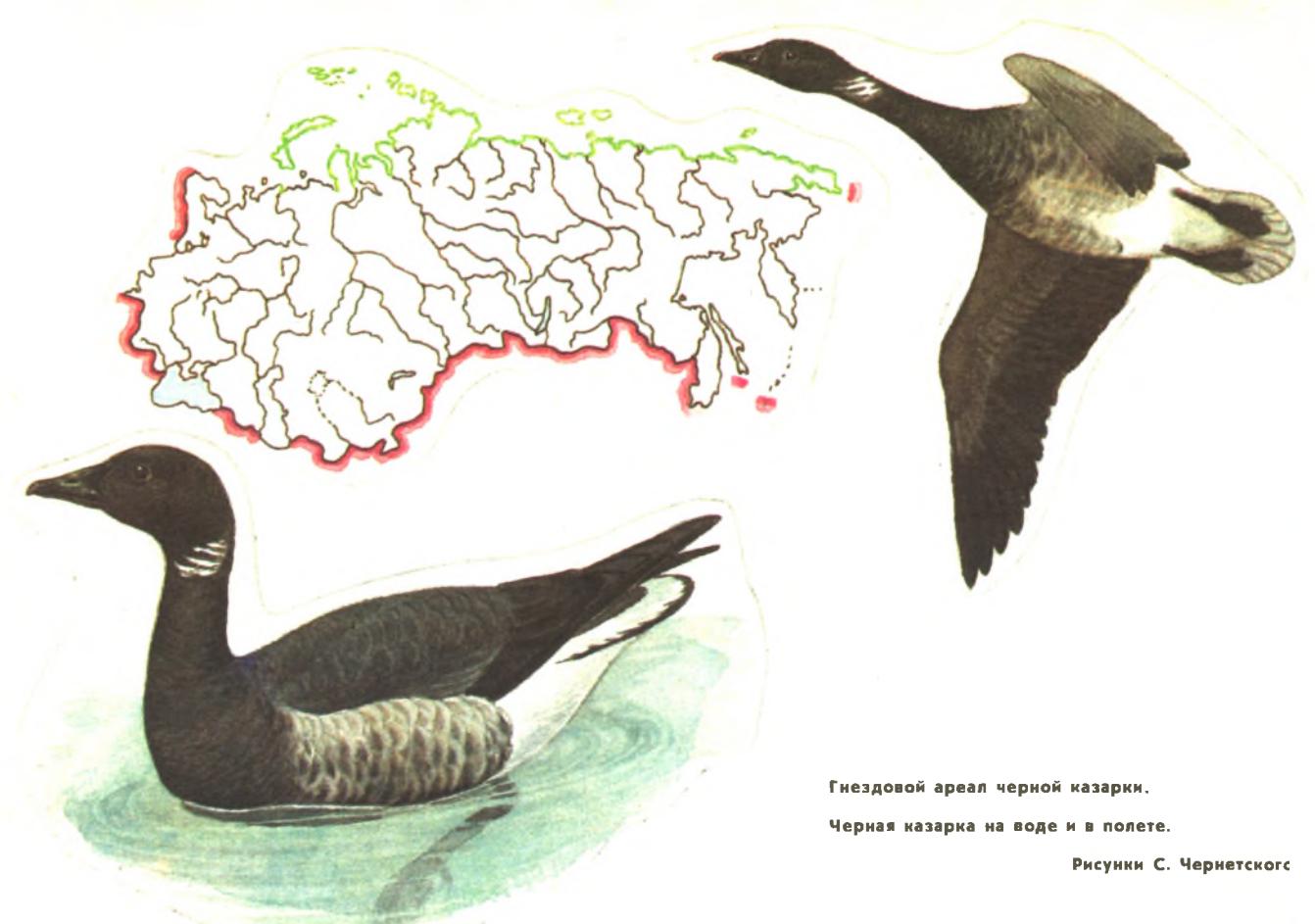
Подходя к задержанному собаками кабану, нужно помнить, что зверь, в особенности секач, увидев приближающегося к нему человека, нередко бросается на него так стремительно, что охотник может не успеть вовремя уклониться в сторону. Поэтому следует избегать подходить к кабану спереди, а подходя сбоку, все время быть готовым к выстрелу. Удобнее подходить к кабану сзади, но и при таком подходе нужно соблюдать тишину и отнюдь не подбадривать собак криком. Стрелять кабана лучше всего в ухо или под лопатку...

Выстрел на этих охотах приходится делать на небольшом расстоянии и очень часто при таких условиях, когда нет возможности точно выцеливать зверя. В этом случае, стреляя по кабану, больше приходится полагаться не на точность прицела, а на долголетнюю привычку к своему дробовому ружью.

Г. РАХМАНИН

Фото К. Сливиниса

Черная казарка у воды.

Фото И. Мухина

НАШИ ГУСИ

